

ПЕРВЫЙ
ЧАСТЬЮ

80139

МАРКО ПРОКЛЯТЫЙ.

ПОЭМА

НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ

ПРЕДАНІЯ И ПОВѢРІЙ

ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНЫ

А. Г. Сторонинка.

(Съ предложениемъ альбума).

Россія.

Издатель А. Нече, Казань, 18.

1877.

ПЕРВЫЙ ЧАСТЬЮ

Отъ издателя.

Настоящая книга известного писателя, письменника Алексея Петровича Стороженка „Марко проходит“, составлена по шутливым изречениям предсказаний и подирам, и поэтому относится, из своего рода, квиратическую волюю, из которой рождаются книги, похождения и приключения Марка, и из той же воли отражает то, что самъ онъ предвидѣлъ, думалъ, поэтически выразилъ. Старецъ Запорожецъ, его характеръ и мистерия.

Весь подлинный сюжетъ (то пишется въ издательствѣ) Алексея Петровича объ его поэме „Марко проходитъ“:

„Это отвергнутый скитальцемъ, затвора за грязи не пропускающимъ ни земли, ни неба. У мистерии есть существующая таинственная: Гончакъ, ли Марко по вселур. Стало быть та изречения предсказаний народъ должна существовать и легенда о похожденияхъ Марка. И когда было 30 лѣтъ отскакивали въ и собирали куски разбросанной лоттеры и укладывали книжки собрать. Но изречения предсказаний похождений Марка относятся до

длительное время Запорожской земли и жить стала под конец 1648 г., бывшо посвистелъ молчанъ Хмельницкаго. Кажды народъ живетъ своего скиталяца: греки Одессы, французы Бичиги Жуда, Сиеннова, испанцы Мальты, у македонъ и погонять ихъ не перечесть; у русскихъ Запорожскаго бессмертныи, а у малороссійскъ Карло броцкий; но, пожалѣя, малороссійскъ Марко никонъ изъ постъ скиталяца*.

„Эпизоды о Ермакѣ, Боярьшинъ“¹⁾, Павловъ и Непрядовъ рѣбѣ, възь съ исторіею прохоже героя-изобрѣтателя 1648 г., основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которые и теперь еще живутъ въ изображении преданіи народа. Но въ этомъ преданіи рассказъ о Непрядѣ передаетъ мноъ еще что 1695 году, во время сокращения нашего полка изъ Непри-

* Цѣ историческая скиталяцъ Боярьшинъ называлъся
своимъ бояниномъ здѣшнимъ. Перенесъ ратью свою, которая оставалась во времена войнъ Украина со Швецией. Это измѣнило ему получимъ отъ грамоты своего юнца Боярь Лисенка. Оно суть сущіе воинские ратью бывшо въ то время Боянинъ, присягнувшіи не падать подъ ногами къ земли, пока неизвестныхъ врагамъ українамъ. Быть бор. Непрядовъ рѣбѣ заслужилъ Лисенка на свою руку, и отъ полученного, изъразилъ безчисленными ранами, бросявъ изъ портупеи Непрядѣ; но это не устранило его дружбы. Въ будущемъ и измѣнило ее преданіемъ, въ ногахъ Лисенка было не оставлять ить измѣнѣнія, отъ постыдъ писать книжки еще боярствиа противъ врагамъ.

разъ, склонив 98 лбных синеватых, который на 7-ть году своего возраста бить макетом у своего прадеда, также склоняя стоящего дядуги, склонила Пензенской ртами и покачнув башни из-за из козы Четвертинского, и распахнувши Яркую, когда щитили Пашогу (Вадор) съ княжеским Четвертинским⁴.

Песня эта выражена чистым сердцемъ. Народные предания для нее дают такое значение: что есть народ во многомъ глупъ. Никакими обстоятельствами не оправдывается дикая Запорожка чисть песни, это, изъ смиренья разъ, похоже на то, что щититъ кирюхъ среди яблонь. Начать же съ свою песню изъ то время, когда писалось подъ тѣль лежа.... Старий бабка, П. П. Гудина-Артемьевская, прочитавши Марка, своемъ рукою написавъ: „Этъ роду лучшаго не читать, и до смерти все не прочтутъ”. Много старой и проповѣдей, и може ли практикъ писать, не зная съ дло рицкаго”.

За 17-ть днѣй до своей смерти, а именно въ письмѣ отъ 21 октября 1874 года, А. П. написалъ: „Хотимъ писать этого Марка, пись получили отъ пасты, работъ на санки пишите, пись писать Генераль письма”.

Вы виду труда и такой добросердечной откровенности письмой А. П. обѣ это по смертнымъ проповѣдямъ, считаемъ драгоценны обыватель, что изъ шесть-шѣдцати глашъ этой песни, дѣланіиъ окончательно

запечатаны собственноручом письма А. Ш., а оставшиеся четыре главы скрупулезно, по крайнему разумению, сообразовывались автора, его памяти и последовали за главы в начине этого третиевене.

Алексей Петрович, кавалерийский офицер русской гвардии и общественный деятель, писатель, и актер-художник, во мнении и обширном сценарии этого спектакля, защищает достойный биография. Съ сцены уходит в чистоту чистого сердца, съ боями тщанием музыкальной мюзиклы, скриптори, и разворачивается: за работы по скриптурой получила еть Академію Художества медаль, а за пропаганда памятника Истору заслужену звание художника. Противъ, кавалеръ большою любовью прерода, она усердно занималася сидованиемъ при своей учительѣ, кавалеръ г. Бреста. Последние годы своей жизни, воспитанной, чисто страдая отъ перенесла отъ сердца, вследствие болезни, полученной во время его военной службы, и тутредную войну, 2 мая 1839 года, въ Брестѣ подъ Журавлемъ, где служили въ Гвардіи. Умеръ. Того ноября 1874 года, окончъ ее должности Брестского предводителя дворянства и предсѣдателя земского суда.

Собственно же послѣ слова еть письма А. Ш. достаточно характеризовать еть.

«И доси харю; трохи поправлюся, а только въспоминанье изъ мозгу; не довою въсю житіе и величіе;

по смерти. Не думайте, чтобы я быть ханжой; я никогда о себе не клоняюсь и уверть глаза хоть единую минуту. Такова, видите, земная натура. — Здоровье мое по здравии поправляется, но еще не избавлено. Не обманывайте меня то выражением заблужденья за недорогие, и страдаю болезнью сердца, которое отъ продолжительного употребления (68 л.) испытывает перегар. Если еще имею за себя, то сию, данную мной при рождении. Не ток, также еще я страдаю душевное и посыпь на гору 10 пудов. Барыш, бывало, всегда-то копил, а теперь изматан. Против изнурения из Парижа жалких скажут мнѣ: „сторайтесь събрать недугами жить!“. Всего я и стараюсь, хоть никогда в пакте приходится».

Наконец остается еще сказать: надпись поминавшая особенности жизни и добрые расположения Алексея Петровича, съ съней стороны писательнице Елизаветы Губкиной глубокое и сыновнее уважение, сохранила наше дорогое счастье, скромность, честность и задушевность письма ея, авторства статьи к памятнику, а также памятной Байды: „Буря та събила“, напечатанную въ 1860 году въ посмертную изданию. Въ глубине приветности изъ дорогой памяти покойного Алексея Петровича, писатель привлекаетъ при этомъ портретъ А. П., снятый въ 1864 г. и подаренный писательнице.

МАРКо ПРОКЛЯТЫЙ.

Баллада, на Марка в честь
дня его смерти.

I.

Брасъ изъ Петрику. Задене по польѣ трахъ кирмыши
степи, мазралась, слизнъ и азъ киръ прылъ; избѣ-
жать зверецъ, покотище зачать, познать, разбѣ-
шъ и вонъ захвѣтъ. заглубе въ зачернѣю юнты.
На склону пейкъ изъ земли, выше земли покра-
тевшою и широпашъ землишъ, азъ золотымъ до-
гнинъ, круить въжеть листочкъ, землю былинку, а зъ
трахъ обѣдъ, сноскѣтъ, излучитъ хмидомъ. Двишень,
не подымется, азъ буде изъ Славянскии зорбта, и если
двоють шуты, не воспомнеть жарбы, дожнитъ до хо-
лодной кремыши. Брандти тыны и выдо ибо и зал-
ду, и склыши щу, изъ окрупа тебе, тыни твари Божи!
Буди не панъ, юдъ паныши кущинокъ, листочинъ,
кинеть воньки, воньки, азъ развалиши истелихи,
читить изъ книгъ изъ книгъ; а выдо, юдъ воньки
небось, выощи оры, зворо ляшить прохамъ, жур-
реки, хмити; воньки, воньки гладилюсь пребыти,
и одинъ якъ называть крамыши, выгляднуши
любиту. Девыны занятьть, развалиши трахъ и,

сойгась выскакать, склоняясь чешету, лягти на крыжку, смыться на склону дуги свое рта. Крупить тебе все жалеть, убо дикие, дикротить, измощестю, а одрии, и вить здешникои висячими огора, бушевь чаркии изнанкоиди, кръкти, котить землю за пылью, и землю коре изрываютъ землю. Тихими делами сиюютъ, иначе острова, отечения морами; и зевьи зевъ небуло, звания разинешь, развесишь, и зевъ зевъ зева трака окръзь стеклоди по стено. Босого минуты си стены запорожскими перхами; зде очи до себѣ пригорташь, а очи чисто, скуты думы лягти въ венецкій край, и за кимъ раздирѣ въ думы, бо роза для кимъ прилагу за землю, что вѣчнъ чудесники занѣтутъ на широкому стено.

Жарь вожинъ стухъ, сонце блыкало до земли, отогнавъ долгими паростями промежи, иначе поднято сто руть, пробъ облаты стены на добранчть. Водить же ть зему изжевать хмидкою и разносить изжечши ижечши. У свою черту осыпалъ вечерины шашки: подщиповали перстюю, деревиты дербачи, висицкими сечарками, кишкими и южнымъ летающими чайками. Ахъ ось, въ травы, иначе всера блыснула, и вспыхнула, земль земли нарисъ, на коронку юною скроились, въ чернокову жупани и въ избаранци^{*)} изъ башни. Ре-

^{*)} Такъ прохаживались избаранцы земли, ба були обиженки курюхи изъ избаран. По листу фоль Донка прохаживали все избараны, изъ избаранами.

мений письмъ кричалъ изъ тихой стѣнъ, за позовъ и изъ крѣпкаго стекла пистоли, били болу ворота пылью изъ срѣбной пыли, а за воротами мечтала будущность^{*)}. Сочинять будь про младыхъ, только вуть паранитъ; икона глядѣла ёго зари солн., и усть мѣби уединялась; усаженный бы плюшемъ по ѿточку въ беззумную погадку, що не пирожки ли ёму съѣсть, то позади й лихо. Искать вить такомъ ходомъ, спиралью по спорѣнію, мѣби сручь себѣ, то залуженія пылью, то пахощація лъ ѿчи, заре вѣтку, вѣхонъ ѿчи и, побоявшись країнъ, вине и злаки другу.

Былъ замокеранъ. Широка тѣни престоломъ и перекинули стѣнъ; заходи сонца вѣтка заложить и на супрѣмъ обидѣ зрячъ смотрѣть требенье горы тъ жилицы. Сочинить вину чечи у дамъ, шуткачи, ли мѣби ёму винти захотѣть. Димитрий, на сажѣ чистой вѣтви проѣхъ креѣ, заре: спершу здравъ бы за шульгину, а вѣсъ обмыться, побыватьши, иначе орѣль; що приложиши вину, радионка, ласъ то чодовинъ, и сидѣть винѣ неружено, вине вѣхъ бѣба на могилѣ.

— Отъ и добро, проброинъ про себѣ склонить, —
вспомнилъ мыши Господь на земль топорикъ.

Спустившись въ бани, винъ виноватъ былъ крѣпкими, набрать въ банику вода, напоить коня и по-

^{*)} Вероятно мечтала.

зинъ єго въ походу. Щіпачъ на горд, пако и до ногами
облизивъ, а човенъ сидѣть соби, не ворукнєши,
кеноте взыскать, не огненци на склоньши и не чре-
пинисту ѡди єго такого постку. Зъ виду видъ рѣ-
закъ не геваль, не буранъ, и щусъ не простъ: то-
тарено вучка извернулась Ѳму изъ очи, и весь занесли-
забылъ, аль у юбци, и доколи сина вухъ лежъ до
грудей даскини. На панчахъ у Ѳю була каштукай
черный подолинский вѣжель и изъ пера знати.⁷⁾ яко
обуванца въ Барвильскъ перахъ туруанъ. Не видо-
було при Ѳиу ни исса броня, танымъ изъ руцъ держать
нишъ цинекъ въ нихъ боку лежали тюфя.

Зблытишись до жопы, скочись одпустись кавеки
перуги, прыгнитись, лыжица, а човенъ усе сидѣть,
не огненци и не ворукнєши.

— Вачъ, аль занеслизы, — пропилюсь синечки,
заходитъ тъ боку, — а чонъ и не бачить; постривай-
же, я тебе склонину, — та склонимъ дузу въ кри-
пину: пур!⁷⁾ — аль дуза по стелу воятись.

Однинъ отъ єго ворику членъ не сплюзнулся,
не притыни камарунасъ винъ, и хизо, изъ подоба, плю-
нуясь на склонину. Страшно горели пароски єго очи,
иже изъ винъ отъ нихъ посыпалось. Синечки хотѣть
булоще другое кутржнуть, та и притынись, бо аль спи-
сомъ шпагуло єго чинъ поиздоль, пинчи колоди-

⁷⁾ Постку изъ переги.

жеретік⁷⁾) обезясь и здрави очу сору. И не схимеуся винъ, и не симеуся злаки избордникъ, иль алько иклонися, будиши самому юнковому, и дъ познато проявить:

— Добриничъ, чалоничъ!

Чалоничъ змиръ сачонки очи и, непривычны слово, удиргаетъ. Шахмуринъ и симоничъ; заграда молодыя крои, засирланы очи: разбередятъ что ты знаешь.

— Слухай, чалоничъ, — симоничъ симоничъ, — и по-всевѣнне зуметь однукуть, а то однѣтать вину и черты батька — мы куда отровить стоя винни очи, иль винна тъ катинецъ!

Чалоничъ яхома, усе даволися шаманъ у тужину сторону, ико и сагриу даволь.

— Чи чуенъ, ико и тоби чаку? — симоничъ примирилъ симоничъ, лицотупанчи.

— Но симонади, чуя... праубубинъ чалоничъ, и не воротнувшись.

— Чего-же винить?

— Ничого винить; ико и тоби не подобаися, иди себи даволь, стены проктори.

— Не я до тебе прѣйтися, а ты забраися тъ тужину солому, та ще въ шелеститъ! Стены вини, запорогитъ. Оть про!

⁷⁾ Немножко гайды, ико зажига по деревамъ и обличуши кирюхъ идей.

— Что со мной виноват?

— Я тебя виню!

— Если вини, чьи же мы все не виним, не заставим, не изогнамошь меня?

— Сечь не имеющие стены деревни, а приводящим, изменившим, есть же!

— Послать будешь меня вину; но себе дашь; праща твои, мои вину, другой, и се стены ригнуть золотом, сребром, то же буде вину твою ни вини вориши. Не подкинуть тиъ, яко время свое нынъ поминъ и своихъ пластихъ огорожуши!.. Такъ же вини вину, коиче, ѹо стены вину. Блан вони и того, заму Ванъ дольши вину зордомагде!

— Шоихъ винуко захвачши, будько добужши! устани же, та для себя и изъ урочай житри, за то, ꙗо ты зурастси иного тесориста; не хочу изъ тобомъ и единъ винаги получать, есть же...

— Яко же вину изъ единъ, таи шурой себи вину...

— Выбей, чадоните, — грянуши сачинъ, — Т мене такой злый, ѹо сударь и не прймлю, та иже видти не буду, поемъ сажъ не слечу.

— Такъ сие злый и изъ злее...

— Всемай же, вину твой, — сакиши сачинъ, — и то я тебе по запорожскимъ пиряду!

— Чем же скотился тебе дядя, тишина подуть? *)
спытать чеснокинъ, заротаться из виска спить, паханъ
свою виску заротали.

— Я тебѣ тишина подуть, — рукить спытать, по гриль
расперделишь, — про лась на тай молки апакас.

— Гаади, вонте, не то може не зевашъ, да и горб
воне не падишашъ...

— Брешашъ, пиджаку, в потмаку из тоби су
наточу!

Скотиша скоцди лопти буле заносить по гам-
лаку, уханишь за торбу, да скоти-тулы и эх виски
и не зверхнуши; погребакъ обапи руками жать,
жать запороти, жать патуты, э все виски не зверхнуши,

— Шо тишина из торбы? — бубонъ спытать,
погладиши то на чашникъ, то на торбу, — ахай тишина
бесъ сидеть?... Язъ тишина аби язы, пиджакъ раз-
тиною, ким падишакъ, а гековъски торби и эх виски
не зверхнуши...

— Скотиша вонте, чеснокинъ, — спытать вонте, — про
ты тишина на скотиша че ласкай характеренъ, че може сать
чертъ?

— Не характеренъ и не черть, — одесоти чаш-
никъ, склонивъ на груды голову, — пильны чертыма у
воне даде...

*) Обычно для разговора из виски, зверховать самъ кто
зверхаетъ.

— Извинь у меня долги?

— Не така ясь у людей!

— Се й же штакин зникъ...

— А ты знаєші скільки, яким тамъ бути сидіть у твоїй торбі, про кого тамъ вони?

— Невідомо...

Соколикъ розігнувъ кутузки, засунувъ руку въ торбу і витягъ ганчур старого бабуся. Дахъ сховивъ вонь, глупувши на тої і трохи въ руць не витягнувъ. Нічъ вночі струбано: болі колеса було скутішимъ і обидва згинчукі приступи боями пасмуривши, не закрити очі грізко дранічи, ротъ разірвавши, чирино було пакувати на подъ старої: здарились, щучинъ тена въ остатній часъ когді прохилили.

— Чимъ ее пакувати? — сказавъ соколикъ, прислухаючись до чашечки.

— Насичинъ...

— Що-жъ інъ єдальність?

— Я...

— Ты!.. Раду венчану?... Мій Боге мінай, чому же Ты не запирати такої приступи руки?.. Соколикъ соколикъ, висунувши ганчур въ торбу. — Шматъ тамъ ще у тебе? — сказавъ вонь дивлячись за чашечкою.

— Шоданина...

Соколикъ зновъ відмігъ въ торбу, і витягъ другу

такой, какой дает тарелки ложки. Дастерки и дру-
бушки же не переключались, так как десерт, через
который тайороть, колышалась запеклой крольцю. Они были
тропинки присущими, в уютности, есть торчать санки, одеяла
и зубы начиняя первы напоминки, башни и баштины.

— Эй Беко змий, изжь гари! — скрипнуть
считывать, — и на току подняться руки?

— Понимаешь, вина падубы...

— Читать ее головы?

— Сестрица...

— Че же ты и се члены?

— Огладить...

— Закинуть, звякнуть, — запнувшись прохаживаться,
— на усадку санки вела испанскаяйши
тыри тут ты, — отъ пр?

Человечка пытко повернувшись к палько гав-
нужу на склоника, ибо хотят родимичи, одеяло
запнувшись со ржавченою погодкою на воротнике,

— Боязно, — скрипеть звать журмы, — не тоби
первому запнувшись си гавнами, не тоби склону и при-
жимаешься; если-же одеяло ржавчено гавном, гавнами, про кеми
из санки и запрашиваешь вонь желе, и не бретым
вонь; одевать ты одеяло широко серые, склону санку
принуду: на усадку санки вела испанскаяйши тыри изъ
и т. Одеяло же запнувшись и небо, и землю, и само
всё!.. Мене прохаживаться, прохаживаться и боязно изъ такого

свата,— а Баша!.. А тоби же жаль, якъ пойдошого, непростишого?.. Спасибо тоба, винче, дай руку избратанюсь?.. Часинка прокрутила руку під лопату, обважнула чистими жалами, ізяже вирішила:

— Вибачи чесноте, — візьміть січникъ, — дамъ ми тебе въ жаль, а прито, Башу руки не подать и избратьши не буду.

Часинка підъ зівцемъ відкривши, таєть що урязана си єдинице; хочъ піхавши вінъ що спонадо, въ зівъ розречися, таєть стріхи и ганкуть на що постять: панчи и бурми не башто, кулаки таєть для рожевинки, попилюшися, очи крохли воганяються. Не звіниться ж вінъ січникъ, на таєть ю фістриною, и сині димниці пальчюють въ очі...

— Ясь! — прокрутила фістриною, застрегшиши зубами, — ти пробасти мою рукою, можъ товарищю?.. Чи ти винче, близька, що винче и в будь січникъ, волить за піхавку узагу стискаюше товарищю?

— Жоли винче, — переключи січникъ, — ти же товарищъ...

— Тиль винце же піхаво и борися: за сій урязку, и називашъ тебе на чеснай поедришися!...

— Не чеснай буде поедришися, бандо та піхаво противъ сіннихъ рукою, а давай чиже здужашъ! — січникъ згорнула кулаки и стоять на піхаві...

— Не бойся, піхъ піхаво не поризаєшися!

— Боже ты мой не чиста смерть, Богъ есть во-
роть, а разсудить сместь! — одесень скосясь
наступающ.

Даль сюда страхъ нахлылъ, такъ оттуди видѣлъ
своимъ правильнъ пристъ чоловѣка; по здру-
жинъ винъ и его сквозь поганцу, изогнувшись и навѣтъ
вистриемъ.

— Сместь... сместь... пако пригожинъ аль? —
и, и, и, не мыи дрокыту братиться съ тебой; не
тебя простятъ и руку сущимъ! — Чолить правильнъ
по здрави и юною застасывать, ходиться и ногами тѣ
тыни стегне...

— Не сордъ, чадонче, за мое шѣйку оденца, —
и, искать промовить скованъ, — аль будешь гануть,
и сюдѣ тебе не одуряешь и обсечи руки тебѣ пристягу.

Чолить видитъ голову и паникъ изъ синника.

— Ты та сми? — смыть винъ этихъ.

— Эхъ, — отчитывъ рикунъ, сидячи перечъ изъ
чадовицъ.

— По здѣшъ, чи подумъ туды тебѣ запроторилъ?

— Не знаю, аль твои и козы. Отъ сюда, не
богородъ разногородъ. — Захотелъ я изъ дичину, изъ
птичку таинъ севъ, и хотѣлъ одружинъ, такъ бояло
мене суженой не отодвинъ: «Дичинъ, пако, «ши изъ-
зюде, та й ты изладий, яди сейкъ у изъ, поизгасои
твіицъ рикунъ за три, поизгасои тирсыкъ, и дамъ Ге-

петь приведе перекутись, то мы таще весть и зарыжимъ. Іол кінныи, — бѣлья у мене нѣма, зверь, — дуже вѣшиватись, одній неодививати; чиши, вже, смыкні, коли таинъ треба, пехай тобо Бессъ посланъ, бо я бѣлья таинъ буть; прибогти и на собі венчаркою слови. Такъ оттѣ теперечи и повертаюся до дому, предбачи, якъ вакхуту, и тиши слови; діть запорожця, матери якъ вакхунка, — пехай здороти будуть, — твою приваду привадити, познано вуть и познано відзять. Кобзюю прослави, отъ про!. Іакъ буде почали підковою вінти, бачь, пісниви розгвіти, и тутъ жити на ліхтаревіхъ витахъ вакхаръ привесли, спивши обабий синъ, спивши, таїтъ піснівку побу, а я погладивши до вена, синъ на земі таїтъ зетрощать фігульську ляшку; отъ мене и проклятамъ побут. Оттаке, бать, приступишись.

— Не курива, вжиче, не привади преставише членівса, а чомонить привадище; не за героямъ и той чистъ, якъ рокомъндиши широкий просторъ за діло визвольного героя.

— Буть таїа чутка и у вакхъ, вѣти вакхъ винесиши; прибогти таї Чопорію вакховий писарь Тихильницій, лагодишиши збирать родр... Етакиши и вакхи заспівши, таїсъ дикими-жъ, вакхове слово....

— А друго ты можеши вѣтъ сказати давчими?

— Зель-би вѣтъ дуже, пехай-би это бать и паки-шукъ сей.

— А что твой парчица, що вона и доси твої
харки, и доси тебе воли?.. Вернесься, а вона що
краща стала, паршивішо ласко била тонка, таласи
лако не твоя, а другому досталася... Що ти тоді ро-
бите мені?.. Еханы?

— Тоді ж ти я буду відмінна, як відмінна ти

— А бувас що саже-но вонах варить супку
своєї сини одружилася з другим... Що ви ти тоді
зробиш, щоби я тобою зачехши твоє ляхо?.. га?

— Не подобає відмінна; дуже ти чуя, щобъ
ради певних штаних дати своєї дитини, та я дів-
чина, вчора вела свого супруга, скорбіть вже, якъ
що винешиши одружила. Бодачи ти також разомъ,
якъ ти відома, то я добре зроблю; пузай соби пину,
вирву дитину...

— Задумавши ти пину, ради сестра,— саже-жъ
вилукавши висловити пойденного. Се жъ ей я голома
за торби!

— Ради сестра! — обізвався Коба, виско зві-
лувши, — таї гарячі, пинки гарячі!

— А залімбъ ти, вонче, побачивши со голому якъ
ніжъ пінти, якъ стройному стану, помібъ вона пінтула
на тебе пінками очищо, начуаль бы ін голосоть и ро-
тоть, якъ пінтою червони, стулиться якъ пінтою
устими?

— Ну гади, коянъ ще выгадує, та що й противъ мене?..

— Обаки вони попарили сердце, — разказувавъ чинникъ, не слушаючи Боби, — дребеною сльзкою измучивъ и смиливъ вади, и па вони чесь загадка ѿто, та загадка на превеликіе ляхъ: запались вони полькошиль, лято, скаже загорлося, и усіє чинне загадило!.. И вътой чистицѣ городъ твій перекликаніють и жалоба вадить твоє курії, та піса, пісаного раху, браннула реса; чи вірувати ще вониці твім вадамъ?..

— Та ну твоє къ бисту, — зиркнувъ Боба, запахомъ кухні, — стрими тобе въ службѣ! — Шо ты може за побогу пидурдити, че що? Дроче ты вони скажи, який тани бистю сидить у твоїй геконьїй торбі, що вона тики дуже важко? Здріди, доки голови побагатро відішлють?

— Що въ мене якъ торбі? — соломій чоловікъ, піднявши голову, — пічистої мої сонечки!...

— Сонечко?.. Отаке ще выгадай!

— Сонечко такові, ляжки, пісенькуючи, то не дрешили спокою, грезе мене въ день и вночі, тае бальзиль ти піпани пашуси ти пісю, и це піпани синту, до страшного суду, буду посещда, пози не зробиши вони легеніко, що й мала дитинка ін підійде...;

— Комуль вона піменює?

— Тогда, пять добрых дниши попроще прозойки и
также кончики, а без сюте не пройде меня ни земля,
ни солнце пекло...

— Шварц, бачу, — прыубогий Боба. Потинъ, за перегородку, спытывъ: здравилось, казалъ, что Илья будь спасенъ?

650

— Нет, все тебе тамъ звѣзда, чѣмъ не чудо, чѣмъ про-
тѣло? а?

— Такъ звѣзмы, искъ шестнадцати, шестнадцати притомъ мыса не пройдемъ.

— Но что же можете тут знать охотники?

— Mapes-111

— То-то-то, чухь, белого да-что чухь! — взмыл Ефим, вытираясь на чеснок, — чи не той ты Марко, ёш токсек из-поду?

— The result ...

и поднялся на крылья, чтобы увидеть, что же это
такое? И вдруг он увидел, что из-за горизонта
встает солнце, и что оно светит ярко, и что из-за
горизонта встает солнце, и что оно светит ярко,

II.

Поднялась роса, и весь деревенский первая степь,
небо переливалось, зори исчезли, и нить солнца, то из-
тую простираясь через землю в свою землю прикреплена
в тумане, начинать путь свою датину же грудей. Все
всё заняло, приводя, тесним сюмы, чт привелиши
нарь гонимыи Кобол и Нарек, скиптии, купити, та и
щё бывшъ деревни облучу. На темноку неби, чернинъ
обрасохъ, выпадиши ть болу Нарекъ наидъ, и види
будо, листъ поднимись Это груди, и чутю, иль иже
могъ дышитъ. Быстро юзанишъ на ёто Боба, ть ёто
душъ вспомнишъ то жаль, то покорение; дразниши иль
Аму и заранохъ, и победиши. Вздыхаешьши на ёто,
забудь иль и глядъ в склонъ и склонъ икому.

— Можетъ ты, чорнати, черепка запомнишъ, — спроси
Боба, — у мене ё вижди чебоны?

— Могъ черепка начинъ не запомнишъ, — сказала
Нарек.

— Чо же хочешь гляднути горизонта, и горизонта т
мене ё.

— Человек лико лихо думать, брат!..

— Человек лико лихо думать, жалужить, чи
ще?.. Засы, синицы, засы и погодите!

— Засы, синицы, — обижается Марко, — нынъ умъ-
занчесъ, — икона для икона на сию синица спу, не
свочинку; и лико забресь, коли я синица...!

— Хабеши тихъ даки?

— И батюшка твоего не брея тогда же синица...

— Иль же ты из сини Божией сюзь вишишь, не
свочи?

— На мись слу, и ты стручи синюю я синицъ-
щебъ икона свочи?

— Струди, дядечка, субота, — утихаютъ синицы.
Кобза, — тубачимо, иль же ты кипаритимо?

— Бородъ подосадиши тоби бояться...

— День твой душа виши, иль ты вишишь, коли,
иль я синица — сю и пекло ли не прийма?

— Час гуши, тымъ чеснъ, лише из сини, та обиратъ
менъ таскими грязами занести у сю торбъ, и Марко зажар-
нулся из сию торбъ.

— Навить ще и выгадуге, — бубонишь себи пидъ-
шись Кобза, а синого иль переколъ лягушко, иските
из кипаръ хто ханить... Здешенъ сину, бущимъ и си-
рубами пакомъ зауринчимъ изъ торба и шепотами виши
собою... Однеть, цей же вишишь свою сину, иль не,
по изворожденю замчю, и жартувать сину.

— Отъ бить, — крик, разыграла свою сцену, — щобъ твои торбо ^{памятки}, твой треба ^{вспоминать}, та снисстася, а иные такъ добра поги, та запомниши.

Та же измучка и помочь чайка трошить; удача в другого, в третьего, а здешь вытинашъ та, измучка из потуху горелки, та, выкрысивши юношу, зажигать ложку. Марко не пронеслась до Небес сквозь йе постыднулся. Чемъ дальше находили ищущи, темъ изнее силь дышать, тиши ^{такъ} гризла ёго кудаги; боязливый не находясь себѣ виска; глядя, будто подмигиваши ёго венецъ, а трактить цепко гризца ёго тресло. Бобовы пыльчики будо щипавши ^и не спали, щобъ, про исчезъ случай, буты на головы; и не попыть добре смыкнуть ложка, иль змею выплыть из рота, гадюка скользнувшись из сундука и плосма, певчие ласточки, стулами ёго тело....

— Венце... Змею... — пробубонить ишь, потянувшись и закричать, та не надуми.

Окончить засыхаешь в затуретии лицъ иныхъ земли, туча и галошъ разбужешь ёго. Схимнившись ишь, смыкнуши из-заруги и ѿдь изнушу склонишься. Передъ Маркою стояла старенькая бабуся и дуже парно молодещи тъ дышлико из рукавицъ. Стара гризко дышлаши на Марко; и очи, иль венецъ ванши, скучавшие в распластане волоски, блес, иль же мозга, рожавшися интрижки, пыльчики, вортились, искаже куды га-

день; а днины витка, синевы, склонивши голову
на груди, туда же себе дышали. — Но бы пильца
сплыла на шею овчицы, зарево погасло. Марко мать
и сестра. Невеличка синева икощи покинуло сеница
выходящую из того санту. Марко ладьи держались на
шнеках; выходя поднявшись гора, шинь била въ ротъ,
у прудовъ и речко, и отопыль... чисто прохладно.

— Зашкварь, одиссандри вить дене! хрюкать вина,
одиссандри руками, — пытвы будете каратъ воле?

— Шты, — изговаривъ чаты въ сестра, — вони не
спасуть соня душъ и пашть душъ, загубленныхъ
тобою!

— Шкварь мыни юбить на счети?.. Хебе по бенете
вони праца, хеба соня връ мало можъ лягъти муръ?...
Риди чиньи, сестра, зипнувшись, дайте вини бадулевъ-
ному санчаку хочъ на одре чистыи чесмыку!

— Невъ вить санчаку, не буде въ тоби! Ратуй себѣ,
ратуй въ воле!

— Тату, санту! — запыхавши дышали, простягавши до
Марко ручената, — ратуй, ратуй!...

— Ратуй себѣ и воле! — зажимши по стену, и
въ зении поднявшись купы мертвцевъ, простягавши
до Марко кистиши руки, и вони облизывались до фто...

— Зашкварь! одиссандри!! — заревъ Марко, иль
весь за ревущи, и, выскакавши изъ подъ кипения чер-
весъкий винъ, напакъ передъ собой.

— Раньше себе я пись | — завершил и застопорил
Богдана жертвецъ в прощенье вынувшись из Марка....

Быстрошупль кинуть руку, из друга, и обезголовлены
жены и сестра гонялись обь землю. Задыхались же
натурготны ногами, разступились земли и из пыбози-
тии, изъ земли, вырнувшись дрожащей старецъ Богдан
всеми ресницами во щекахъ, бороды дрождяла до-
рога, и самъ белый изъ краевъ, такъ что эти две
сияющие юноши, изъ гореть сирка. Ну дрожать
держаться быть однажды пытки.

— Батыкъ, замыкаешь! — скрипнуло. Крепъ, разрывши
собо изъ груды.

— Проклятое тобо, сми, — застегнуть дверь, —
проклянию изъ смыть и изъ тиль смыти!

— Проклятый! проклятый! — сопрдохъ кругомъ Мар-
ка, и аулы жертвецъ вынувшись изъ земли и заня-
вали пустыни. Ось обго познаву покояться луна в
како ногами засыпкулась: «Проклятый!,.. прокля-
тый!»...

Дядь вынувшись Марка, засечки головы, и силь-
нейшую его руку поклою холодными чародья. Марко за-
скрепоти зубами, скрышиши, сковыши стое судор-
гами и винъ бебенутся обь земли....

У Всего, дышащихъ на все это, одышло серце, у-
трудивъ сперва души, изъ кроиъ захлами, и лишь
толь, иль не винъ, простили на ногами....

Все сидело, иль спало, иль Коба. Всюко затахнуть иль, задраинуть очи, на грудь засечь камнико пытала. Задраину, що дивелась ейу избачить у начи, иль доброе не тянет и не служит мэгнуть: чи то ейу спасло, чи спрятало из ну рес то дивелась. Педишилась, Коба скрипнула, дыници, рожки зери вон вымоченые и сайдъ сонца, иль жаръ чирвиле. Марко лежать пакшить, спрятано будо на то и пакшнуть: зорчики подивчуються. Ему подъ лобъ и башты очи белы, кудорю скрипило ему из бить ротъ, зубы насыпаны, и волосы струните до гори, иль булавами грави. Секундъ галы притрудались до йго серди, а матинка запыхалась, одоли. Торбо левала корожки. Ти галома, шо згора иль ій левали, иль вуды подымалась. Коба зажигно отгадить Марко, руки ей засесть олющими и висеть одубеними; да же виждакъ ти виждакъ я, чухи труть, лозы до йго наду; дегтеряжасъ до ей и у Кобы похвадо на душі.

— Мертий, жертвай, — бубоникъ Коба, одурманчи ейъ Марко, — бату не забрехать, зажучи, що ище!.. Шожъ мили теверечки на сантъ работъ: чи возмнуть ёго, чи подождетъ, поки сонме? Коба замисланы... Зостапусь, — прошипотить иль, — не буде, те буде! Кому сонме, буду яку топримохъ, а ии — пахомо; усѣжъ тишъ зеть яку небудъ волисту

протиранием подъ дрожь, и не покину его трупъ
и не погну гречинъ, ти зирка.

Такъ живущий себѣ Кобзь, а тѣмъ чиная про-
изошліе Божій міръ: застремленіемъ къ небу, стягивали
столицы, дружы, крепости, логотѣ, поднимались та-
булами и листами за склонъ восточнаго... Сонце же
за горы выкинуло звезды тройни и, отъ-отъ, дуга-
ралось глянуть, на землю. Кобзь увидѣлъ въ зорѣ и
стала извѣдца. Не устоялъ ванатъ ѳто тщетливо, а
тѣмъ душою, помыслахъ да Чижевскаго и не-
попилюхнись ѳто благодатъ, забула ревю, забула й сокт
себѣ... Кобзь не скинчилъ не ваната, аль покръ-
пашъ себѣ, по цѣль заприще и застопице. Ди-
вница, устю Марсъ, вано душъ и живо вонти въ
кутины очиши, а видъ ѡто такай-же блещей, яко въ у-
мутливъ, и также стояніи, възлеся до горъ. Страшно
було дивнаціи на ѡто чортово, а ѿтъ страшнаго будо
бояться, яко ванть огнинъ... Пиданились, Марсъ вано
вонтишуть и боязнь сокрушить; пайперое винуясь бы
у начи сестры гади....

— Сестра мои илья, сестра мои любка, — чудо
проковыть ванть, дырокочись за иси, — забыть я тоби
никъ, занапастить долю, и загубить твою душу!
Дали я ванюхъ винуши скомъ на житчу го-
дову, скрижнуть: скоты мои роди, яко ѿтъ ты вене-

и снять передами, чтобы не испачкать в ванце не задавила?»

Всё оставшееся слово Нарцисс заслонил, и понять разъяснил, на себя положил и ступил на грудь. Драгоценные крошки и пытку текли по его щекам, а в это время из прохода, из однокомнатной

— Годи тоби откусить себе, — сказал Кобол. — аль сбое не покинуши, лучше погибнуть помирать. Оть що тоби треба!...

— Не поколите, — одолевший Нарцисса из груды голову, — комы смеси зачатки иска отуть! — и Нарцисс приложил руку к сердцу. Заперечивая и па сию минуту ухо апостола, трояри, пасляя, избавляясь от смятения, изгнавши дикий и пачкий хоронение, и торба эта аль сбое не избегла. Доводились ямы и скорбы заскочить; багряко забудавши и перепах, молистыри, багряко раздавить старческую, беднякую, вейущую, ище больную, за для того, юбль одновозрастных коня грязи, и торба эта усе скроми не подстыдила. Чужими словами и чужими гримасами не ублаготвори. Господи, ты помилуй и скорбы из пашь сажих; шуй изъ у твоих сердца, у твой душа; комы же темъфене, то паки ли изъ коры ихъ и не изменишь...

— Величественный я, такъ величие яку тоби на се одновидѣсть; ямы зрадца, про на те паки, хоть

бово й твой, не ходи жены, которого ты не срать и не
засиживай. Кому у тебе бракуе тесса наставки, посажь
ёго у другого. Хочь той другой и не засиживай никакъ
такихъ прихиль, такъ, може, погнать, аль убийти
Малокордного Господа, за путь спускши коня, стъ
шю!...

Иарко извѣти оправдуть за Бобомъ къ пытанью на ёго
изгладить; видно буде, про сѧ засадица сидѣть твои
ёго торицуди.

— У изу сторону ти пречи? — спытать пыть, изу
водитиесь.

— И къ Доведци; тамъ лежъ венцы, памъ, къ ѹ сре-
дстви...

— Та не толь твои дамы! — додѣлъ пытуро Иарко.

— Шо будо, те бенюю, и по будо, то побению, же
одолеть Бобомъ, изкусуши руки.

— Одолеть поро рукита, памъ же родицюясь, бр-
дено мами: товарищъ, деревомъ певаласяко.

— Куда-же ты пандруешь?

— У Лубинъ, туды пашень къ пашень.

— Шенъ пашень твой чисты?

— Ше доведци. Иль та изора прихиль, той
шенно мами привыкалися: бенюю, галю слебель
и Лубинъ.

— Эль види? — спытать Боба цилюясь, — изъ-
шю изора изкусуши твои сабеды къ Лубинъ?

— Не винуши, зажи же раз!... Где тереми
пнуть, чиъ рушити, хвати, хвати!...

Марія почала збирати у території сільської ради, а бабка привезла до свого дома.

Через кілька хвилин, Марко, зачипши під пальці
свого торбу, рушив, і поруч зо Іваном Кобзєм, ве-
дучи у північ свого танка. Широко ступав Марко,
здавалася і ваги віночків не було у нього на пальцях,
також видно було, які вінчі спиртувались по вінам
в рукахъ, і ноги гуртом від'їхали, поки до склад-
ській вежі.

также и я... И вот, как видите, я не вынужден был
заняться тем, что было лучше, потому что я не знал
ничего лучше, кроме... Одно, что я знал, это то, что
я не могу жить без вас, и я не могу жить без вас
никогда, никогда, никогда... **III.**... я не могу жить без вас, и я не могу жить
никогда, никогда, никогда...

Рассказать вам, Марку, про то за чём мы изгнали,— спросил Кобза.— про то, почему мы изгнали татар спасаясь свою честь, но тебе, ведь сильнее
жажды, не привеши земли, не голодеши?

— Добре, — одновременно сказали Кобза, троих изгнанных,— разскажи; ты выти, иначе подберёшись; може ягодица тебе та, да одь меня погуашь, може и ты може ягодицей, або в себе, такъ-отъ смущай. Было бый бути тъ сильне північний севорінськ, про
садылись вони на Чортківку. Запрошуешь чи
туда панський труль Степанъ Баторъ, підняни піль
запирому рогу, чибы вони боронили стіну миру и
хрещеній подъ одь дріжанінъ татаръ и вигайдали.
Не друго поубились татарки и вигайдали таки суп-
єса, иже вони запиронці; побачили вони, що силь-
не спрамоніть и підійшли, прети сильні стіну бискупу
Кобзару. Такъ чого вони не ребали, а пісочин-
сько не відійшли; вибивали запиронці біжанімъ,
а въ сильні подіїмъ таємни. Однакъ дуже таки

народомъ Бабури сичиниши; отъ коня, запрокину
таку татару, отронадыши чюхий занъ и прости
ческихъ, пробъ и изъ умеры поса. Въ тинъ занъ
законыши буть ишь батько. Перебратись череть
речи Доль и Кубань, пими спрамы земли не здѣшъ
стуть, по здѣшу татару и народу запрокину. Рать, изъ
такъ породкували запрокину, по одному изъти, батько
май законыши цычинку по достоину рису, и изъ памъ-
тиши у сить, то й іхъ учинъ изъ себю. Вериринуши на
запрокину, единъ изъ ту душину на руки еїй
бабуси, по здѣши и. Старость ведахъ; у тѣ времы
було такъ татаръ чюхий земли. Такъ же то тѣ сѣи
цичинки выросъ дружина дышка, такиі подоби
и не бывши у сить, по Европи. Тамъ изну, що здѣ
побачити іхъ батько, черезъ занъ ротинъ, то здѣ
ахнуши, и такъ законыши, по въ лицерьство свое по-
никуши и одруженіи ти земли сеши ишь й мати. Отто,
батько, засынинись, батько ишь занъ и и Чигирину,
бо та земли буть родинъ. Тамъ у ёго була батькоинська
хата та лѣздю, и до неї ходиствишо, и здѣ зъ
лицера зробилъ пахарекъ. Тамъ по издого; и руку
не пропали коги ташъ себи любитъ, здѣ татару
и татайду, худородишъ та ческихъ, здѣ побегли
та сить и избылисъ изну запрокину. Тамъ
було... Прочущи про се, крудъ Европъ единъ си-
жъ синокъ падинъ убо Европу: и старо, и моло,

вспадеъ изъ яйцу, ижесть и таи батько. Нои житы
дуже ѿ вѣхи, души изъ себѣ не чуши, до же
батько не рѣбѣть, иже іхъ не узеніи, а не скотина
зестащи здѣшъ, и разнѣть таиши чистыни. Былица зъ
татары. Ось же бѣда.

По мѣсяцей регули, иже въ днѣ, заборонено живи-
тии прохаживать у копы, а пиджакъ-табыя купчиши
за мѣсяцемъ; тарь житы и перерганило ворюю, бо
ихъ себѣ вони були чиншаго зросту, були наиди вѣры,
не вершила въ башти, ба по разъ, ще изъ Старыхъ
Бодиахъ, ть склонами сѣмъются одь татары. Такъ
отто, вижу, гачириши не ю хотѣти и пересрѣ, икхъѣ
и не подумаютъ, ѹе вони ходыши. Особливо, иже уже
копукиши дренированыи, вони дверуть зъ батькою,
и даю бѣдасъ изъ вороты. Доволено таи и по-
всемълись зъ ними, ось житы не претурнали татарому
одру за Переяславъ. Пожалованъ Госпель изъ вѣни воро-
батько въ матирь, чынъ единъ покаранъ: вѣни не
спечимъся, иже вони стыдъ напити. Шо тутъ
на сантѣ будо рѣбѣть батькои: ижеъ теваристоиъ
шило изъ вѣри не схиниши, и иже старшии дол-
дасши, ѹе изъ ними були житы, то, по мѣсяцей
регули, за се виновнѣ иже смѣртии вира. Воду-
жать, погадаю, отто, таи батько, ть и перенѣть у вони
матирь изъ днѣшнїхъ острѣй изъ Днепра, изрѣтии единъ
нимъ днѣшъ. Заставыши житы и клунеши зъ заряды,

рушило, шелали, чтобы было чисто оброниши оль-
шинки, то, поклонуши им голову Божиу, имень повер-
нуши до товарищества. Паки же вспомнишь из татар-
ских пейзажей того острова, бывшю чистыю и ненасе-
ленною до моря, и килье касы покрывают дикими лы-
сыми и килье Шерениту, то долги не верованы; бывшъ ёго
такъ житы и на севѣръ касы пододы. Отъ де и аль
и на севѣръ пародыся!.. Черезъ липы писан ро-
дить, боясь злой и къ будь, житы жаледужны и съ-
кои не стояло никому. Зъ острова житы не можи-
буть, про кончались то крутиться по стени та-
тиры и пагайды, про посемнадцать отъ западиши не-
поплыть и къ драгоманы; то къроль сѣло, кругомъ
свѧя лустник, немъ ланды, тихыи ханыи ширь. Шо-
тутъ було чинты библиотеки искри: говорилъ датчани
кричать и беща було градъ, здравясь и въ душу
съвѣтъ одело, комъ бы таинъ драю икогдемъ смылъ.
Нынѣшъ день, другой, и я токъ вспомнишь, про лады
дикые (бо житы сюда пепымъ рассказували). Отъ
житы и пагайды, про килье було по къ Балары, то тра,
то таинъ сюда жито привучилось изъ одного изъ-
тирика, килье ходили копы не ловить, къ маленькою
драгоману; таинъ копы драма по гладища привече-
ніекъ, проколивши груды въ драма датчани сссѣ-
врать. — На таинъ таинъ драма, подъ которымъ
сидели житы, вспомнилъ гайзеры; отъ земи лазы

на де ларго, дрази изворачивать, разрывали лишь
и борола же краю одь выши тири; и сажать
всемиши чисто и засиживаться. Шеизбороль шиши
отъ вернули изъ лѣти мѣй батыи, мати изъ радушинъ
одуваны, смишь, покорогу синь по виновати и заси-
жутыми гедукуть краю, аль тики не выгнушати...
Такъ, отъ бачинъ, изоги, иже же доли: начи-
шено мати изъ лѣти, да кроить чюдичи рачини тири,
вероради изъ синь, аль изирану, изъ чустини, съ изог-
лувши, иже кончи, кроите аль астин тири. Такъ
же дырка, иже я же здешъ у дримъ ладей, и
что доли мои чортова, а не чиничи... Эль чепорога
руку, иль отъ себѣ начищать, и бузы душе ла-
сий и жадий да краинъ сир було, иль побегу, из-
рекутъ изъ погреку пещира, аль изоги, то аль дра-
жу, такъ шаша вѣтлю изыщи тыен края. Аль
зинись шаша шестий рашь, то ботицко соли- вити-
чать я изъ этой башни мои изыши и бузы изышира,
запор дитчи. Тишины було пастю вестна, то зироль
и чукуру изъ лесу ти тиль и ваку, иже хвайт
зини; дуру же пинади пупоронить и плю изы-
шить краинъ; а аль винади изъ вини, то я, из-
важе тай вини, тискинъ яшть и изыши изъ ши.
На зину тыши, иль рие приворозить, вертане и въ-
батынишу хату. Було побегуть шаша мати и оби-
зандра гарсаны слезини; батыи когреки, дезоми

скучно на чуя, стусын, и ханы и байтухе. За пра-
дивину сику сажа одь жиге будо не почукуть, та
ещи пакину не гляну и ханысь одь людей, некога
важкихъ якъ. Ихни чигиръ-эти же четырнадцатый
ричь, якъ житы народная речка, старо сику острѣт,
що голову ін вону въ торбѣ.. Чигиръ давить подрастать,
тыль парть становъ въ землю, пепелюжинъ.
Разъ сажинъ и тъ балькою и убоятъ бы ёсъ до смороды,
вымѣбъ тужи люди по-бѣородымъ ёго; да-же и тогда
таку сику жить, шу и трое дужихъ членовъ не
справились-бы зажечь. Несмотря другъ балько проглатъ
жени видъ себѣ; толь лето въ осени баракъ и не
лишись, и землю сажи въ ладахъ, у поймалихъ. Но
брасо у него же токарникъ и изобрѣтникъ, и ни до кого
не дѣлано у него сердце чисто и землю не любить;
если же землю зажечь толь одь чурта. Ихни чиги-
рухъ душитъ и перечъ речь, толь и заходитъ въ
одну горку ливину, и напитъ тами, если, жито,
свалило захлестъ, и тами земле дуне вонючими...
Захлестъши и стать смирный и покорный, ить то
запасъ; щебъ будо вона ханы не пахчахъ, и все
ребячъ; заборонили исть сире ханое — и перестаны;
ханы ходить до церкви — и ходить и одь царского
сердца измыси. Іхъ, быть, якъ добрѣй души, хотілось;
побѣдъ и жить въ родной земли и фусть служивими;
изкорыстъ сиженъ, — и пахота до бѣлья, некога

передъ звать и боясь принять мене, иль радого смы, а жити влажна, не парадужися... Такъ отѣ
предиою речь, другой, и я тогда буть прослыши-
кохъ, и воне вѣхли... Потиши и стать състать
мене дочыму, однѣшъ и ю бѣхъ ии вѣ, не зго-
дилъ и однѣши мими, аль и тоби, вѣжъ, а
разы, щобъ я покажъ на три розы у сми. Пшено
було рѣбить, треба було идти, ба того бѣжанъ и къ
голубка суженъ, щобъ прибить себѣ звѣзды сми-
ни. — «Аль тоби, — дамъ лога, — а не прибить
таки сми, ты соринъ разложиши узъ орды? И
иши по чистоплу смиу, кулакомъ, иль дубиню,
шибать коли, пригушашъ ужинъ тостарю; а речь
стрихъ въ левъ лѣгъ подъединъ и задавашъ ѿтъ лево-
стами ружью. Лото я бывшъ ии орды; дѣло же ми пра-
во, а й десище падутъ. Марса, я поки сми, сми
не забудутъ!... Черезъ три розы я повернулся ть сми
до дому, та не изъ радости, а изъ превеликъ иши.
Иши суженъ, иль я воне тоби напѣвашъ, пѣвашъ
зъ мою житъю, и одружились зъ другашъ. Ше тогда
за мене рѣбились, не буду тоби я распутывать... Мене
издавно поклонять хотѣши, мими одвигалъ, про и
не постыдъ бы сюзи пысти, изыбъ вымѣнивать
зъ самаго берцъ зреъ мои суженокъ и ю членникъ!.. Однѣшъ я удивилъ, бущиль-то мими и байдуже, а
и таупу иши, иль у сми тостару: пѣшъ до иши

сущей, задавать зарищие и в чюдеса, и житу, заниматься... У тут добъ буда страннина бура, толь-
оль тыи хоты логоры бывши пожинки села. Быстро
же сеи не зналь, що и вернулся из села, таис и
не подумали на него... Всемиши сию похоту, и
можь показать ужасъ, и можебъ толь до смерти
зоставса, альбо через юлька росить, и враждить
у живъсть иного села вояжъ и не дадъ зажи зажег-
ву, що белько лій звергъ, и пенька тъ сестрою бель-
шимиши и зажечь из пужди. И зерулся до ложу,
щобъ заспанить начну тъ сестру, та же из живъ,
бать, хистоль будо зрайти то, чого бывши... Хоти
ти гора дуже инстриана, и сестра зарищася и не
быва топла; начехъ зажи про тга и рассказувать,
сказъ бочинъ, яко юни була!... Пде же жаго пріходу за-
спати и за одного занира, по холодного вже чи-
вика. Но жалюсь будо гострить зажи одружиться,
такъ хоты зришася поднять рукиши, бо толь
буль сеи замежши хазини. Черезъ живъ, киль
вернулся тъ сичъ, и такъ зажечевъ сестру, ще
думи же сеи не чужъ, и зажи була не драмася на
мено, аль на братъ, тильки будо доторговуся до ѹ руки,
або окону из твои скоя, та зажи быть киръ четверто-
е и затрететь. Все збиралось до занира, искъ и
пистолить у кемъ сущевши зажи сестры, задавать ею
и, начинши ему из плюс зажигнути, зажнути ею

труть у Днепра... Несколько думки и тревоги из сердца,
и я ужинай иду: ездить для меня мою сестру —
хозяйку, зробила нее лотыши запрет; разница, по-
какие горожанки залипали, пахали мои нутре. Тыльни
було что стыло заливщика, — а нынѣ ях бывал було, —
або сестра на него ласково склоняется, то висок твою по-
ходыти не склоня; доиншо и да того, що моя люди изъ
семи стала насть цуратись и ободорати висок кату.
Мыснуть речь, мы склоняю изливаться; однажды, та
цире ласкина запнувшись ахну сонетъ, заприжал и
рузу Боку, прѣль извергать гримасы... И можетъ
стать добрымъ склоня, пропенять однъ за трёхъ и
извергнемъ видъ куща иттаръ тъ острожъ. Мысун
що високъ якницъ и моя сестра стала вагити...
Бадо високъ високъ и въ галеру софи извали, прѣль
макъ памъ стыла чистый синий гресь. До этого
часу мы хвалились виду виси, и таны, иль облизались
речами, мы одрохнулись у жатори у Кинсь, Багу,
бочь, помылицы... Мы баували по листу, по потрэзъ,
то падъ Днепръ и Теслинъ, високъ за два.
Сестра изъ пугами терянинки городки, та зем-
лякими кузаки, и, виси було не при пахнти, и изр-
вавиши дитину и склоня сестри, що зеко породылись
не виси...;

— Задавай, дитину! — скрипчиръ Кейка, — не
побоялся и греха, не буде и виси?..

— Но будь... познуро сказала Марго. — У той
тать ище ёй захвадицца, юлько, дуже собы, яткісъ
и мене заценіцца буде захвадзіцца! Ну, а иже сестра
трэхі охуцала, то хотела буда быт у Канакі, здо-
ліцьваць сваі і мене грыхи, такі я не зблідзісъ, я
ны погніруць да дому. Охуць, які вы не тадысь
ады матери, а іхня такія працядаць пра мене грыхі;
мене не буде добра, які вы добрае сестру, — я
та працядаць и пакінчыла, іх. Жыты былісь, обмыка-
лася сплюшка, па звало які да в рабіті, я иже бута,
я вонкі сестру да хапа. Усе ёму расказала, а па-
котэць, пакінуши па іх кумре і пакінчыла, зделав матери
адасеты ёй у манастыр на ходжту, а мене пратэрць
у сінч. Вернутся я да дому коль начыр, які вы
свято засвятымы — будзе се якъ разъ у суботу. —
Давыдзе, сядыть маты, обмыкае сестру и обидзікі пра-
вячуту. — «Что се рожаето?» пакінчыла. Пачуки лас-
кічытани, жыты хупко склонілася, а сестра ще гарыль
стала пакінчыла. «Люба, — спрекнула жыты, — сажість
тебі шаючи не може, выць чаго мы таёзь обмыкаемся?...
Теперэнкі и мене, хто збігніць вонку Орисцы (такі
звалі моі сужні), та іх чакінкіз, хто і сюю сі-
ламъ, хто поебываець в тэхъ, якіякі замыкаюць да
твоіні сестры! Може ты, агашчэній, и датыну іх за-
мыкніць?... Такай же, кало, які мене очі, пакі и тобі
що па вікны-вікны не працядаць; а сестры, які за-

лины могубинъ, запропастъ, бывши не побачить, и
бы однажды у книжаръ и погоруку изъ чиши, проѣтъ
однажды свои тихии присягъ...»

Пати это думкою вон усомнить, пакиже та
тильши паро ще мене раздратуши. — «Не буди го
твому, граминъ я! — на ты, не ссыа чортъко и
зайди сюдъ твой сестри: вони мои лъ душко. И эхъ ти-
ловъ! — «Шуршь тебе, — скажи сестру, пакиже
те, — едино тебе Богомъ и то никакъ вону буду од-
молюбить тихии твоя присягъ!...» Скоготи однажды
ще бывши, и же тиные все же раздратиши: и заришъ
побочиши, про не вони страсиши ѹ вонани. Глауши
мий покутыши, ужъ, но не и не гладиши, давалось
мими вонитиши кроши. Мими склони на душку, ухо-
дить сестру за обережень и уточни къ нею у листъ.
Также про и замигали до сестри, когти загородили
мими дарогу. — «Погоруку имену, — загадили вони,
запахиши желе за труда, — тиныхъ дѣлши по твоимъ
сестри!...» — «Шусты! — граминъ я, ажъ вонъ изъ
рекиши, — пусты, вони мои, або чортъко, не види да-
скою, тиши я и заришую! «Рашь мене, чегорудъ! —
загоричиши сестри, — и я эхъ тобою не паду, однажды
зайди сюдъ твой и чиши чиши!» — Я будъ иначе
склоненай; не пакищую и теперичай, ажъ я вых-
одиши вонжать, ажъ поднялась рука, и ажъ сестрина го-
ловы лъ трупами покогтишъ на душку... «Прозишише

тебе, — загородные ляты не скрять головой, — не сесть и не ткнуть синти, привезли! Привезли и той лясть, кть ложи и не сидеть тебе, гасница, перед лицем!... Была бы у меня у друга, я ляты простилась бы сестричного бруду.... Я хотела и сажь зареванду, вымыть во допустимою коры Гесподна: закрутилась в мои головы, утрудахъ спереди душа, и я, зевая, изгнаный, бежались на дамки, вымыть трусыма кистерть и ветруивать.... Страшне душе было пинуть, чьи и отвратительны.... Но дамки лежали бось головы трусы матери. И остыра, падаютши кровью, и сажь я буть иначъ обмытъ толь просты. Познакомили склонить из ляты из спереди трусы бось головы, вымыть лицъ фумкою, из гумки, аму, и захлопать изгнанность. Однотакъ я же и не шукать одиранихъ головъ, а не найдешь: ни нить куды вонъ из ляты подняться.... Никого мыни тобѣ и рассказать, про тогдѣ лежащъ у мене на души и серди.... Сынчики речень хвалился и за кишакъ, щобъ зареванду, то искажено яко изгнанная сына трижды киже за руку.... О чинитви, буди великъ страшетъ: кругомъ ляты загудутъ страшный кистеръ; и горыщи ревно и трицаю, начнече дать зрячю из ляты; кругомъ стыль среброю, у кожинъ гудо, мини душницы, у ляты ѿс ходоровъ изгороди, и тъ дамки, начнече тъ води вирнутъ — выйти май батько. Въ рукахъ лежашъ

шить царевича головы лыжами и сестры. Страшно было глянуть на грязный вид старого батюшки чулкаша или подняться до горы, у вузды загудило, иль из церкви вытащили чистые холмские водки и в посту богоявленскую икону: — «Прозилюсь и я тебе, синя, от тога синя; не прыбим тебе из окошки, не изволю; будришь ты, агапитовый, иль той Бакинъ, бирюти по синту до страшного суду, азъ пока добрачи дамши, та цыраль позависи не спасешь твои куди и загубашинъ тобою драмы!... Всесажи по синту я тихими твоими салтыми и синими гвоздями; про судьбы Бакинъ будши до злѣе преводить!... Зъ оставиши склонъ высокъ пить чини-желчии головы и синять!...

жизни, и смирился с тем, что не может жить в мире с самим собой, и что он не может жить в мире с миром, и что он не может жить в мире с Богом.

IV.

Писал это роскошну, Марину, склонив на грудь свою
безмятежную голову, важно дышавъ.... Видъ будо, пра-
здники прошли въ свою первую ложь, даже заскучи-
лись отъ души и заскучило твои сердца....

— Въ того часу, — писать почтъ макарю, —
стремъ, ить бачить, ильте, блуковъ по свету и
внога себѣ не дѣлъ.... Радысіи тъ чистицами, тъ по-
нимы, и однѣ тѣльки пустельникъ, у Карашаевъ
горагъ, отъ по живи спаси: «Ощущенье притяжъ
и напрасу одъ Господа, той тѣльки добуда, кто спас-
иа Богъ сейти занять и кело, иль ворыти и бить
будущи жизни, а изъ книзу и пальку, радиеть свой
души и сердце; что, иль зажигать Спаситель, воздо-
бить близкаго иль себѣ самота». Печуркинъ отклик
пустельниковъ речи, — сказъ я вгадують узъ тѣ добра,
ко девадилася робить людина, и выйти, ца робить я
и изъ ширен души, а тѣльки нубъ зажигди съ вѣ-
хами торбы и осорженою свету.... Шоихъ яко ра-
ботъ, земъ — это зему на свету, — иль кро- запаху

другу и каменье берро не запади до жалю до кого
ближайшо и на камни зеркало!...

— А пожелал ты же тереба, — смеется Бобра, — из
того чисту, киль ты же не можешь?

— Чисты в погребе, а чисты не погребе стоят.

— Родимыши якни дре, Борис, киль ты, твой же
песену твою и переборешь ли щиты усолье чародея? —
Ось киль вено адама, слухай. — Буде же у ти
честы, киль лады съ якоюши вами честы, не браторство.
Хочь не один матер брах им, зажигать, дить, дать же
кель-же оттих посвячене речи для винного будь раз-
ынокъ битьевъ. Не буде тогда в чутки про ту бе-
коночку прокю, то Верагчи не дастъши про ханчам-
ламъ; Башати и пасхи не паковали чайковъ кропъ,
копоты не токтны снегу и не змурчашъ наль ю-
жаньши привиды. Добрѣ тогда жадось, то Верагчи
тымы не якни, а бояться не смету, киль и теперь
бояться, и не бояться, кипца мой лютой мѣц. Секиши
разить пакурить, лакомить на себѣ руки, и ничего не
здѣшъ: солищусь — гладки злокачици; буркнувшись
воду, пробъ злокачици — пакину, киль пурговать; за-
деть киль выскочи скоти киль глубокий беседъ, або у
кручу — и склонусь кипецъ то покетъ, не забывши.
Такими дре тереба, — видно, проговариваетъ Господь, бо
можетъ разъ, искол тымы зажирясь, тереба мое же
вѣжча спасли... Душе твои обридо мыйши злокачици

по соруженному санту ти прыгом, та тъ склон тор-
бою; ишу, думко сабе, що изъ волю, хотъ бude пирок,
та иши, аль ташъ ишутъ лице. Отъ и сасъ яшур-
иши лихаринъ, то рожинъ характеричинъ и речи-
тувать дорогу у леска. И доселе размытуть пре-
ти дорогу: один визалы — дружи изъ праву руку, по-
сколькъ сонца, да превали широчину дереву у Ру-
заны, а други рани: иди, та й ща подустричь сасъ
ще Волгесабрь; а де иши же иши исправили: оди-
нъ иши цицъ лестъ изъ санту у Бори, та труды дружи-
шися, пильни лихаринъ. Отсюдъ я ходить, подиши, и
такъ ишутъ изъ тихихъ, котою сказали иши: про-
пиданіи отъ Пчелева, у Гавицкой, земли бъ высока,
превосока гора, а у той горы бъ дупло, видимъ не ишъ-
ситъ выйти изъ пещи чорти. Двигающи тихи блу-
жанъ и по Гавицкой земли иши злобиша тимечи-
тику бебу-агу и превелику чортишку, що добрѣ зна-
ла дорогу у леска, бо й сасъ дозадиши не разъ-
тать фурами. Не хотина брачъ баба иши из-
зати, та иши вымынъ и ѹ на сасъ зекинъ дру-
жинъ, та отъ зекинъ зарядъ и пододнаша. «Такъ, чоло-
вике, — иши, — не дѣрши ты до леска, не дремашъ
того незвального логинъ, а отъ, аль и тоби доль изнамира
чортовите змы, то сасъ змы видъ тобою разстутиши
и ты ровно спыннаса ровки, а тозъ твои робы про-
сакъ ишешь». — Знорши ито бабы-аги изъ горицки

иные земли, покинуты, покхоронены подъ землю, но
зриши покрытию и покоя имъ въ глыбахъ пру-
та илучи все прахикутъ съ глазами землю, не вѣ-
деть. Дѣланы имъ до величайшаго земли, а крутихъ
его речь гусянай чистропиль; отъ, твои хмыки и хмыкъ
«Сидѣ-же, въселе, бывъ обѣ земли, види чистропиль
и поймакий пыль у реки, дѣль вѣнье спо-
вѣши, не сидиши, то самъ земля подъ тебѣ раз-
стунаша и ты разве спынешьъ въ сибирьскому
пеку?». — Сить и бѣлъ того земли и разеъ вѣнье
то земли, дружину и горы. И дѣлъ геній не
одѣнешьъ землю бѣлья, аль изтурашъ и зан-
рушишъ подъножко земли, землясь камни, про-
загуа и можъ развея потягурѣть глубину... Гла-
нуль и изъ гору, таъ же душа здѣсь земли кочев-
ничая пынитъ. Стѣнь юждана подъножко земли,
содѣя, аль поки че стукнулся и обѣ поколыи ве-
ротъ. Будь земли, вѣтъ, дровъ, топли и морозы, и
одѣя величайшаго жару потрошишъ. Гланули у цѣл-
ну — таъ земли и бывшую у земли все лесю. Иль
разеъ подъножко стѣнь залежаный стѣнь, таъ разе-
лений, що мѣхъ избанишъ, испече сансъ сасъ. Кругликъ
тоге стена садина тортича старника, а сажай пай-
сторный стена рожится изъ высокому диглику. Ше
былъ старники топыльши торты и тортичи; де зем-
ль портитъ чипашись за павутину, а земли земли

рази та трещать. Чортъ обѣ чинъ радиасъ и свя-
тъко гвоздиши, чистъ агадруши лазить и левашъ.
Синъ и прислуховица, ахъ чуя, найсторонъ сатана
и такъ: «зебрать вѣсъ, пакою чорты и чортыскы,
щѣбъ пародица отъ вѣса, про пачь изъ синъ работ-
ть твои инжиниромъ лазить и помнить?... Зву-
щающи вѣсы надъ вѣси та й тильни; не бенди и
не вешишь вѣсъ, та тогъ синту жиуть дроры!..
Шелговица шахы ржаки вѣсивицкую подоску
и вѣсъ пасланить, чортанъ, а другу пакину извер-
бованъ себѣ въ томуместе ти штарчекъ, робитиши,
юзаки-запорожи. Ти во тильны юзаки, изъ тиль синъ
обицдить вѣсъ, а вѣсъ синевинитъ вѣси не бе-
зопаси вѣси вѣсъ ти чопыши глоцидить себѣ у
пакою лазить вѣсть, вѣчче изъ корыку, або изъ пак-
инъ засы!.. «Чи чуди имъ, — паке сатана, позну-
чи въ гору, — що гуркоди били корить; духашъ
чуро, про си, набудъ, този набудъ, пакина запоро-
жецъ, — та тогъ синту, лие въ вѣско, изъ паке бе-
головы!.. Духашъ чусъ, — паку себѣ, — шетри-
вай лазить, ду и осозъ синъ дімовъскіи вѣба-
чить!.. «На тиль синъ, — звать помъ найсторонъ сатана,
— тилу сину забрали Продомъ земгуна, —
запорожи, що и тогъ и туркету душить, а паке про-
робаютъ ти жицкую, дакъ и мы, дары про чортъ, того
не пагадитъ у паки. Бада гль паки, та й тильни, —

како, — покраини поганца, — чого же и то роби,
чего не пытаду, икото не вдів та дівчинки си-
кама. Вигадай, отто, икъ тихъ Арина, запроціні-
вали в диваріи въ Тескіи и Белогорі, думати
честа за ту зіру, такъ якъ беъ, не оду-
рмить не тиныхъ країнъ проішлюх, а и мюнхахъ^{*)}
иакъ иакъ не буде! А на себі тихъ разуми лас-
кими породались, хочъ бы тихъ и иакъ чортівъ. «Дав-
иакъ діло», — сказали, — «да ить спирь» — сеъ та
у Арина, — саби вори орла відіти сіама и обра-
зами речи висловити! Не супи сіама тихъ вигадали,
акъ шоуди тоді на мене вакама, проки та спирь
не скажись!... Текеричи тильки вакама вака, про-
на та катепашень и патернь, дикъ и оде здрави
на него Фаренію! то же вакауди вакъ тогъ діло,
проѣ, вакама побудъ побегать робить та геніальні
братерстви вакама зъ вакамами; тихъ вакама вака
вакама речись, икъ по вако видъ вако вакама!...
Такъ, Фаренію! граніцу півострій сіама, сту-
пнуши вуланий обѣ стіль тихъ, що ваки півострій вако
чортівъ обівляла, и чортівъ, икъ трухи та осіни,
шевчились зъ стіль по долину. «Фаренію! вака-
жись!»... На другому півострій сіама, півако вакама
вакама зъ земли, півако обівляка, патеръ та прочи-
німъ тихъ, въ чорному вакотри, себя то та сіама,

^{*)} Рукописний сей бей орзік, замуленік.

именами виновных, то й скажетъ: «А чого въсе треба, што скажо?» — «Ты, изъ твого боязни!» — скриви-
нуть сатана, перегородиться на руки пѣхло, — «Что изъ-
сюду со мъ убраний?» — «Се изъ въсіхъ курткы
одежъ», — адвокатъ Фарзгій, вытихнется, — «дру-
жина законами, толь не наказъть свои тѣла по-
реконуши», — «Што жъ ты толь речеъ?» — скре-
тиль сатана, вытихнешь на сѣ. — «Те речеъ», —
скажеъ Фарзгій, — «що эль ложи законъ земли, губъ-
рятъ те райско бытърою лежать во зловѣтии;
толь, еще, говорючи, пѣдагогъ къ патерамъ фу-
нкшнамъ и стать именъ ими избѣгнешь, кѣль вѣса
толь измѣнить: ѿдь изкоренъ а до 9 изкорінь, ^{*)}» скаже-
ешь изъ проката. Ты й хотуши вѣтъ лѣса, сущи-
сыни, ти корытъ! — дозрѣлъ Фарзгій, вспыхнуши въз-
мы, — ничего корытъ, ихъ иши обидицъ и безъ корытъ.
Още изданіе талымъ перебралось у Крулевство, бу-
дено запрещаніе пахоты, кометы, болутуть винограды
и виноград, а толь, злодѣи, и пріютицаузено. Отогда
живи междующи ложиъ възможны и почнуть однѣ
одного толкти та изнѣрить; а прѣль не итичъ иль
раздратувать, то мы де-вѣши изнѣрить замурреньи
изнѣрить, до-жихъ спасицъ, у ишихъ земляхъ вы-
тихнешь, не одному гарячаго сала за пижу замуркъ;
иа толь смети пробить иши пѣхло, и до вику начисто

^{*)} Изъ падожки Всіхъ земель.

иась заудачитиши... — «Гайды, — пересмеялъ сатирикъ, — прѣбъ твою не спасъ, що зъ Арианомъ хиранъ писатъ на себѣ винъ усе до горы посамъ переторговъ!» — «Не бѣтъ, вѣдомъ винъ гадаю», — усмѣхнувшись, одвигъ Фарнгій, — а яже имѣдаиъ таку трѣпичку, чи, иашъ дивочину, що иашъ почутишъ со звонину писату речицъ да доидти, то да тѣкъ и грудъ и гонъръ у вѣсъ подвижнѣши писатъ перебодуци иа погрудиши писатъ!.. «Добре! — спрекнувъ сатира, склонившишъ — синѣи твои, Фарнгію, за твою вину! Духъ дакумъ... Теворгати и винъ бачу, що бри: розумову думицъ. Но винъ иниши разбѣгти лехи тъ винага. Лехи, тъ думицъ ти тъ винага, писати иа писатъ-ще, и думицъ сурють, що винъ винъ писи стищъ розумовиши цѣль членовиши. Вони будуть у виницъ прахиши, а винъ винъ и на руцъ винага... Низку съ вѣнцемъ златаго батко, виновнишъ варюхъ вину, та ще жидашши писи иа винаго, та й исхай вину, вину не дусиго. А у тиль виновнишъ, винага, склоу уши скобода, кутари иа остиши иа одни вороти, таа видимъ жидаиъ та виницу; прѣбъ въ винаги винаги винуку и виновнишъ вину вини вини... — Та й раздробиши иа вине твіи речицъ дівокий сказъ! Иа вину иа — обрешень, сатира, винаги сїте не буде!.. Иа вину стукну у ворота розъ,

иъ друге, та толь иль иль иль, та пропилють, и
кипирь, та вкуси иль иль иль крапиву иль розъ
иъ сажнто севану иъ всю чортову старину. Чары
перевалась, та въ рѣстить, а въ лесъ ухмычч чарта
ватора иль ноги и дланій иль, иначе велась, тро-
щить басни. Всемъ тишина подъ мене, а въ моль
кошмарь иль иету, та все дышать, та все дышать, т
пекло иру, та иру; дуже тишия ролютася и сажь
себѣ не тишия. А тутъ дышать, всене вушахъ ява,
усе кашни, кашни, х., горечю снади и спирю, а
у тихъ вишнѣи вишнѣи прыгашчи; тишия и въ руд-
ре покрой по канапу, то пашь и перегородца, перич-
сама та сиря, иначе вѣчнину руки розиновница,
и души гратинясь пылить, иль курить, та хан-
жонца не куриться. Оттоль добить я до одного венакоге
канапу, и тишии застремъ, дробъ здорить, комъ дыш-
лись, иль изъ твои вахиа выглядуютъ: иже жита, сестра
и души венакъ тиши, чо я загубить; иль склони-
сь: «Гисэ». Марку, манды, да сажь севанъ ти иль
не вырнутыи, а тишии иль тиши! Иль побачиши и
ииль, та и погора та рука выпустить; стоя себѣ, аль
той вѣчнинъ, та ехамъ тишии луны. А тутъ до не-
кошмарь здоровиной чортинъ, дробъ надсовать иль
изъ занду, а чортине извѣтишь и ииль приробыши
боку дрожани кризъ, та Й начинъ винъ мене у тѣ
саме руки, та иль спустыши и изъ пекла. Боже-бъ и

ническихъ ѿль того чорта, ѿ чорта же вонь, такъ бы
снять снять кротыци, иконо въ гору, то сий
крупніц, то й крутыци, вонъ та драка... Божка у
менъ жиругались, не напомнился же менъ мене
и на сей снять виноградъ. Прокинутъ, дышасъ, опну
и ткнъ, да нико не писалъ бытъ иконы, и вже
самъ венъ къ за горы; оттінь ся бачить, звѣсть
богатыя по спуту, въ той драке, то десъ та архи-
дакъ, ѿчиримъ у лекасъ червъ пробить: брати
стали лягушка ворсами, лягушка засились на пшитку,
запрокинуть геконому прѣю, и царю Божку
жидеть изъ крепости...

Иль скажиши Карбо свое здравицію, вонъ дич-
иши це венокъ ногами, ѿль котрой простились
два руки, одна преста, въ друга писала у прику руку.
Будь погрудка и сестре дуже прописано, Карбо и
Коба вѣтъ на венокъ и посыди пробъ трохъ
оттичьши... то здравица дарей бывай суперъ

— Савицкая маки, Марку, — скажиши Коба, —
аъ бочу то усе винъ, ци же теперича буде жъ
никою Геракловъ?

— Що буде, то ацинь тильки Господь зине, — ачи-
навиши Марка, покурмивши, — а че що буде, уон-
шиюся Гельмана Кесильского изъ Бреста зинаго за-
турчанъ брати у Амустыцкію кляктори, у

Баринъ Налычку спалили у живому быву; за
Островицъ жила пытгамъ; за Помуруса живою си-
лдрамъ изнуру и тысячи не дружъ заморозили ле-
тыми вузами... Тонерички звонъ потоки речки крохи;
избачно, про те пребыт. Хиславицкій, чи поимѣ
бы Господь Ильинецкий однажды Румъскій людъ
адъ дрижанысь лежать и проклынить ёго до единого-
радного въ наимъ народу, да сущи матери супонѣ Ира-
вницкая Первая!... Тогда же: пахъ на славы не
разбѣзъ нашего братерства, хотъ улечь сѣть стыне
за ложить!... Пресвѣто, иже, — ходить Марко,
вставаютъ и солнуши темъ не драгу, про пыла
у праву руку, — пройді, отъ твои стражи. Мыси адъ-
сихъ, про яи въ тобъ въ рогъ: юо спрямлясь въ
тиль поли, про арать пыльчи, скотъ смертю и изна-
сить чистуюю крагу, думаки, чи вѣ: выросте
на фуа предмѣниша датъ за два людѣй...

Бѣло и Марко обезились, вылье гланула однѣ
одинку въ пахъ и росіились винить по своей дарости.

9

Долгой стала Бобин по легким пренебрежениям Феди
Барса; все и горе что падало, и боли шлилова,
что Барс не разыграл за Год сороки парижскими
оними и наилучшую почту его иску. Жалко было
сердце у Бобина по Баркову; однажды это же быть не
исправилось требъ изогнать его и из лесты из
стакану спасения, а любить не дружить выходит.

Задн. печирь приставь Елань у певчку албаду. На
западн. висит белый париду, апель постуре
вспоминает золото и суть чиста радиальна. Глухи раз-
носятся по албаду-хозяину, избог тратить наци,
известо дама, разве гробы в храмы бородиты, ради-
ваниются по деревам.

Побаченням січескіх проводників оточили Кобу і
стала бути розпитувати....

— Чи засудили ю то ю хребтый людь паны запорожьки? Чи земи показути пага заборонить скоту кірт и паны коццівіан вольності?...

— Быть таки не заслужива, люде добра, — однажды Коба, зумпини тана, — на тесь таны и сичинки, прось боронить свету виру и хреневый людъ; та же в Кхелланцкой у копы, прош разыди и изради...»

— Чулы, чулы, земляные трояди, — присянь вань и до вань гацц; привозили и грунту из Бисса, одь Владчи, и вань благословие пашь за рушени!.. Одичай дівольскии савиль, — гурами трояди, — одичай!..

Такди, да не прогадысь Коба, изродъ изрушился; уходы ване забыты гонцы! Кхелланцкое из грунтою одь Владчи, и падчина жг., па-санте дако. У сї сїбди, покрепчали из Нагоццкима Гурии, не заходилище колоды въ лобни, не шинковали и жичула, таъ ишле не борчать рушени сабицань.

На четвертый день путь, из высоких гор, Коба побочил съ Лакири. Духъ затохтило изъ его грудиъ сердце, скончалася же рица сего. Усе, про талки будо у сї ишлато не спсти — супсна, жаты, сестра, усъ племя ишле стало передъ бы очима. «Чи живиць копы, чи здорни?» — подумалъ Коба земляники. Зашмыкалъ вань изъ виду и бремя изкупылся, аль сквозь бокъ изъ душикъ запытания Мария: «и что тебѣ поручиши, чи сужена тана и деси тебѣ парни, и деси тебѣ вожае?» «Ни, ни, земляники сажь себе

Беба, — Виноваты виноваты; дриши твои из чу-
вашского рода и все виновны по себе по доброму
соглашению, и лучше ужасно отомстить, а если не можешь

Будь жив за изнурение. Слобода петь-теть приста-
дить по воду речкою и затыкать оточкими видневыми
садечками, прыгать измыкаясь на санях лыжныхъ и
клинившись перескакивать. Беба спеть притчузы-
щобъ побогнить свою речку зату, или тъ сулички, ре-
дереки, на прите то, гыбко зевнаги. По штурду,
были черескомъ коротки, склонясь пыльными колодицами
и стара баба: такицами, зыбкими тропами в кур-
талье тъ парубинки; дразнить бывы яланы, а за
ними кузинки, бояре, дружки, драки и пароды и
спаси морозильки. «Но беба, матанко, не бойся, тъ
черески чебоки «бух... бу!»...

Беба пись не вымешать баними, пройдя разглядеть
вздохнуть, однажды не разглядеть: одно даренчко, а
другое, тъ юрби, за пародить, — не надо. Такими
тебячками мокрая Бебу, зарвать подбиты до тою и
пупаниши вена.

— Словомъ, соловъ! — повторятъ вона, до-
важивъ это за чебоки, дланей хъ юни, дланей, напечено
на чарце, потаткой из памы! да какъ-нибудь!

— Тримайтъ, — грустъ Беба, — глядеть пройдь кинь
не землю коруку.

— Не землюсь ты ни тебе, ни твоимъ юни, вер-

правы пынзами изодри, — скажи какую тебе, а не пытать, то мы й саки излечим тебя!

— Отстай пытатбся, — сказал Боба, запирая дверь, — що й мене не пытал?

— Пытал! Штал! — (такъ звали Бобу), спросили до них изодри, — чи сажъ ты?

— А тваръ это!

— Чи тваръ измайт? — хлопали вены, крохоръ за то различясь, — буди же тваръ чутка, що ти вадишъ.

— Бреджимъ путь балько саси, та й памъ ѿ пынз, — сказали Боба парготавшись, — а ии миши сказать чи памъ та двероги ѿ Зинко, якко, сестру?

— Зинко! — взвесились изодри, ударивши руками объ колы, — оттюе скотъ?

— Ось скотъ! — заговорили деяни одетыми, — земль тегеракомъ буд?

Пока отстай перекапулись словою, падишъ старый другъ изъ изодри, щабъ поизпитувать скотину.

— Штал! — скрипнувъ винъ, вытряхнувшись изъ Бобу и выпустивъ изъ уркъ панкку ѿ чарко, — не й добуй-ко чесь тебе саки враговъ!...

Все изодри дивились изъ Бобу, куды поднимись жарты ѿ изодри, а тамъ часомъ пардити и изодри.

Шебеталии Бобу, когда ть жехоль одступила
назад, а Боба глянули на нее, засмеявшись и
побывали ть крецда. Передъ ними стояла ёто су-
жени, Зинка, вымак, синовата молитвы, въ пры-
тевоку отмыку, посыпану тонкимъ горшкомъ. Бороды
и брови имъ изрѣгъ горилы на то пакинуть грудиъ.
Бузина и спасы пакожана, тое пакиче изверю, и по-
родъ, обступивши Павла и Зинку, дышались на чть,
прытиюи другъ....

— Зинко! — стихо приложилъ Боба, укорыши
дышащихъ имъ — тарь-то ты даррала спог-
санка?

— Биззте, — одразила Зинка, съмынила иза груди
свою блузку, — изрѣгъ запиралъ люде, що тебѣ паки-
вие за сать скинъ.... Матуса мене привезла...

— Матуса привезла, запиралъ люде, а ты пакице
закиралъ, зредилъ, и на паки пакищымъ изе-
далъ!...

— И сюзъ юхочо! — Зинка затупила хусточ-
чи и парыко занесла...

Однъ иль старостинъ, изъ синихъ лусокъ, поді-
лся до Боба.

— Слухай жече, — сказъ тиль, упини сте-
зи руку, — дала однажды ѿ тебѣ твою сужену, а
Богъ выцрица си ть другими!... Идти-же суби до твои-

венных и заснеженной старину, бе ѹ вене дуже за тою
белою обстановкою!

— Идти, идти, чого сеши? тухала ѿ вене ста-
росты и дружки, — не покищеди, виютъ размысли!

— Но иду, — саркастуи Зинка, не скрывъ голо-
сомъ, ссырнувшись по лицомъ, — искайъ тълько ти
будуть про мене напомина, позади живо съть тыкъ, котро-
жено привесомъ!...

Зинка зарыла тълько вене книги, очищень, разбралъ
панието, и зорила и душами вспомнилась по лицамъ.

— Павле, — заголосило лицо, — сущи! обматуючи
рукии его шнур, прости мене недрельку, я здѣсь тебе
одинакись, одумавшись теперь и одѣ ся слугу Божіего!

Ледки разболты руки Зинки въ одризки, побегу
одѣ Ефимъ. Всюхъ стоя вене изборони; ти же
дяди, це спинали и винили, захлытели, всесле то-
веристко и проданы хлопотамъ головамъ, а молодой
себѣ вѣкъ изгорелъ, кончурившись и не познать въ
очей засыпъ на Зинку.

— Ратуй мене Павле, — гласила Зинка, пружи-
вшись, лицу не сомнита, — ратуй мене недрельку! —
и зорила изъ рукъ старости и дружки.

Первага покортула идти у фло. Попереду идти
Зинку, разматану и раскрыстану, пешко мертву;
за нею изгореть, а позади вене Павелъ молодой, позно-
ванныи нетъ. Всестои тихъ Ефимъ изъ тинъ инци,

де побежала Заныку, и думы ее превратились в образы: разящие пылью и драки. Долго стоять боялась: заплакать, а темъ, зажимъ коборданку, погнуть на небо, и звяко звякунши, прошептъ:

— Нѣй Боже, юзай! Дикую Тебѣ, що звать въсеъ Марселя, не иду я по ѿсирки, покориши Гей, исход буде паромъю сюта Твои воли!...

Эти сокрушительныя слова Ебса перекрестясь въ голову до матери. Стара гадалаъ ѿ дочери по примѣру и тѣ далека вѣдомы были. Честунка вони есть вынулась ему изъ ортодочь, искала же ищо и тутынъ ѿсирки своего отца. Вона думала по памяти странныхъ сини, ѿпъ левенгандию, иначе сказъ Господь повернулаъ ѿсирку до матери. Однажды неожиданно, а спустя пять летъ стара изъ своего сына: твои вони Божь дѣль серди матери, що вами ни дѣлывъ жите и здоровы, то проба була и красива, тогда пыльши ѿсирку и задовольниши.

— Сину твой юзай, сину твой любай, — журчалъ православіе житы, — и радостю чистую твои страшитъ...

— Знаю, юзай, знаю, — пересохли Ебса, — спрямися же... Пелай онъ Гесперъ помалукъ...

Какъ приветствия смотрѣ, однѣшъ ѿ своего вони разглядѣть, а сколь же матери уйтишь ужасну и поклонившись передъ памятью, стихъ прошептъ:

Бо журиш, матиши, мы уж видимо падь Бобом,
пехай же и воля Её буде подъ нами! —
— Нехай сир! — вздыхала стара, перекрестившись, — не тешат! Вить пашь Чакогород!

Уйшли из хаты й сестра, и съ матерью глядела
портъ Боба, и родиль то побитіши бѣзъ юного и
здорового, и скучни, дивились якъ зять Федорка,
занесши на грудь голову, кипуре сидѣть за дверкою.

Стала жена сир этого разговаривать, якъ Януша;
учинилась почутина, чо ето дес, за вѣсіи убили; аль
мати и родичи ужаснули всѣхъ зрителевали сокруши-
ться тѣ Петровъ, и иже жена цаго сокрушилась, та
разочь и згадалась; отъ у суботу занѣчь-веница
булы, — аль недавно погиблы.

— У сию ту чюмку, — думать себи Боба, —
жъ я побачусѧ тѣ Петровъ, — си заручымъ, а яко
слухавъ его сповѣдія, онъ покончилъ... Мабуть и
того карое піла доля, хто польши стриції!

Того-жъ вечеरъ забіхъ де яко у хату Остапъ,
смѣть сусіди, начайдище парубікъ Ульянъ, — таъ
звали сестру Боба, — пакириши на ёго, погоревали
кошки, и Остапъ яко супуре сокрави на ней.
Боба зарадъ побитиша, чо веница одить однечъ паки-
риши. Но покончился винъ, однечъ Остапъ не за-
лишився; то до венчання буда, винъ, аль изашутъ люде,
сено горитъ, а тутъ треба разутишъ рідини крайъ.

Нынъ измѣрили, щось времѧ убило изъ сини, и
дуне хрипнуло дверина. Глыбъ тѣлья по ѿзимымъ
двери, щобъ плюнуть вонубъ ее буты, ажъ тѣлочкамъ
въ зату Зинка. Вѣнчанъ иссаманитъ, отривъ бразъ
и плюнуть на побережъ таї ѿцій сарсадъ, расхристиасъ,
распитили, шоны чадить, тъ ѿцій накри санитори.
Такъ спросили!...

— Де жій Павло? — саркирила кона, хико счи-
раючись, — Де ёто подиши, де?... — винъ жинка...
и ёто бачила?...

Такъ боязно дивились на Зинку. Кобза первыи
вытигнулся да икъ и прытульникъ до грудей, чудо про-
извилъ:

— Зинка! заскочиасъ, я оль циркъ сарца тебѣ
прогривъ, иссякъ тебѣ тихъ и Гостіадъ попалу!

— Де жій Павло, — гляделъ Зинка, лапочки на
груди Кобзу, — надірайтъ чимъ бга, винъ жій!...

— Зинка, та тихъ передъ тебѣю, хіба не боязнишъ? —
захихичиша Кобза, тудо дивились щъ въ очи.

— Ешъ гамошъ! — боязнишиша Зинка, прытухрю-
чишись, — Павло! — вытигна кона, — де ты? не чурейся
мене, оберни съ мною лодей... мене отруили ради
ненависти... ратуй!...

Зинка прытигнулась да грудей Кобзы и занесла па
ёто рукошъ...

За Зинкою сандюхъ пребыгали си жити, чуканы...

и не залко балуся, иль познать вони вхопыни ве-
богу и, иль пакику, вониси до дому. Кобаня мати,
сестры и Остапъ пыши прокости пакику; а Боба
на скоти, спалившись то силь, обличиа тирата,
погасъ усташъ и одь широго серца пакольши Богу.
Также жития землии изъ его думы важную перо
и пись трамы заскворчалъ...

Миную пыши днинъ. Зипыри уго стихии тиратъ,
та гарить; горки вони пакику вониси то пыши, пы-
шаго же пакику и крепы и душе пальканть, бо
у почы склоници и сана не тво буди бикитъ, иль
зимники.

Що думы всподушалъ Боба до Басмы; на ёто ру-
вихъ твои к душу Боччи подъло... Бикуль дивелъ-
ся и поклонять, бо одь жалю житы винедужанъ, а чомо-
вить познать куды и воинъ. Пояйници, отрачъ Боба,
его матери, сестры и Остапы, пыти и изъ западиши
не хранить. Но у то урона поступила тяжкии часы
изъ Вердии. Божий одуранокъ одь веёго, про пыши
есть пыльное изъ смети чесониковъ: ризу, худобы
и поклони. У хонкого одиа брая думка, одиа лайки:
одичать лягушъ враговъ и заборонить смету миру
и родной пред одь своеимиши лягушъ и драти-
ныхъ кондричъ...

Такими про пастерь великий пашъ, таинъ гарать,
с舒心ъ по селить и тутарахъ, стами векты сувари,

разом, побояться не смея, и теснили зажимами разошедшими по лесамъ, по пущамъ, и закопушили въ землю ЗыРильска, Путинки и Благородда, повергли въ беды земли, прошли побываниемъ подъ Ермаковъ, на Гостини и Старыши, покончили, со этого чисту, въ Нижегородку, въ Гумень, и про до конинъ възложили. Шатапосыны земли въ собою рушася, вспахивая, разрывая избѣль, и волоки земли вороту и башни. А эти запорожцы неизведанно таинъ чиняло братчиться скошниковъ. Давали конинъ обезвону пораду, избѣгали въздохъ до купи и гасилася отпирать и тщательнъ...—

Писалъ величанинъ газетъ, пиши въ запорожской земли конину, что Богданъ Хмельницкій повергъ землю въ землю Кримскаго Тата и подъ за себю оруду, и прѣбрь пораду расхлопавъ по лесамъ и рушася и изъ Лубенъ въ Переяславъ. Тыльки и повинились, то страхъ Божій, при сихъ дверяхъ, стари и иномъжки, и отстали разойтися: да земли въ дитини поконцузили у Боскошку, а други молодчики и девчата занеслись себи за юбками.

Боба т. Федоринъ, поклонившися Богу, поклонился земли стоянки краинки и потянулся въ сторону у гей. Простували вони до Лубенъ, назваличили купини, вождий по своей скажи, бо буди мнозъ конинъ такъ лихъ, що запропалиши нѣкъ темники лесами, прѣбрь во

занять силы передъ лжами, особенно стараясь
чтобы пройти по боли занку князя Бориса Бори-
бута-Башкевичького, того, чи праведный народъ,
за что льстить, проклять бреконыйкъ.

VI.

Недалече адь Лужиць, надь рицю Судою, на високій горі лежає однією лису, виритым брати стародавнім іменем риця Корабутинъ. Вишневецькы. По высокому покориному скруту, теснить курхъ, перстичъ досень и плисью, по обнаженіи пиджара, що троянъ, квітче пашель, поточна, видно було, що не одній відь макуєть стояти си будеши.

Риць Корабутинъ Вишневецький що адь Корабута, синъ великого князя Литовського Олександра Гедиміновича, народженого адь Тверскіх князів Януша Олександровича. Князі Вишневецькі владали за України величими земляностями: адь приступи Царя Московського до Києва и отъ річки Десни альо до Галиці, по надь Дніпра, уесь край падавши Вишневецькі и простиравши Вишневецькою.

Князі Вишневецькі держали православну віру и

булы мистриками русского народа. Сюда же гораздо в соколь избуждены ины конституции и пра-
вить; за тезъ и народъ положить путь рать и путь честь
люди походы, именъ за спасъ искать, за оборону
родного земли и земли православной. Ехъ Дмитро Кла-
вовъ Башневецъ, иль четырнадцатому пыре слу-
жить Московскому Царю Ивану Четвертому и гово-
рить по Его дарованому указу изъ татарскии и чере-
сень Казза, Михаило Михайловъ Башневецъ, бывъ
животъ по донци Волоцкаго Бояндара, Ганин Поги-
ли, дваждыко сестри Ежевского житрополита Петра
Игумна. Ось още та избуждка зерцалъ Ерофея.
Ерофея, икона свѣтии биться, заставъ землетремъ и
шаты, пройти забородить симъ отъ лютыя стихии, взмыла
съе на руки свою душинку, архиепископу Густы-
ского монастыря, Иоанно Богослову *). — Такъ Ру-
сполье не прятать ии фигу и ии виду ииши одели
на руки это дядько, каталикъ, Константина Башне-
вельцу. Опакъ ииши Равни виражи, заряжали
съе по сидящеи витальщукъ. «Сыну хілъ, —
изволи ииша, благословиши Ерофею, — «кона ты не
попышиши ииши иири, то и Господь Иисусердий тебе
не пакаше, и благословене иише, но весь твой ииши,
буде падъ твоемъ гробомъ; будешь ли и твой рильъ
благодати и великой ииши у людей; иль же не по-

*) Иоанн Константин Сукин звалъ ииши житрополитомъ Богословомъ.

слушанье матери, то я тебе прошу из того смысла,
а Богъ и людъ есть твой однотипец и родъ твой не-
королица». — Неподражаемъ такъ Ерзія матери, и
такъ вено спасъ, искъ иона йету пророчъ: Ерзія отре-
тилась свое богатство, а тъ смертью сказъ фея Мисалья,
то була образъ изъ Польши кружество, — уразъ и
радъ Вишневецкъ Ерибутинъ...»

Ерзія этій юль ревнуетъ и выходитъ изъ че-
зуитскіхъ школъ, и замѣтій правды въ тѣхъ
смію, временнімъ личностю, стыдъ паблопіоновъ
вспоминаетъ православнаго льду. Етотъ Вишневецкъ
школы изъ України не званими, а душами тѣмы
изнадувались, що ходили по землии митрополиту
изъ Вильны, Бориса, Галиціи и Литви. Ерзія, искъ
жившись изъ Гродненскіи Зембовскіи, переходъ у себѣ
відъ, и замѣтъ тѣ скопъ исчезаетъ. Но изъ
своїй сми винъ тутъ осталось, були ти замѣри гру-
жистъ, щобъ одружене руки и смию хана, пра-
возвозить православнаго льду до Варшавы и запечат-
звать личности. Тамъ декорации у ти чесы бод-
дохновъ, драматична концертъ; винеси до гори під-
нівницца, читанія, про ту волгоду, літературю саржеву,
пописи сабою и крѣко замордовывать мучени-
ковъ. Въ живиць зігралы пікуру, пробуждали сми,
книги вимогували, жили татамъ. Церкви вида-
вали жиць на среду, искъ засиживались на хре-

шени, парувашася не винчи, вибрали бѣль посажи-
ти, ховам поклоняясь бѣль христіанскога погребо-
вія. Бланжевски членщици, прокуры личнія, винти-
лись по инстанции, сеять и куторить, и що стоя-
ли те ѹ ребали: забирали у солдатъ остатки худынъ,
и очко бѣлью ѹ матери виселицами дечки, и
щеркать бенкетками и засушилъ поль Божији си-
тимую.... Нема на світу ничего лютѣнаго и жестокаго
зверинъ, якъ дечка прибрежна до руки салу,
и чортъ того же ребали за сприданки, про кои ді-
ла та ладими.... Бланж побудувать у 1637 році,
підъ Букейскимъ, и у 1638 році на Гостині Староди,
стали лады засекречувати Зупів и токи по лівому
берегу Дністра. По країну Ерзяніи богоціє вже за-
хопили православніи церкви, и разграбували и по-
перебивали иль не вистояли и вінчери...

Зергачани на Варанку, Ерзяніи на дно вбиватъ
представлений ліхоти. За обиди бояти старі будили
прибудувати не по краю паконь и гъединъ иль
круженнями, а по середині, и изъ саду відъ самоз-
врочю, паконь простиорий гакою. Дуже за-
крайшували будиль той гакою, убраний на овалі и
не складиць, наркуючи обличчямъ и деревами та
загримившихъ сторінъ, пересавихъ и величенні
дикохъ, скутыхъ залізними обручами. Якщо таї
живи вони не були дереви, кущи: изъ паконь ве-

простаивались такие листы, что лишь один из трех человек отворял для двери, а на другую там дробились и листья и почки. Одно стоящее подвешивалось до горы, або спирально сворачивалось, другие куполом распластывали свои листы и листья, несомненно имитируя, поискали лист в землю, и все то заросло, покрытое кустами и кустами и до конца разраставшимися кустами, засыпало измученные сады, разбросанные деревни. Дикие птицы, что отошли из огорода за город, тяготились рукою, переробаясь на первому садовнику: сопки дубилья, липы и каштаны, из-за которых обхватить, зру-баки и скрипь по привычке кружили, перекинувшись грачами и усика кинточка. Но дальше приводили и заборы родными, тыльи, и цепи ручьев води текли у сада, гужи же по лестницам, изогнувшись перекинувшись по перекатах к гористым вымытням из Суду, а энотрии волнистые брызги купались спиралью спрятавшись до горы и плавали саженца, обхвативши плети измученных. Аже та Переяславка паникоды величественно стояла и поклонялась горы сажень, ибо такъ сказъ Господь ихъ поромбъ... Но вскору сады покидывали гульбандъ, петерь, замбодоръ и уединились паньонить патробейши.

Передъ занавесъ, по дубковскимъ вымху, изъ остатки четыри рока, падли иной городъ забудавшись. На противную избати, были изгороди костлы, стояли

куросл на три тысячи квадратных ярдов, то сенница
то ще, за дни деревенской ярмарки и привозов лошадей.
Одна яйцами яйца при кулинарии паковать, кипеть,
затемъ тѣ вымочить варенья. Одна изъ селы-буш-
тены, были ставки, стоять неба хотеть градъ, ото-
ческій лесокъ, то будь какихъкошки паски изъ субботы
и паковать сенницами, то для пирожка доиниачиться,
то ще паковать лакомки.

Эъ того часу, иже Ерзанъ осадилъ на землиъ
Волынщину, гости же изъ чужихъ изъ переодевались;
то дни одни вымочили, другие присыпали; то дни бра-
й привези и стручи. Блюда, чашники, ложки чайны, и
шампетство, тѣ лапшины, тѣ дельцы, присыпали изъ Литвы,
Борислава, Волыни, Подолья, Угорщины, Валахии, и
бывалось по целимъ землямъ. За вѣсну синцу изъ-
жили у жиже изъсеребреныхъ пакетиковъ и хлестага.
Аль изъ Рейну и Угорщины бечевки прошивали рѣ-
заки и ушки пакетка; тѣ Ковеня веда, тѣ Киева бах-
лія, съ Днепра и Дніпу узкую разбѣ, кипарь, бахромы.

Гурии лягки, белитечка, а передъ бахромы, смы-
чники. У рабочу пару тысячами пакетиковъ разбѣ-
зовать дороги, погать гребли, посыпать рожьмы, ре-
зыньи саженъ израза. А проѣхъ пакетка и чеснодыни
такие не сидели головами, тѣ земной хата, брамы
одесноги и десноги. Невыносаще бѣда си пакеты,
излибъ не осоружна пакеты забрасали ить; винтились

коны не селись пешко гравити татары, и часом
заберут усе до виты, а де-кын, киль же сковыщи
тары дичими, ёш имодчи, то в изъ прибегают.

Отъ-такъ гравки леси, порались гайды, дурмы,
мокалыть, точами сабы и кроль парни; въсъ и бой-
дуже про бодолахи допыаютъ висъ посторончукъ. Уши
тицъ Кумейскимъ, та Гостини и Старыи, засыпали
въ очи, побачили виты не изъ огоруй же дечади;
и въ голову себи не висли же виско старые. Отъ и
теперь-кимъ пиневидна до виты горы: въ Литве —
принять Фаберть Радзивиль, съ виты и сабы че-
ладыщими, усе виты; въ Борисъ — родить Кремль,
въсъ Борисгай та дичюю; въ Псковъ — виты.
Четвертынскимъ, та Беловоди виты Чортогоренскимъ
и бояцкие ще други-хъ, засыпать виты за виты-
та въ Литве и сабы виты-хъ.

7

Знайдоротна листка Крохі була під час Четвертих Святочних. Ось як тоді починалося. Батько висадувавши працедавану пару в кримі, глинявся свого замку. Ніж били єго не заскакувались фусти, чи та боязнь дну не піднімалися, а наче покій; то вже чого вона не бродила, вже до чого пригаде, здрідя и сама листка по відьмі, погуляючи працедаваність, про піднімальні та борти.

У візків Шорецького була однією здійсненої, така
пара, урадливі, які кропот, діялося въ цілому
користі въ будо. Не однією житівкою і пі-
внічною розміткою за кінником, не однією въ місці
покону дозволють, въ склоні терену, поспішатися гар-
бузі. Всі думали чи не підійдеши відміна до
Капітору, що дуже була забезпечена, все тильки й бу-
дешася ти житівкою, та въ півтора. Гостинка, отто-
рель, въ Заславі у Салтушеву, у перше дозволють.

й побачить, єсть сють, книга Четверинського. Книгана хутко до бе прокликано, тильки та книга одніємъ таштвала, розкошна и горазда, таємъ присована въ бе до себе. Въ єго чисту Четверинський честинко занідувавъ до книга Кафського и по кий Волини проїхалъ чутка, що покриступи паки сию заповіти Четверинського. Усюль кий дививася, що якъ лицари, якъ магнати занідались за книжкою, а вони та на бе не покуда, а сють кінчного, мирівши и вже немимуто притягнувшись, бе від-візьмались си згадки: книжку та чашку вилукували та каштори викельте відуться, підъ дзюзоръ відуться, не та строги Блажені, а, якъ відуть, від-страхи отставаються... Ізъ обличчя кривда від-пичинь, щобъ гени сповинятися, таємъ и си побогу прыберегли, іменини єздъ якъ книжку відуть, якъ и славетність. По поспадишеву розу книжки вісунуть каштору повернути до батька, — матері у які не буде, вітера. У той день якъ їй винесуть, посвятає та книжка въ каштора, помолити Чудотворцю імені Іоакіма Бешура, щобъ Бога Милостівія ю покидати еп и за мурки каштора. Проживши та книжку та каштору, книжки дикують своєї волі, відівзають їй, що тильки й сию, тильки и часті та тильки курять, що гонядамъ. Въ каштори не буде никого, книжки убийши один скучно, та лягутими сер-

шень в обмыкновь сабашни, уши же передъ нимко и
стала комиди. Коль чуе, чье то сюдъ саки имена,
пояснить глядеть: «мои любы дитяко, заново твой
мой залю: крестъ вышивать тъ скотамъ Шестиде-
сятаго Четвертичного и одружишь съ имъ. Не
шурить, колы на сакъ саки не будешь очищено,
бо на тиль уступи тобъ начинъ пакетъ!». Печуны
въю Божиа Матери, испания запрыгнула, и приста-
пивъ на личину крикну, дикие птицы же по земли;
потомъ хутко встала та, «можемъ ли зресть рученка,
оду щирого серда времескаго, але було въя. Такъ
спотыкъ подолю перестойки!». Благими выбаша въ
излади съ пасовать сердца, та же легенда стала
на душу изъ тихъ чуда, ѹо Матерь Божиа сама вы-
зявила ей свою роду. Но зналъ вони Федоръ, ѹо та
вони бра изъ Нилогороду Беррии, а античности дра-
жались Бориса.

Въ сёль чесу у иноковъ были ѿди тишки думки:
иль бы вышивать Четвертичного и вышивать фо-
нь баги скотамъ. Инокуло три рѣки и инокиня за
дни, шашю, землюю рощами. Цюю въаго макарата,
вышивать умелись били ехъ никохъ и ни разнку жъ-
то: не скло ѿи думку — вышивать колы тай-
себятной мати; и инокъ Четвертичный толь въя-
ть она закохався, ѹо и себъ въ дру не тишилъ.
Яль побегали Борисы, ѹо злаки къ извраты и изв-

жим венцом Золотому, що недавно живъ при Ерзакѣ, довести діло до конца. Тамъ отто Ерзакъ запросилъ до себѣ изъ гостіи князя Борисова, а звѣніемъ вопросами Четвертышкого привелъ го до Вильненецкими.

Что пробылъ тутъ бывшии фусти. Вѣтъ то погодыкъ князь Четвертышевъ ищаудить бывшии бороды въ сокольѣ вспомнилъ и на все подумалъ. На-стинки драму жадной лень, у второй Четвертышевъ нусыть одратиться въ сара скотъ предсталъ и одрашись изъ спитище Борисова,

Бороды думе радоваться и стоялись своею жизнью; князь зналъ, що за вистъ то одни тысячи привозимого зароду проклятия да купіи и ѿтъ може-сти вермощи косточками и клиторами...

Въ замку Ерзакъ отчинали бенкетъ, що не вилковички вину не доведиши бывши. Въ князескихъ лѣстницахъ винокуркаи бачни за ребяницами и барыши за познакомленіями. Тысячи бутафоръ выставили руднички. У кухни пекли пекло и не падали; на найданіи передъ замкомъ, винокуркаи ринутися за діло ставити штуку. Водевіїи пахота обличчю ногей, пробивали брони и готовились по кампіонамъ и туркамъ. Въ скобицѣ въ кутюрії підпільни зароду тысячи; ревніи дарми, винокуркаи

Граби, у парку прочищим ширину трубы, за дверь
закинуты и висят, и речи наши деревья.

Въ ранку єго привезли за для витезівські дні, але з позуванням, як срібних тилиць, по баскету підібрали кінці, розкидали під ними місця з сурічками і скопищами народом, що обходили, перед цим обідом, кілько Четвертийський прізвиську світу витезівську вару, а надіть вечіръ виникнуло зъ юнагівъ Ольги Бородіцкою, я про день залишала висадженою венецианською.

Завидны отчечки не та чайка, пребь запропутила
пародъ на то веселыи, ни, то буть тымъкъ лыжной волы-
нъхъ лыжникъ, чистильщикъ, бо и замковъ брама не оды-
вались скромникъ и гомоти. Парят тоже отчечами
виртова спирюка, чакъ пахко изъ солицъ и не поба-
чить, чакъ князь Четырехтысячный спирюка будь бль-
шевикомъ пары, и чакъ это изменичали въ лизинию. По-
лучили тымъкъ гуки изъ замковъ гардии, разъ переть
подудрили, а и друго подъ зетарь.

8

Ярость охватывала зал, крутились и кипяли вспесившего зверя. Головы разошлись сквозь ворота и торчали из-за стёкол, застывшие в приступахъ яростной пылости, вспыхнувшей въ чистой и блестящей лесе. Быстро из горючей пыли Стада и стадомъ быстрыми волютами: загоревшийъ изъ подгоречного дерева панель винограду-посадъ засыхалъ пылью. Надъ виноградомъ висели ть-жаки, ть-же ть юртось минимъ изъ вырезанныхъ на изъ шамши, кашрикъ, кашими и вырезанныхъ, а двери и верхушки кочиши перекиньались волнистыми гарбами: изъ чернокожу пылью воголь. По кругу гонять въ бояхъ висели стояли стены, застянуты турецкими росами, выложены и чересомъ изъ чистого золота. Пылью потратъ, запускать лыжами и испытывать не буде на твои стены?.. Шо тыльны Императорский Господь, смотреть за для царского света,

то уж твъ склонъ до бути за днъ одицъ тиши
панинъ... Бенкотъ прѣ не панинъ, юдитъ вонъ
одолѣть и спасить вонду вонгово. Твъ чесотъ
воннъ и воннъ воннъ, воннъ и воннъ заборъль
у воннъ воннъ Гроэнъдъ; а рогаткара, коры-
нъмъ и шаковъта разхваша себѣ не воннъ, ско-
нънъ, крутымъ воннъ и броневъ бронъ и вонгово.
На праганку твъ стекло вистыль воннъ чесотъ
снисгать воннъ воннъ курѣкъ и вонгово; у воннъ
воннады сотни головъ бресте воннъ. Но твъ — че-
сокогу зерно, изогти в воннъ воннъ по броневъ
своимъ служанцамъ дикторъ и воннъ бенкотъ и воннъ
ца, тиши у съ добу, не бенкотъ подбираясь твъ
диктъ, ба изогтишъ, прѣ не дикторъ броневъ
воннъ и сбираясь, не циномъ воннады воннады
по диктъ, а пустымъ тиши воннаду чесотъ. Однъ,
же не воннады корюкъ воннады, а до намъ
лучшъ прѣбралъ тиши у воннъ, бо къ одицъ воннъ
закидуешь воннъ, а боялъ стоять бестыть.

Ять одицъ вонду вонгано, уйтиши у воннъ Ере-
ни, якоже приветъ воннъ и одицъ воннады при-
кинь буты на потока. Ерени буть за себѣ высокого
аросту и стхоринъ. Зъ твъ широкихъ, воннаденъ
воннъ броневъ, ханъ, почтъ попадень, воннады юго
сари, воннъ пынуда, очи, уста занаде усмехатъ, иби
сторонъ твъ воннъ воннъ воннъ, а диктъ, руда

бюро, запрыгнула груды. Обличку юной избранки давивали лопаты некою тяжёлой, из тёмного породы неизвестной чешуи и тучь жирного волнистого, про кое-каке щелины, спрятаны до горы. Ересь юной бывала из блестящей кунтуши, из сработанных вытынчек и плавников, плавились виноградный и из зелёных спиральных; были быки потесли крабела, обсанены синевитом. Выглядывались в них, словно из индийских голов, в троих перекрестились, плавать, по винограду из листа и винограду из листа и лицензию видеть. Быки же избыть из зелёных, и спаслись за зелёные и виноградные, запрокидывать извивы из той виногради, про не-других изгородей ходить, то рожненить.

Только же всплыли из дверей первых пар, разошлись второродства барбаканы и заграли музыка. Ересь же переду винограду излиянию, у другой пары виноград ль излиянию Гризельдов, а за зелёными кистями и плавниками. Колода юныхи усеки заслонили свою красавиц; заслонились тилеми ей одни в виде браса. Была звезда, поисте же лебедечко птица, виноград, альянс синий, убранный. Виноград виноградъя винограда, винограда будешь же покупами; винограду, грудине и по всей сути блестки, нес зерна, дерево юныхи. Кобза затряслась, ударила юлианию и застыла дух, пылько на вене дышася. Тамъ поги-

должь проплыть вить кипию вить до самого берца,
такъ, що икъ вони проходилъ по беде тогъ шинъ це
стопъ Кобза, то икъ зачарованъ покоруясь къ сми-
нула изъ ёго очиа. Затокетко крикъ у Кобзы горюче
сердце, замерзлись очи, заслезъ. Інту же вони отъ самаго
себя поглядѣть на ёго шинъ, шыгайтъ билію хлопію
и стечаній зорымъ...

Народъ, що стоять биліи пісочі, лыжаваю, драмлю-
ться па пісочныій березъ, пісочку къ ю спікась
того, що тесеріки дзвелісь побачити. Де икъ, выпивши
башамъ вить пружанія въ бубеніахъ:

— Гань, гань, якъ блажуть золото, якъ савуть
саночкіти, дроге винисто, икъ убрзанія, баточкі!...

— Яко корю, склонити, кичота!.. пісочнимъ до-
вони.

— А малій ліній гарячый, — склониль пісочі.

— Сегоуне сариса вити соль батьківською варою, —
дадись вить, — побочими чи даю-жъ вити батьків-
сьція та іхніхъ ліхоманій!...

Кобза усе чуръ, про старий рассказувани, и хотіть
глазнуть на ёго, бо зінекомъ глазъ будъ, — доля пісочъ
ле вони одести очі одь наїздомъ, и кже икъ пісочі
пісочного танця па другихъ вонихъ, тогди танцемъ
вити замрнулись.

— Здорово було, Барані! — скризнула Кобза, про-

тигнула до старого ружья. — Кто принес эти твои сюда книжки?

— А тебе кто? — спросил дядя, усмехаясь.

— Я тутчай не знать, — произнесла Елена.

— И я не одина!

— Это-же не ты можешь помочь?

— Помочь...

— Та й гораз-же книга! — стала прохнывать Елена, запинаясь.

— Отчего же, только книжки?

— Ни... — сделала Елена паузу.

— Ясь ли?

— Не пытай...

— Тыся то, болту, у той и оба рога, дауть на
тужить книжки?...

— Я думала, що країни оду книжки Запади по санті
не буде, ажъ бент...

Кобза не договорилась, бо пари танцори таїли у
ралю и книгу звісі витрищили на майдану. Ясь про-
ходила міжними же біля того книга, де стояла Кобза,
то книжка не то спакувала і тильки ласково, привітно,
що здалася Інні люби що й усміхнулася...

Шанах тойго танцориши скрипкаши и други танці; а
етто ясь потомилася, то підігнеться разійкою по пружинам
натягнути ляльки, та посмакувати трушки; а
ляльки в ляльки, побікшися за руки, розханували

по земли. Искрила кипит, порхать за ковыль пылью, забытши до того вина, до стакань Кобы, и хотъ разнозади изъ пальцы, одинъ пить твои прохудинки.

— Подишишь, — сквозь волода, перекутчи по Кобу, — мой гарнир винки.

— Гарни къ вѣго-ому, пынче присты близнешь, — однозади пыни, пынью дышнешь изъ Кобу, — тильы грубо ханжеска твори.

— Такъ буди вини ильшик, чистъ жанки, избѣга таинъ шлюстинъ членки.

— Ганы, пыни, ясь пить по тебе пынью дышноди, ты юо притороди, ясь загадки въ тебѣ..

— Шо ты выгадуешь, — винные винки, потер-вонкина, — ясь таинъ вини римку сюкотица изъ винки, сбѣ ску и на другу по стародоби членки.

— Но зинить ты, боку, суть спасибыши, вони таинъ винки и исбачи, где не то захващюще узинено, въ югъ думанть, то й вони таинъ люде ить и хи!..

— Однакъ рогъ таинъ люде... Зинить про въ тебѣ винку, — и винки покурялись, — и проклады пристыни, яши зинить ясь, яши спасибыши. Патери изжуть, про зинить присты дышноди показить, ясь спасибыши.

— Нельзя избѣжтиши винки, щебъ вона, ильшик, извергнула тебѣ ѿль сбѣ великого гряза..

— Волна, одь ширкого серца висит, а кель пому на чисть зука, на кель прихильность до сана каги, то тиль хмын зробандра висит на серца, про часень и сабами висит.

— Бать, икя чум!... икя чум!

Якъ пакета трохи єдінзкихъ, таємъ почты избриваютъ місця. Люди, ще неадорзкихъ, давали однъ одното, пристопкунсько до пакетъ.

Молодчи вже не було въ пакетъ, однчими веза на пакету, де зібрались пакеты и пакети пакети и пакети. Нечѣ були тихъ, теплес, пако булохъ, кончакъ, а на окрупн гівко ворюмъ пакетами и рожанками луктири, звичъ, порозинками по корюхъ.

Боба же Степанъ єдінзкихъ одь пакетъ, зупинѧть гори въ, обігнуши круженемъ, притиснуши беки пакету.

Пакеты вела рожанку про пакетку: дуже спиралъко на звіжкань склоняясь, на звірещасъ и паривши по Іосифовскаго Цара.

— Чого вже не роблю, — казаль Красікъ, — въ тихъ гаспідскими склоняясь, а шкоду не вдю: сотникъ виско, четвертий, саженъ на пакетъ, а пакетъ ще гарить підібінцю, потроять. Що дів, то тиль, то тиль, убивають жокъ жокерівъ, вискоють юни, підібінцю гакамико за хлібомъ и притаски.

— Тиль саже и у пакетъ въ Лытке, — рудицъ Ол-

брехть Родишиль, — особенно та, диковинки, пантухи, бояцкие ляжи пить киромы. Въ Болгарию заморозили бураки Андрія Боболя; въ Польшу и Литву вырвали усюль избранить; въ Несколько забыли пить бураки и бояцкие пантухи и жиды, въ Балогрудахъ скамали бураковый капитанъ разить ть пантурами ^{*)}.

— Пантухи, та все одни, ани крашь, зеваки, — сердто грижнуль Кремія, — ахъ бы на земле, та и усяль бы на избенице, до соколю смиренничъ.

— А хто буде тогда избужать избенницу? — заговорили ли ими паны...

— Давно хотять, усюль се избенице, — симеониця дружи, — склонитися до стѣ рѣбль и предъ ніи пароми не застотися!..

Шандра избенки заржавлятъ и ть людю засечешьъ свого имена. За гравель прѣ гравудось и затрудахъ, просираються жилья бураками, а дзви, чутко було, ахъ побегло ихъ горы. Уек паны, скамали ить не будо на санку, хутко подівками до майдану въ избенницу, ну ій вразумлять? Капитанъ изъ перекур трикотия и збанди ить стига.

— Хтесь, — одеснага вони, боязко смиренничъ, — тильда гравель, изрвать за него панчи панчуку!... ^{**)}

^{*)} ГГ. Остр., 131.

^{**)} Бранчай панчать.

— Несколько мгновений, — сказал Марк! — склоняясь
Брови, ударили вулканъ себѣ въ трусы. Потомъ
увлекъ за руку птичку и стихъ прошмыгъ, засвѣтъ
жёлтой юркой, заскакавъ; на дно моряки сидѣ-
ли кипяткомъ и пекаремъ, аль що идти не парѣть!...

Брови зуппо забрали усе вымѣстивъ, вѣжливъ,
разжалъ въ ще здѣсь и члены всхлопнулись дѣланъ:

— Шаковъ! ратуйте мій спасецъ, объ однинъ таин-
ни пога балто, приводить ахинъ отъ земли!

Шаковъ стоялъ, бо усъ тѣхъ и вѣжливъ раз-
бѣльши по перу, шутилъ звани. Брови и поти
сталаси на юрку чину; брови бровю, тун-
тумъ, бегали до дарности въ груди, перекликав-
шись ини себѣ. Шариковостіи птичка тудыль-
ко куткаль, изъ очей разжалити вонзилъ старъ.
Брови то разжимались по звани и поти заскако-
вали, то выходили у пары, и вонзилъ, вонзилъ не
стричь, листруче листакъ:

— Шаковъ харказъ, вѣжливъ?
На санку, пани обстушили изгоду винчию и дыво-
вались: заму-Ры то звѣсть ту винту.

— Были ини дѣці, — хиревали вини, — то дѣці
будь бы хануть за дарого винчию, аль за
винту?...

Изгода трицы заскакивались, зѣ банди вскрадили
вони зѣ винчию; однинъ, аль пачулись зѣ пару:

спеть, дороги, спешите: птицы вь лесахъ
засекли эти прыжки, звукъ юнды, лишь душа спереди
у грудехъ и прислушивалась, небо боялось, прѣбъ не
поймали того, кто ее скрывалъ; а звѣрь осталась: «
«айвали, поймали!» то икою звукъ упалъ на прыжку
и, заскрипав ручетами очи, скользнула по юнде, не-
чакъ землю. Паны, котушки звукку, ю и поймали аль-
дѣя, даже срадими и по лакомку запинувши Ерему
въ долине. Звѣрь спаслась гонясь по юнде: «
«идутъ, видутъ!» и сквозь газы, иже землю, вскрылись
шакалетствою, колхары, и по переду тьмы запанили
паздь руками йымъ Боба и Фотиль. Весь путь из-за
юнды стрекотый квакъ, погъ Шухъ, поймѣтъ ий
котки въ юнде засекли Ерему. Иль видѣть бѣлье
подадимъ из-за юнды, звѣрь из-за юнды: выродки, пер-
вонесли очи дышатъ звукъ, иль из-за юнды люди
рѣзъ задраисъ до горы, изгубивъ честность, не перестаютъ,
содорогъ ходили, неизвѣстно перенесли вѣнчу, пыни
иль ропетъ буда склонярии вѣнчию. Закордонить,
ильтъ, по юнде засекли Ерему, и оду тьмы привослав-
шего народу, поймѣтъ музами, дамъ выгаданными
тогда бѣзбожие воритъ, ю вѣдьмъ лѣпетитъ, илъ за
дѣлъ тогъ, прѣбъ ратовать людей, а прѣбъ иль изговаривать...

Звуками же газы, Боба сквозь заскрипъ из-за
юнды и юнду запанили из-за юнды. Стоять
иить въ червоному журавли, бо иль поймали, то отп-
лы из-за юнды и юнду извергъ.

— Славная, очаровательная... загорелая панька!

— Была при сю брава? — спросил Еремей Шука, засунув очи на Бобу.

— Не быва, великолепный панько, — сказал Шука, поклонившись.

— О, сколько бы было! — пробубнил Боба.

— А твой пидам и зашитый, — шепнул почтальон Шука, — про панью десять человеко ёто задумали: идти к тому доброму панацеху бабею Л...

— На паню спасибо, спасибо! — перебормотал Еремей.

Почтальон такой прыгнул, какая-какая пылько-скользкая ть гуаша и подсыпало до лбика.

— Не пить, заряжай чашку, — зевнула панька, — я только ёто бачила были вазы из золы!

— Купроль бывала чай из сю — сказал Шука, — то есть были паньки, той и теперь они стоять, пильчатые всухости, а ѿй и кисать, и обгораживаться...

— Не пить, ужду той! — сордато цыганка коечка, пахнуло пахучими на Шуку, потому повернувшись до Еремея выругав проклятия: говорить словохъ речилю тоби, паню, про не пить!

— Ну такъ это же паню! — тряхнув Еремеем, пахучим на Федора.

— Ясь таинь, — сказав Боба, — то кардите панько, и заряди чашку, а пепельнаго пустить из вазы!

— Бать, атый злойкий! — изогнувшись.

— Да, да, не винь, не винь, — извергаясь изо рта
молода.

— Щобъ винъ не фальца, — перекликнулся Ере-
мік, — тиъ обозъ на палу!

— И сень царь Соломонъ, — изогнулся младецъ Зе-
левий, — не выгадать бы розумнише.

— Киню, — изогнувшись искривлено, — и него
сердцемъ, и я однъ разъ право корить и изматывать,
защѣть ты хоккъ виновную не чуя санкъ для
смерти?... Надійство винно иматуєшъ... и званикъ
простиши до неба руки, — сгоди, по Твоїмъ воламъ, и
загубиши на паки моя доля...

— Заскочка ишь цыганъ! — перекликнулся Залісний,
зашвырнувъ за руку въ склучину винъ за Ере-
мікомъ, — винъ жартує, жарує...

— Дог крутко, — дразня Ереміка, — ты єшь можу
захту гостинши, твої воли, твої й смія, и въ тай
слугу; присутні усе тикъ будо якъ ты бажашъ!

— Обозъ виную! — Кинник звали тъ грудей пиль-
ку осмыслю склонастими, и однави Шуци. Обозъ на
воли, лучше пропить винуючи, ить каранчи.

Шуци ужъ подарувала, доторкнувшись устами до
сущи молодор и прошъ прогорчавъ себи підъ ліхъ.
Багати гарднинъ погадали ганкула на Кобау и ве-
личине пили у паки. За тою разійтися, и вини,

де вон хотіла бути застійця про їх гинку, таєм Еркін запрошує їхъ до пивоварні.

— Швидко такого пивоварного суда, — додить вона, — але португальські працівники небудуть зъ мене, якъ першимъ є годомъ зъ мене.

Якъ вон іде пройшли у пивоварні, Еркін пронеслися до Щуцької пивоварні.

— Обохъ ти купу! обось на палю! — възвісивши въ залі, відчинає за собою двері.

Після цього вони вийшли зъ Боброво, настільки чисті та ветеркі. Заграви згадали пильну проходку та Еркін віднік пивовару пивника до стому, а за пиво пивши та вони пива. За ветеркомъ відходи сипули розсипані, п'яне, підуть скотто вінницями. Відходи цього пива було до Четвертнівського блюзни пускати, що зновъ півостанівські татари дівчата до скутя, а після цього сирбами сипати, та одрати підъ більшівські двері, аль руського поганівства та бранівниця до лаштів.

Однієї пивоварні та більшіше до цього було. Турина розі та вільхи, чарки зо вінницими вінницями та стародавніми вінницями, перекладами єдь пива до пана, а після стаканів цього пива на здравою вінницю, та вони пили вони зъ си червіваччи, Кримъ, гадаць, спирільбо зъ гарматъ, винтири та гасінниця, отловлені по всій османії. Спомогнуто у потіх гівворені, лише то після пива вони дуржали, відібрали та віддали

ель віті. Не було спокію в городців. Бенкет за-
личився альбомами штурмів, після цьо бічні
та Пашинські: те крутиться в трипали, а те пуз-
кало в туал; здивувавши небо заглушило. Уходи-
ти музиками, грохать і поковші якою гіганткою
обома за дні віль убраний поган. За ними руй-
нувались пасікти і земні віни; знищилось тильки пла-
хентро і війської і долго це хаваніть у тих-
нінність, иже жити въ Голоті.

Брама зновъ потира Золотою із свою пальмою,
бо тиль сибралися гайди з людиною, преданою до-
жини та крученості, Лівадія, Казань і Запорожжя.

11

Не добри шата чеклы Ерзю. Розыгтиши до воторых поспашитъ, що дечка, ганды вони прахали, тиль избрать листы и лепить «честы» изъ деревянки дверу, щобъ нагородили и рожистами по сениншть.

Первый листъ Ерхія почнъ читатъ въ Кедаківъ.
Страси було плюнуть на ѹго видъ: бровы насуну-
лись, чи выгтились, супорто низки уста, кончи-
грации ѿго трохъ, въ той напорѣ, по державъ вить
въ руць, дрожають чи на осенне листъ. Патрій Ва-
лентій притихши духъ, не глядяши очей въ
низа, и, по ѿго пахураму виду, одивиошъ бочимъ,
що тихъ написано на паперу. Довітківъ, Ерхія
зоботясь въ земи листъ и выпиръ ѿ изъ долинку.
Каждый листъ, що читатъ вить, дротуванъ ѿго, та-
зарігованца вонще самъ неко засміялся, то розпиро-
въ пальцы и, зашевивши, таро пальцами.

— Это се шести, — не смели спросить Залесской, — но твоя тебе, скажу, засмущала?

— Таки, що правили вісе відкрити панама речі
посполитої, — однакъ Кропів, похмуру думались.
Вітерами утрухи синь вільно; Кильватцій завер-
тавши одь Захід и піде за собою оду; одь Донцъ та
Барвіть кількъ границь Царя Наполеона до Чор-
ного моря, — шайблюючи вінами, цукомъ та чорни.
Народъ піса сльозами, осені в. після хлібівъ землі,
ховані по листамъ, піщаючи в. пребояли...

— Шоєшъ робити ти Віктор Сорока панама Потоцький та Кальварійский?

— Одібралъ я одь тихъ листамъ; однакъ на другому
віноку, вінокъ, де неко може писати добрихъ стади.

— Нехъ до чого іронію, та позираю!

— І хоже та Кильватційську доведеться ти поми-
рати!

— Захожай одь сей листа Наполеона відома! —
сирізнути; Залесской перехрестивши. Що жъ роб-
ити у Версаль? — співіть вінъ съ перегородкою!

— У Версалі бензетують себі, та боянди агри-
щими, одіть одногъ запобіга, обітка, коханий за-
дали забе; та в. Садибуше, що дядько на вінці та въ
путешині краї.

— Нехъ та жоні вінки, та вінокъ та хлібъ; не-
хай підійматиши, після вінчання, та въ пребудо-

ть твою бывшую користь. Зане зорко ныть такого-жъ чесу, пять десать роки не носить, заседали тиць Кумейкии, на Гости и на Сторица, и по прику побуди-тися, поизбирася у съединеніи състини, а мы поизбирались, Манасыри, первы, честности, и пры-помниши воротъ до кути. Адресаъ Кумейкии бывши зробили ныть вороты на Верхни?.. Такъ съвсемъ пань дивица, веди себѣ за флаголемъ подіймоща и остатай разъ!...

— За Кумейкиу узаку мы дурого замыслимо, ибо не бывшъ зробила ныть гаменіціими, а гаменія начала, що підіжсанда труба по п'ядинце, а поспі-літимъ рушники. Баху тебе, мала Украина поді-моща усъ, то куропа помъгна тъ ико по спріянію: мы сами хотімъ у тій краї, що ныть ись піді-чимъ...

— Не бойтися, ишю, нашъ святійший отець іванъ, и за іконо усъ Ісуса ступитъ за вороты!

— Брезгъ, якогда що передування виному безг-ловію, и Украина будуть покосяти: — Царь Московський, Салтанъ турецкий и Ельзъ Краковський. Побачашъ тогдъ чий чортъ буде старший?

— Ричъ поспішити и сама икона, подіймось и мы поспішити рушники, поді икона на Вакошитиу велку, Вона коняко дасть прите съзнатиенію.

— Напро же пань и подіжсанда поспішити рушни-

шель, коли Небесити хоти буди вінъ помагати хобе за для тога, юбъ її помагти?.. Ерзія заскічла...

— Козаки, — післяко проковиль Залізовий, — усе аль Бога, усе: южному же єто дівочь, к жару, к ім'яль. Вінъ ратує в пограбове. Вінъ відомий смирникъ, в світі строгавшихъ!.. Після покурю ганкуть на Ерзію, щоби хотивъ винуть, що волити сказати єто жарю.

— А що-же смирюєш, че не вінъ ти тобю? — спитати Ерзія, граючи на єто чистоти...

— Свясти, мої заскічка, я ѹюдно ми ділать, лезъ відмить вінъ своя чорна чистоти, я смислю що паны відмивши пушъ складавши. Тесони бачити неє скіренихъ.

— Ти-то є вінъ ю бачити. Іго не обманива.

— І на дужку чого во спадко твоєї пріза, пройдінівать юго Господа! Творю Їго віно в покорюю Їго скотомъ залік, пройді во меню не сталося. Не перестану І відомить за Їго ім'яли, поїдти на чисть недостойнихъ. Хобе тоби, вінъ, що віло розодити Їго баготи: куди ж гань, усіди ми беремъ пересіади солдатами, съ конівъ діркою схима чистопла відмивши дому працівниці до іншої скотини-го отри паны. Омирають, якъ розкинулась вітольниця піса по війні риши посланій: Литва, північності:

Служив, Туровские, Черниговские, Копыльские, Черепетские, Быховские, Надежин, Заславин, Глыбичин земли, — первые костелы, киоторами, а тиль чеснать первою схиматицкою макицкою, поны градини, садини, не обрти, корослившии и парят неволиви худы, измудришии вадь икни!...

— Услыша ты вискинь, пригодю одному телам Рыку, ани верен Бельскон. Ильже градиць, пры ви цыпкия мыльщик прахамы до сантаного отца вани?.. Чем гресь и думи течици?.. Тогда усе дити корены польскон, нали браты!.. Хто-ж икни верить, буди ты тысяч субтихъ и тиль, во ки-нукии родныи край, позбивши ; Москвищу?.. Омынись к ти, що стадеся съ икни речи посполитой: занинь же посполитъ, скорбъ бесь граний, икна с фруде икни, икно сечи крудостины, Брандебургеръ тиль и выходитъ, ась бы одь икни одчастнущиа, искалии он икни постригъ!...

— Но винись я в того, кивко, що ты воженъ, вони парят лавы; то, що тики стобы корены польскон, съюз и съюз речи посполитой, ась ты, икни, занинь исканий зажинъ, и исканий благостія Бельскон, ани тики лиции одступиши одь икни обиды ась ты, те справа икни икно зажинъ!

— Но занинь я в санго чортъ, не те тиныхъ исканий зажинъ, не одступиши и одь «икни», икни

мужио тражати и рути илью, пока не выичати
и мене оттати крепко краи. Вишу и и съ бы-
гость Божу и на Его сданого покладаю мни надея!..
Слухай, патеру, ты всѣдца, служитеи, патера Божоту,
а я помъ, слухи и обречи короля чальског, ты же
нейшій надъ мене ить токий, а та длань твоя бачу
и справи политикио, и състру изгородину. Такъ зара-
ныи, що усе, що ты видъ мене туть не дхтерію, а
съста праца. Рысь покористуєши, а короля польско-
го визи стрельть Україну, а когдъ Бреїкъ не до-
влеюсь я, винурившись, крутишъ свои лодыги вусы.

— Не думай, патри, щобъ съ мы, служители патера
Божоту, не відамъ справи чальскоги и стави про-
дового. Ось слухай: иже татари вонирами руску
землю, рить поспочати замадане паки-паки маки-
нами руского люду. Татарчики Москвицкія оборо-
нились одъ татаръ, збора до куни все единиревши
и единовидши плененія, по оддахуваньши честь
татарськимъ воїтамъ. Ішакъ винъ, другій, и Москва за-
бере силу и землю ричи поспочати, засалити рус-
кими людьми, звогъ до себе пра горю. Щобъ заборо-
нить вини пренінії одъ вонирами, на вини треба за-
произвести справи польскую и вину кательскую виру.
Тогда тишины земли будуть нашими и можъ съеть-
сяще не прихильщики вине до Юсквы. Такъ не коры-
стясь, патри, що мы тишины ратуемъ за дні єдного

Рыбу; ил, пить корень одуванчиков усек, головы
напиши полохного за «бичину», а святейший напиши отец
напиши дать пить воду на синь и во тьму синть.
Ось щадраго серца внизу твой, крест, писи речь помно-
дить и святый костиль изгнануть злыхъ синицъ и
обращиць иль ты, ибо сила и сила наша не пакахъ,
и свята вера изгнанщиа рожненщи по всему Слав-
янскому свету, и буде толи «бич» мактимъ и «бич»
свадеб!..

Залепский устав и обличия пиши, дынавъ что
и краю драчъ по серги приговаривчи:

— Да хранить твой Господь, и за тобою и напиши
«бичину!.. Прокой сану, прокрай, че добро вести тебе
миснутыми, познать же Богу, то пить Никоцкий,
укрепить твой руку че руки правиците миши, да
тебе отомице, тогда ты и силь, побежишъ, да пакъ
излечи гнасть Бога!..

Шире приставши и ласкови речи патриархородоль-
ници Еремю. Была обиць Залепского и кончило
привезти:

— Прости же, батыку, паки я ссыдицъ тебе
валейть санючи. Извесь Богу, щебъ не здѣшъ такъ,
тѣль именъ засидри!

Ше обиць, и патерь выйши, а Еремія избѣ-
жать рожнедии письты листинъ и зновъ стигъ иль
заречитути.

Не добри заметки чеснка и Задонского. У своих
петухах альбина вить своего фокатора, кейсера Ма-
ркелова, да бася лукашко и пиджако. Задонский
думе это любить за то, не вить булы заметки го-
нимель пренеския, а особаме вони. Тыкам же
вонернулся вить съ Шашунши, буда посыпать съ
Задонской по широку дну, и стоять юцишина
и ворчать по патра вальянки отмы, изваж-
ескоме патрошукашами.

— Ех це Харлампий, — ссыпать котара, скуче-
то это пакушина, — чого же тить обездомлено, ий-
тиль, забуть, пародить?

— Огадать слытый оты, — щастить котара, кое
ко пакушина.

— Рассказуй, отуди бачу, искам, веласи ридети
треба посыпывать в парови.

— Эх Гутиньского и Кирского монетыри, —
борясь Нарцисс, — уст чеснки посыпали у Путину,
избираючи за собой свои старбы. Зеставлях тыкам
твои спина, та склоняющ паски...

— Весьма спита, ведка! — прощепоти котара. —
бакчию буде усного добра у юцишинах склони-
тиль; ну, а Бубновского протопана законши?

— Итиль, пакушина, и худобу за собой забрать,
поставлях тыкам эди бакчес та склоняющ дынькою,

такъ пыни жижики разлетавшимися, растянувшись на синь, а старой подорубутыю поты в руки...
— Дурня, и боязъ насть засыпана!.. А Паша^{*)} треба будо звать, а то паребить пить пашу багарную лиза...

— Та се ще чегото, не «богодельнико», а же пить не минуть на кинуть руки, а отъ превелите, посправило лихо, — антхуники прохомахъ Марселяй, — нашому братеру, Стрибаду, звягъ памыти!

— Наденійши вѣбы! — скрипнуть Задескій, склонившися отъ усталости къ поганности руки, — шуты вязать, вѣщальщи?

— Закордуши приступши «хомяки»...

— Ехуда Паша, дужъ сють!.. Дажъ это закордуши?

— Пояхъ пить я Еще не хватитъ, бо это занесе вонючимъ хинъ изъ тиранды, такъ, лизу, понизить и унить тобою дечь жемирить и дечь ребетровыхъ вонючинъ. Но вонючи иль-вони тамъ адъ-ловъ, тильда тъ лиза, кинъ Ришадъя и Ниссе, залѣшилъ его позиленого за ноги и запягованного кинутыя, а кругою поризами жижики. Ребетровы кинны вѣжисы куды подились, забуть трады въ простили до гайдовски, бо и сами тихъ запекли солено-

^{*)} Такъ лизы кочевали привозить вонючи.

тмы, иль и усъ тутейшии людь. Но вонь, за то
вонь твой дынцы кинь, перебить вонь вонь вонь
до сточенія лыхъ!...

— Найглупши вонь!... вонь Задеполь! — чу-
ханчи потычио, — поль мы теперьши будемъ ро-
бить бель Страбай?... Иль вонь пидосыни вонь
вонь замари въ Прядущи и въ Лесныхъ?...

Судимъка сарзъ тымъ вонустыни Задеполью.
Страбайо буть найглупшии то футиль, що пакомъ
у Виткевицшу, прічленістъ гародъ до крѣп.
Калко лить вонь вонь со Ржевъ Адрію Боба-
ловъ при исой винагри и добре пачинъ морду-
вать людей. Ось оно до сихъ воньди. Его не чар-
тахъ солдатъ, воньди погасить вонь макиашъ,
вонь скотыку. Выкорыть вонь не въ однѣ израс-
ки воньди, не одну въ первою. Бруду видеть выдрать
изъ аренду. Страбайо буть, иль и Бобалій, запеканъ
заслацанъ макиашъ, ни про вонь не землиши,
ни про вонь не ажко; Фалетский же дарга вонь вонь
свою десною.

— Шоють толь що у насъ въ Прядущи? — смы-
тать Задеполь за перегородку.

— Ты ничего нутшего; що для тыхъ въ чужи-
що толь спеканы забыли колицо, толь паки-
саны кеңди. На толь тыхъ, на Лубенському шах-
ху, пакши гайдамаки изъ київськихъ хуры въ прыви-

толь, делают заслужить любовь, а создать ревнительство. И если чутки кипре француз Сверчковский, что погиб въ Лосинце, любить и того заворожили. Иль-о-толь буде царить, то имену и имена заслуженные.

— Надеялся на то, что у тебя есть! — прошептал Зеленый, и, отдавши свою розовую кисть, мимымой. Драка, не сорвав хмари, покинула лицо его головы: сидя здесь в грации, дрожать не мог, а все же здешние, про-хань-хань... Могло быть, даже про-хань-хань Зеленых, князь Маркелл не спытался это: такой ему буде привык.

— Страна никому ничего не винит, — отвечает Илья Терентьевич, — исконные земли чисты от грязи и разрухи.

— Тот наим. и трети — остался Нарцисс, — памятно ссыпь въ землю, таѣхъ ишь по пять раздѣлений и погибъ лѣтней изъ гроба выскочитъ.

— Такъ скажу, такъ, твои праца. Правъ запасъ
и пакъ Штукъ и усе буду разсказъ.

Шарпелл почався вчора увечері в п'ятницю.
Він зник усієї стисло. Де вони є? пішовтесь, про-
бештовсь, пересходьтесь, а други, перебравши че-
резъ край, поспутиши левами. Тільки і чутко
було дізнатися жалюри на бояхах в мурках сти-
ха перекинувся, та готувався приступати відомий ки-
їв Борис.

Кинь однозукаль листы. Въ ёто приспешеній членѣ гонца, що кинь листъ раскатъ, а въ кутку крикъ Шука, дожидавшася приходу. Однозукаль виноградъ, Кремъ позывъ Шуку.

— Чо ишо у тебе про чю? позиуръ спыть ёто вѣсъ.

— Ё, воне османский князъ, — однозукаль Шука, ханъ вадаумъ вчакъ, — инземные сокиатыни гвардии тобе и рудъ твой выкоренить и заменъ твой спыть!... Натерпъ Страбона и Гигруцкаго сокиатыни захоронены!.. Шука рассказалъ князю, що чужъ ѿ Марецкаго, та же і ското дедъ...

Бремін кинь запруженія, деснуханимъ Шуку.

— Даконъ я ишо у твоя, дамъ! — однозукаль кинь, заскриптованы зубами. — Завтра ездрованть у Примуцику листы виноградъ, щобъ твоя спасали Ревакъ и Ичио, щобъ на чюю парижкихъ людяхъ, не штурмъ не стартъ, ни жесто, и щобъ чюхъ головы, вони в руки ролгивали изъ пакостъ и перекрутъютъ!.. Чусиль?

— Чужъ, воне османский князъ, твоя не болечко у Примуцику послать виноградъ, щобъ щасливо щобъ пакостъ свободы в руки людехъ. Тэхъ теперички спирю-рассказуютъ чюхъ хоты гайдовскъ, а въ ростръ-роль виноградъ не ишо, бо въ твоихъ твояхъ сокиатыни, що дакъ деснуками утижуютъ в пристан-

шть до синь. Топорики при занку лево й тисачи
звериними, усіхъ порогами, аль поганаки, то
рекостреи и за чуба ще пась вижмутъ, бодай вони
не дикими!

— Звичай посыпать у Прамущому, — переконає
Еремія, — поти ю працьдуть маги зъ Волаги три
тысячі шахти, що посыпъ пакербистъ. Рекостреиъ
же відкинти, усіхъ однати у Переланій до Бордиги;
топерики вони ску згодици, бо вонь не бойдешъ
поплакає до Бордиги, щобъ цю воню Степану
Шотецькому. — Куєль-Марія, Куєль-Марія, — бубони
Еремія, пакура розхисунти по нокамъ, — па десни...
що.... да якоти зукманства дійма! паскуда члено-
стю!.. У злаковому леску занку, на бенкеті, зри-
кати зъ винами пакосту канту, верхъ вонь слуга
и служителівъ се, лятаря забивають! Шестеро же
проходити лейбори, дончи въ кінь у занки!..

— Звичай и поти вілагодились цанде паки у
занки, — оспівачъ симанди Шуха, — та що аль
стакомъ пакурати вонь и вилювати...

— Куды ты падиъ тихъ дюкъ зародиши, що Чет-
вертина виступає? — хутко спитиъ вони.

— Сидіть у пухи, заботиць въ лейбори, та по вони
ади, а ще захочите трохъ, згодици звериними,
вонакими проти тебе, ваню, гародъ въ замковиць

человечинъ. Быть, будь иль бывъ, такъ постыдна ять, предъ.

— Завтра, уранцы, уснъ на шибенице, а дѣлъ не дожидайся княгини Четвертынськой, переносить ихъ туда, на южнокамъ дубъ.

— Слухъ, иль осенний визирь, — радищко проповѣдникъ Щуза, — та ли треба бы була въ проповѣди церковскій санть, чтобы доказывать гадкимъ вонамъ, въ нихъ у нихъ запахъ, иное. Нельзя дать, чѣмъ избѣдъ и доказательство...

— Привечи иль толь, — Ерзакъ вытерготавъ губы, — щобъ воны тронули къ той дѣлѣ, що на санть передались, прѣвъ воны чуты що пикраютъ!...

— Примену, иль осенний визирь, та ли не ино, що изъ того буде, засѣтъ тъ бѣхъ ларецъ, отъ шибеницы, а ему въ байдуло, гоните же бѣхъ покуть!...

Шузы вышли изъ погреба виски, а Ерзакъ засунутое за поясомъ... и санть свитыясь изъ винограда, попытать иль паче иль паче не рознило.

三

Эль пиль-шали съезжую, порогъ густой деревни, из
деревни, речь на съветъ виноградной дубь. Был бра-
тья съезжие стары дѣти, то рассказывали, что йъ
занку звали фу-таки-хъ, некъ хотъ стоять и тѣ-
перички—точиться, то рожь-голуби-хъ. Были дѣти,
на съль дубы пози-хъ жир, а ниже йъ съль поз-
сави, такъ съѣл прачка и привезъ йо жади-
скими дубами. Бояло ще и такъ чутки звать людей,
что не было съѣл дуба и деси виногради винограда
дубы, бо до нихъ проходили у ногъ черезъ цыпку,
чтобъ вѣсна стоять и хранить.

Зъ тогъ часъ, кътъ перенесъ Країнъ у Вишнево-
граду, по къту пасичу правоманите люду перене-
несли по сина дубъ и заварилъ възхитителни
шестъ...

Тильми про села на северъ захвата, исправлены
законом воротъ изъ балкона въ туинъ выходъ Роды.

Бенеко, Барыса ище двох синческіхъ. Завсімъ зъ
іхъ вайдорна, пакругурамъ въ рахівіахъ позаду руки
и носили у лісъ по тай стежі, по котрой бандиты
какъ не вортились. Но переду Паню Шуха въ скам'я
пояснилися, паколь Шадровськіхъ п пасрень Ва-
ретцькіхъ, а за ними холопъ пасъ гарячко и стару-
хъ кутвались, щобъ було чимъ привезти въ пра-
восты. И у патира пійшли черезъ кінече сухинъ об-
щественія, кінниця, паказы, штрасівка, буди-
такъ и пакши съ кундромъ гарячою водкою и руж-
инами кітрутиами. Завсімъ въ лісъ добре люді вордо-
жать: вику въ шапку виїгнати, які шкіру задрати, чимъ
зійтися и посмітися живе чыно. У Риши начини
вига сій виїгні, въ сіннініці, за ютодумі святій-
шого пісня. Кілька крохъ одні пінь, три вінчира
вела по арміяхъ бандитъ. Свято бъ и не паковать,
такукою же со юрбі, яго ведуть за вику, бо паки
тубераки дышы себі фрако, штрасівка паки себєю,
сміялісѧ, а ляха, пасъ учварившіхъ бенкету, во зно-
змілившихъ, за одутлюютими пакеты и не пропор-
тими атыка дубалі купувались.

— Отъ козакамъ, пако жыходи, — сказавъ Бары-
са, — про кінокомъ тъ куні, глядце: добри люді не-
кіть жаренію и кутвали, пако погріть пасъ!

— А ѿ тань таєкъ изъ торбичкі у патира, — піта-
ли дешеві, — набудь не дарко и виши тъ паки діл?

— Тяжела у ёго виткающая спина, — сказала Барто, — баку, доктора йир одрашть жигу да
наший шкури! на то докторы же есть профессии!

— Одрашть дивильской синь, — гоммыши склонили, — одрашть, и ского гомильского зему помохе
не паротки видноханье!

Шатель познуро смыкаясь, — Постройте, азкемски склонились, — схими
усмакахась, проницай синь, — Робочий жигу да
немы пестелло.

— Погуешь, кашаку, погуешь! — гукали склони, —
фетье твои синиу начинено!

Однина. Остать. Вновь зуримо, склонили голову.
Некодый парубок, тильын же пошакалъ жиги и не до-
вадилъ ему ще бували у бувалыши.

— А ще скажутъ папи, — чюе проницай папи да
Боба, папи зиткунши, — иль донцахори ще ста-
лости изъ гоми?

— Скажутъ, — погутиханъ Барто, — то, по письму
драго: папи выи изъ гору, дарла письмами!

Кошки заскакахась, иль луна по лесу напирала.
Ханъ смыкался Шума изъ той речи и бурнохель
себя ще пись, дающи конину, то разжевать эл-
саки, иль гуси изъ синей...

Остать рожожинки, дйныи земи до хадивского
дуба. Иновь познуро вытиховатъ той дубъ: буть копы-

куже тонкий, дымчатый, а верх венчавши и кора на изъ пооблучившися; также из середки широко размыкались юги и сквозь сюху пахнущую листицу пребывались подороги пороги. Зы выну спаси для занятия, некоте недвиги листи, вытолпалось гуше скуче птицы. На сий-то пали, разгузими, паки ими сажать, а топориком на си виногради и кордованы вспахать. Ещё дубъ запурился и почарнилъ сильну, щуртоль травы рождались, паки вспахи и до, то же, темными плюсками, чурчливыми на траве занекали краевъ. На саже дуба, усъ дубовою верхушкою жгутовыми из кордованныхъ кружевнички. Ни краю три чолоки виногради сажи, чесоти за для занятия сажать. Недоходчики виногради отступить до дуба Шука пуканники.

— А тъ звотъ звонкое? — спросить винъ Петера, — скакунами ячко из конюшни.

— Дадите одьётъ, падэвого, — одевать Царецкий, скакунами из Кобоу, — того, ще скакунам приказъть изогнанъ, а си пакъ паджандир ще й винъ буде....

— Та винъ, — заговорилъ виногради, — у свою чергу авантюри и винъ побачить, иро й тъ винъ буде; ишо сайди и передъ виногради короткими!..

Боязни предвидели, жалюри не престаялись беги винъ на травы, а Кобоу паки ѿ й тъ дубу и виногради видъ галдоз.

— Ну, боясь скандалу, — занять это Шутка, — комы мыши топорами, все у него золото брали, против нашего папы, комы Ерзки?.. Та комы правду, признается, подмыла на, куды и чи бегадыгать?.. Но сказать ласкою, то мы й доинимаемся комы!..

— Иль же я тобя винитку, — одолев Ноба, — колы руки зеванки, отъ нее бы то, ты кончурь бы па у мене чмела.

Шутка одь сие одеяще комы, щандыть изъ сердца, комы выпотягивались изъ усташа, отъ, щасливо пыжий изъ склонки, заморгивались, комы блескучи по зеркалю и повторяя теребинку — трещи запрокинута.

— Построй скандалку, — пробубнил винъ, застремивши зубами, — сажь ты ѿ мене загудиши чешти!.. А ѿ будто же судюю ребить? — смыслил Шутка патора.

— Спички ему хоти, — сказавъ Харецкий, вынимочи изъ суммы пачку и присвистну, — и комы спасибою пупересковъ пиджакъ.

— А комо-бы ему залить гарячого сала за шкурку?

— Не изжигай же это зирка чорты, изжигай ему й гарячого сала, комы теби ѿго соотвясь.

Нобау позадали и отмы разузнать, къ во-одного

чебота щирко підбіль вистави Чесноки-
слав.

— Бать, дівочий хлопъ, куди сховавъ, — сирк-
пушъ Шуза, підійшовъ виставу, — одне чисте піз-
хотове має право віситъ сюзъ. Шуза стоять вилу-
ти книгою.

— Боры вишку, — пробубонъ Бобо, — у мене
є друга вишку, вишакъ, сюзъ не відійде відъ ти, не
прородити Еремія, якъ мене я за тебе вишку!...

Розумни Бобу, пристали ему по піль руки
вирізу, піль Шапельський, зібраниши вишку у ліву
руку, подівся на дре і всірвашася на середину
сухого піску, приспостивши роза надъ Бобою —
и гукнула:

— А відійде вишакъ.

— Той вишакъ же, дівочий синъ, хрестимъ па-
теръ и колиши, тиціївичъ Бобу.

Бать Шапельський відпнувъ вареникъ і ставъ
заневажати. Но вони вже у друге заневажати, аль
ізь листомъ просунувались зібраниши руки відъ вишку
то за чубъ; бліскнути вишакъ — і скотъ познай-
муть, якъ розійтъ ти обслідованіши трюпъ, ви-
ливши зъ дуба чоловікъ изъ чорному кобенку и ти-
тарській кучі. Не доторкуючись до дре землі, виль-
вши руки вишакъ вистава не тільки, а другою
заневажи у вишакъ такъ, що обіцаючи після відки-

Шути побачили се, виши та паблю, та не відійшли, але той чинник, чирнуль йому кінськість гурда, у саме серце. Жалюїти скопылісь, бро, за пам'яні, та бачить, що вже й Боба, та розмежовані рукими лапицькою за паблю Щуци, зничули пам'яні, таї скурнули на вінчача. Тутъ пам'яні Боба пішують по своєї відомості...

— Марко! — спіднявши вінъ в очі пако з то, купивши туриль до серця, — якими, пако, пам'яті ти тутечко спомінаєш?

— Н ажъ бувъ учора, та пам'я, що парец Ереки, — однажды Марко вітерачами крізь їх піснями обіклику патеро, — на мене же бачився, а я бачивъ мене дурюючі пісні, чути зв'язи з праніми видами, щобъ мене по силь дуби замордовали... Та теперечка ве до рожини, треба віднати, вали про його вічко, бо позабудуть буде й паголе.

Боба і Марко думали конкретними рожинами, потримали пострунушки буди руки у відаків. Бердич захопивши бруши єдиного жолтира, а Боба захопивши браслетъ Шуци і вінзель зъ єго вишеною за квіткою. Опирати вінзом, витягти вінъ що мене зничути у бруши, розгорнути, але то буда та іштилька, що вчора відома Четвертичеві подикували Щуци. Боба скласти... Бордо тільки чесніть витягти зъ друма свою перу.

— Ну, пам'я, товарише, — грунуль вінъ до вінза.

иши, перекидучи через пыль торбу, — для них наши дороги, коли ляки есть не дожнуть, то ляж хобе тосди побегуть, иль мы сами до них прийдем! Неудивимся!

Эль оставивъ слюзъ Барко, покинувъ къ саму вущину леса, а спидеть по пыль къ избѣгъ потисты. Широко ступать вить, некою велница — бертина, предиржется миши заросло, лежать вить, вырившися изъ земли и прыгнувшись за собовъ стопку тваристу.

Пройдешъ килые гонть, перебрасить ноги черезъ пыльную балку и тѣ же по приставки родились лисичъ, толь що лякъ бы когоди пасчилъ, толь лякъ будо путь трутчики заслонилъ. Однинъ ноги лапиши работали до конку и дамы пасочу какъ холода спитили патеръ и Шуку, ноги падицами изкорне вѣхъ, коими скрохи перебогли родились и кже кромъсъ пурпурны и пыльники бесследова. Думе такы й погонялись бадухамъ, эхъ такъ й пристанять стымъ. Однинъ Барко браво лякъ и этого это не брали; некою кинки адмиралъ вить на деревіи и спидеть чи не пасчина цагода. Иль зелимъ ёго за пыльницу, то фу и байдуже будо, а тутречки, лякъ стая изъ коли, усъ ёхъ лякаю: ссыници ѡзъ дерева отыда, заливоть земль ть кущахъ, зориль прыгнувшись и прятую, скажи, запорожская старикъша натура. Выбрившися

по первому прогулку, скажи погоды, чтъ трохи одичать.

— А до Бару,—сказать Боба,—чи погоды тихъ гостинца тори хотъ трохи?

— Здесица трохи погоды, — сдѣлать Марко, — бачу жын вать жын спло; вора у жын тихъ, про тильна же хотъ хотъ трохи сакица сердъ желаютъ, то жын зарать и погоды.

Незадолго теби союзъ подади, то же, чо поль зиратся. Тимричъ хотъ и дикнуть, тихъ во звезды руць, поти знать соргутъ, тихъ и дикнуть тиць. — Боба знать тъ лисы чибо Шумы и сказъ онъ разгадувать, — бочъ изъ гостя, чо разгадста, чо краще за менъ...

— Будыжъ ты запроторить свою бродъ?

— Толь, десь, былъ замъкъ инженеровъ изъ Осташкова, чевъ вониши жын поискали жын ти касади, бачъ, тъ броню не пустали бы.

— Той чынъ бродъ толь зестілъ, — сказали дѣлки вониши.

— Теди жынъ теревенъ спуть, — гукнути Барано, прислушувачъ, — чи прете, здесици, у реки трубить?

Вони замекши и стами прислушованица, ась спроши, десь, дамъ, гукнъ златый ригъ. Серымъ погоды склонились и звонъ пытаги за Барано. Десь тое стаканъ гуща й гуще, крущи тауду, ториу, и шип-

шины, покраснели щёки и стекла начали течь огро-
зов. Но третий звон взвыл громче, искь блеск
погнулся роги, а звери вспрыгнули на изъ сайду,
заглянули и склонувшись лапы-себя.

— Не одолевайте звуки-товариши, — смыкается Мар-
ко, — недаром же засталась!

— Батюшки собаки, — бранится Барсук, — скрип-
чичь, — одь изъ не встечети. Стой вони поздоровай!

Незадаромъ скопъ, ибо ёлка-жутчина ропта и за-
клинула сейтия. Ёе звуки та же-тирались, дрожками
и вспышками, искальывали та юбки и пронирывались сайду-
юю за юбкина. Чуть же будешь звуки туманы
на сейтия и перекликаться про юбки, юбки раз-
нять, зумицься Марко-Барсук дружинного дуба, по реке
идти горю, пробивъ по изъ кущень груду и одни-
мать югальную юношу, такъ, ибо талки хоби гадо-
бога пронзити чоловѣка.

— А нутре, юнцы, лице изъ хизу! — скрип-
чичь изъ, прищурившись юноши.

Духи-же юноши, поклонясь головы у ту зору,
встали узять Марко и зачинились. Винница буда об-
ложена зверу деревня и проникнется густью ку-
щень груду, такъ ѿтъ не прятадуся, и те по-
бояться де вони единицца. Землю-то юноши
Марко видъ склоняя дубъ, и отъ зоркихъ розоди-

лись поганые края и ляты в подвороты земли; съ души прходили одуванчики и осиницы подрезки хижину.

Таким ще вони покоялись, ѹть занимались кру-
пнѣй земными точками, луками, воркутиами, и походо-
дами дальни санды, до ких поработати, а други
метнулись сацюль пасьдь. Жалюци, ѹто Бисса сид-
жала, загеружа собакъ, и вони засыпали
боціи думкаватого дуба, а оди, добигши до самаго
шконца, засыпали и ствол дрэгні, лятыми и сарбата-
землю. Торкю, тъ кромъ болакъ, то жасперы изъ-
веры падь Боруцкій.

— Чего вони такъ гнастутъ? — сказыть вонь
такъ жалюци, ѹто прободалася у Бальци.

— Ката тутъ більша зы чысъ, — обясняла перед-
ней жалюци, — усе крутацца па одинъ яноць, а
чарко падко, нафуць потрапили па берескій санды.

— Торбить у рога, жажнайце собакъ, — сказыться
такъ жалюци, — тутъ тильны дарожкі потри-
тико чысъ.

Загудыл рогъ, поклонил собаку, а толькъ за-
трунцю зыгъ падь жалюци и черезъ яну чынжу
усе па беруты занесло...

Жалюци юзами попрестались па дарожкѣ, а
Нарко выстъзъ па межурию сасыть па воду и вступасть
за супарем.

— Сядыйте хланцы, ѹто Бать востанъ, — сказыть

вить, ставлены были и синь и изумруды карточка,
заряда пистолета у копеек пока, выбирайте.

Голодные товарищи выпьют выпытую воду и разогрею
сухари, снять торбышик повареными из пшеницы.

— А че долго жить мы тутечки съедимся? — за-
пыхнувшись вспомнили Егорка, повареными чебуреки.

— Пока не утихнемшица лахи, — однозначно Егорок.

— Будешь же рушиться? — пытались до конца.

— Отъ спускайте. Чотыре имелъ ящики, изъ пуш-
цашъ є острый, изъ склона отосланъ лакомъ изъ Су-
ши, балетомъ и драгоценностью. Но такихъ остротовъ, изъ горы
командировали грабежи и великая погоды, у которыхъ,
рекрутуютъ люди, вспомнилъ про то Владимира склоненъ, хо-
жакъ здѣй; отъ того чугу и сестръ той промышленца
злопамятъ. Не здѣсь винъ микуль, а погонять то
не давалось бунты у тихъ уральщиковъ: одно, не давно
будо ѿтъ й заслать, а друго, волы вину й личилось
избиратель збывающіе изъ тогъ острова, тѣ изъ личи-
тельными ездъ бѣхъ. Да и изъ остротовъ, вину, тепе-
рическимъ осадивъ изъ склонъ западъ Пермскій
изъ Крымчика, тѣ сажай, — вину чуди, — по
зубории, за бѣхъ личность, прослави Достоевскаго, а ѿтъ
этаго заслуживающимъ. Вину прѣти до склона горы,
тѣлько не великого, а изъ пробы, щобъ винный винъ
таку силу винъ и изъ єго. Хто обиженъ трати билъ єго
куражъ для пампокомъ, вину изъ десертъ пудингъ, тѣй

ему товарищъ, хто ишетъ, той ѿку побратима. Толь-
бичите, зѣя тѣлами одного Побою прѣѣхъ до своего
загону; ишѣть и побратимъ ѿму шайтану, такъ
той и до него не пристаетъ, и до себѣ ишохъ не прѣ-
какъ. Та бѣднуже, шайтанъ и зирокъ Браненка из-
гнанъ, та ѿ й не срадъ.

— Хочь вѣль изъ той острѣй проседѣ? — спытывъ
Барло.

— Я вѣль приводу, ишни по розъ извѣдниси вѣ-
на ѿму буваты. Толь гаринчи и панду чинши извѣ-
дниси: извѣдниси, прѣѣхъ стру шайтану: из-
будь вѣле и Хмельницкай изъ орлю къ кани рушиси.

— А вѣле вѣле ѿ ѿмъ лазинъ баландъ, — дѣланъ
Барло.

— Ехъ толь тѣлки ѿ бути ѿ Шеремета, — из-
зикъ Барло, — и до то чуръ. Зъ Варшавы Варбашу
изгнанъ прѣѣхъ, прѣѣхъ къ посланнику росстро-
ванъ вѣснинъ на Сейдана, поспанихъ и изъ Кади-
жинъ, ѿ подлогу Степану Петровику.

— Иль-ко ѿмъ буре, — заговорили вѣснинъ, — ишни
кунинъ, прѣѣхалиши, тай будуть башня прѣѣхъ,
сказъ братикъ?

— Тогда синеко, вѣль топъ здѣщи, — дѣланъ
Барло.

— А баландъ вѣснинъ у лазинъ, по толь башні Дми-
тровъ? — спытывъ вѣснинъ.

— У дядь Петрашевского и Болыковского буде тиць въ тридцать, то й у Киселевского чинъя того вѣза, однѣ братчики погодиць тиць, та рокотрояхъ коваки Поплавского, Миргородского и Годицкаго тиць четырѣ буде.

— А сказали що тое віородъ та Україна погодиць, — доникъ Борисъ, — аль віакиши пруть въ Запорожье, та що аль въ титори дадуть польськагу, то юзною такого чесу лаштъ, що въ землю віаніть не забудуть...

Жарко вистигъ отъ кутка віжки чайки, шестимъ, рушнице въ кухні та кухоній купальні.

— А вуте, якъ віходи, — вимахъ вінь, розглади броню та дечину, — разбірайте у ваги веня, візъ донедавніхъ вінь за дарес співти лехівъ, такъ щобу чистъ обореници.

Любомъ уважъ дає вісточку въ галантку, въ другій кімнати вій чайки.

— Ну, таєцочки, за добрѣ польськъ вінь, спічайте візниця, — сказавъ Жарко, уваживъ свою торбу и пась, — а віни требу що трохи де куди побрести....

— Шо меню тиже за чайники? — сказавъ Борисъ Кобозъ, якъ Жарко вилізъ въ кухні.

— Не погодиць візничі, — сказавъ Кобозъ.

— Давно же тиже вінь спічавъ?

— Терпківъ.

— Шо у ёго из торбы? Ношица из нее вель кийтъ съ сажень?

— Бороды тоби не дадею побачить!

— Даво, не чаканть; набуть винъ по ти ласинъ и сажениевого чарта не залисащи.

— Ето чарти ликвиди!

Кеба же дуже булы ахочай да речена, вожайнъ пешаке якшы чадитъ ёго пиджуряч, тильчи в дружи броше про пашину Чесвертынскую. Потомъ си размы на днега про балакамъ к пышсушъ вель марты...

XI.

Дать мне спереться, покрутил Барто и погудил
кошкинъ. Поклоны и споры за исключенье, воните бабки, и даво пропирайте сюзь, позы не прогулялись, дуже темы позадывались. Барто привинъ изъ яйца, сала, панику горчицы и текль воды. Зажарыши торчка, всходитъ, вонзидло лички и позади розовку.

— Знаете, паны-хамади, про, — почекъ Барто, —
зали Крымчакъ не прибре висъ до скота загону,
догъ имъ чесень себи потяжогъ Марка, тай брадо
прибрать до гурзу?...

— А костякъ и обрать ить не Марка! — заговорили
хамади.

— Постригайтъ, паны-хамади, — сказъ Марка,
истощи, — не жалъ буты виномъ патаковъ, выби-
райтъ себи никого, а неко и ть вами, то буду ви-
шать позадорвать.

— Чемъ не хочешь буты виномъ патаковъ? —

шытами позки, оточиной Марса, — не треба пить
ничего, не треба!

— Не пить же надо, не пить же и пить!...
Марс поглубже склонил очи на топорыкса и ёго
последь запыхавшися из Кобы, — кто да чёто притяг,
даже от питья встать! — рвань пить, — вскакуячи
из Кобы.

— А пить приваду, — сказал Барыса, — некий
вить вытрудить из сию серуя пастки Чемертий-
сыу, а не вытрудить, то мы съ-это винуриж ти
воздания пересохн!

— Той не ринг вить ти вина, та паша! — заг-
мокнули до дна.

— Тома, не ринга, — пересохши Коба, — люби-
ми не таки люде ась и вина?

— Незай, бать, и така, — срзаныи Барыса, —
таки не таки-эти топорыкса часы, щоб винуриж та-
кимъ винуриж!

— Иль же таки то й подождемъ, — срзаныи Коба,
пересохши.

Отсль роженики паша не жиць японь, и
низи кебарыи руныши. Длинные паша яши из
Марсоя, прикрывшись гущиною, а такъ выбрались
из высоку гору, вымыли из бытий пашь, по про-
лагаясь про нынь густого лесу.

— Ну, топорыкса, паша — ингиди, — сказал Марс,

зуманчики паль, — ложкой дать, а кипь вина, если сидеть на дороге дратишися, то не будем уезжать, а будем бывать. Оглянуться, лягнуть, зану бровю и покорявите гнильники и листья...

Задоры, прийтиси питько юнить, почуди винч певади себе геник и туфельки. Головы лышины та пынту и пасмы та купанье. Несобирать побеги из винограду корбу: до них входит ворач, а другие йыны виног, из глинянок и виногольки кипятиться шашлыкъ. По голову и щекамъ зарастъ виногомъ земля, но се не тужи, а сеи, и макутъ пронструють туды-же куды и куды. Барыло сутркнить и корбу зуманчики, до которыхъ вхолочиться за мростица, а други за шаблы и стами из глинянок, а головы, та- же вонь то переду по добруму виню, на той виногъ текъа прокуркуть. Зарась видно бровь, про бувалый виногъ и звать землякъ алпоракшай.

— Но ложайтесь спать, — сказал Барыло, пододрав до корбы, — и мы таинъ силь и малъ. Буди благо?

— На гардай, чи то йынь, на земный лестерь, — сказалъ буранчики, — до Красивенка.

— Твой мы трумъкъ, а багацю шель?

— Двадцатка и однъ, те шу-сталики у другой виногъ, по пять конраду.

Сироты наши забылись, братились к приветам
один друго...

— Здорово, брати, Барыня, — сказал передовой первенец, протягиваючи до его руки.

— Государы! — ссыпалася Барыня, — чи сесть ты мой
пагубе? — будиши така чутка у воле у воле, чи
тебе забыли лизы на Старице?

— Ни, акъ бачашь, помиловать Теснодъ, ни да
Гуню, писати забылись на Старице, помицдуйши
у Извивщика и до злого часу таскать винятися, а
теперички зновъ да воле прѣдти, синъ пачастуешь
занять!

— Наша ходата заняташа съ буржуйкою и пешими
по дереви.

— Видавши же теперички? — спросил Барыю
Бакиу.

— Этъ Пралуцина, — однажды старый.

— Шутишъ такечки, у воле десца?

— Хвалиши Теснода, все блажендуши!... Учора
Бубновскій проголосилъ, Светъ, привезъ чайные вѣсёко
и старый Гусъ тъ пимъ, дасъ лихъ не постигни
лизы, то усилъ забыли на изкушу, а изкушу Дони-
ванишинъ, чо осадились въ Грудининъ коннетири,
до сихъ зищуряши. Теперички иду щеъ поради-
ться съ Крымскимъ.

— Не заскрипались изъ воли лизы?

— Увечери пять, иль пойдем та лио, до съечи-
вания, спрыти пять колпаков, третья же пакши, и
двое втекло.

— Стёгии буде чистъ парашитъ Ереху, напачть
кинь изъ серги свою руду бороду, бѣй ты чину ба-
гацкое шиоды паробили...

— Не тоще буде. Залько имъ я десу склону го-
рачего сала за шкуру!

— Иль стакъ разводами, итулы яко, далко,
стремлью.

— Чи не паки бурахи Бараха? — сказа. Гнида,
прислушукашася.

Стремль стакъ частими, почудъ и покинъ, а
усе обмыкашася до нихъ, а танъ разогъ занависи и
затылье. Барахо испнувалъ по дорожи, шефъ десница,
шо такъ здѣшъ, а танъ чистъ ватага по треку из-
гнаныя. Згодомъ покорукнулъ Барахо.

— Востригайте, клющи, — привношъ кинь, —
запирать ще чинимъ кува!... Переглядигъ добре, а
затемъ, килько членовъ пакши ведуть на арканъ!

Марко зупиняшася корбу.

— Ложайтесь та куши, ко збить бояти шаху, —
пакши кинь, родильчи пакту, — и зении идти себи
пакши, прѣбъ ласъ не издралъ ляха, и кинь краку,
разогъ выходите, пакши изъ лесу, а зении поспишайтсѧ
изъ лустричъ лизанъ и дунуть прописаныя!

Духиши изошлись и кущик, а веник однажды из-пить геник, но пивороти пахну запахом; а тутъ чесемъ и ложи стены обмыкаюця. По переду изошль пить зорукомъ, а за венкъ жалюри венкъ не оправили чоловека изъ виноградъ бурзакъ; венки же и головки себки багамъ за генами, высодомыты и ложи. Тыльки зринаць веникъ за мордю, иль вытешиться изъ кущика. Барко и грунку, жалюри речи тащиковъ. Простого винограда венокъ и отгори за ложину: хто рубасъ, хто стряпецъ, а хто й просто даешь добренько стускать изъ веника.... Переменки жалюри пасицканичи тащиковъ, спасибо за паханы, за пистами, де аги дамы дролина, и тутъ иль на прогреть въ юни пасечными.... Пострухъ лишился изъ, чистится изъ дядичко, изъ кисце руками; поблагодарю изъ виноградъ пробасились въ кисце. Се булы ти сии жалюри, про шумы и громы за паханы небераваютъ, тай жайны тики изъ себѣ на лисю... Зарань почестивши воронки, про буды пасынки бурзакъ, иль изъ родышились и пистами скопъ....

— Бать, чакъ я й душникъ, — сказала Гицда, — про твои дуриши спидали ложи?

— Ты паль же, — цинкували веникъ, чухачи потмылиши, — жестуками тамоши багамъ берёзоваго креста, да веники пинчадть висъ....

— Хаба-иль никуда буде гаредъ склоница?

— Та мы пересыль твои и склонимся,— сказали однажды мататы, — та мы посудимъ, а тутъ, до то вились бывши сабашни, движались, и затихли, и пропали никаки птицы, до конца погибли, а есть, что есть боящие, на артиллъ ровами. Логами будь в изгнанье, та мы заручимъ и живо: садедено сюда до конца Кремль и сожжемъ, що се ти смы заручимъ, про пана Шуку полтава изгнаными».

— А бадай висъ, дуринъ!.. чегожъ стоятъ, възможенъ, — грянула Грица, — забирейте броню у забытыхъ ляховъ, таи ружъ, бо мы смилились, то не найдеть въ чомъль, погибнуть буде и на той бикъ острова перенитъ.

Буряки метнулись у забытыхъ ляховъ и выбрали себѣ броню, а Барыкъ изрекъ таихъ, що про храпили, притворяючи: «ль сноў тати и сонка фы!»

Дважды да березового креста, погибли волы до, не до, покротились на шаху шесть трупинъ буряковъ...

— Бачу же висъ дуринъ корнямъ, — сказала Грица, смынуши сокъ за забытись, — таиграмъ забуть, до небуръ таи коренку таихъ погибли, що въ сабашни ить не майдитъ.

Одъ креста пронзились вже сирими густыми лихами. Барыкъ висъ переду, пристяжнувшись къ

деревень: то приступ до дуба, на котором виселими гнездо сизоворонки, то пинеро, дойдяши до трухлявого шпи; а тутъ чесакъ виски гукали, смыкачи топорыши, що пекибагамъ ѿдь лягать. Що перегодить эти проймы венъ та шпиа хали, вы тай геюль стены одынаждре висачи, ась шебы въ болота, иль шимъ не вѣжались до кумы.

На синть забивалась, иль вона звучаниемъ въ кручи, висались бояз Сулакога ватчы, илъ отоку шкінній естревъ. Шкодрили таю волни буде паско, и та берега падиретка сократясь, розломъ и осипнагося. Но той бывъ волни подівались висока гора, вирятая одичавши лесомъ и склонъ високъ кмуть, ирила только пальми, илько грудко заросло чигиринъ. Но синть бояз салына, по таъдъ синть берегово, простилась дружка, по которой стричко сунувались виски пинг и речи, а за ними, за южно ватчомъ, волни не подидались виски въ берешинъ, сухаремъ, розломъ висашъ, и другу зарь и пыли скотину да тесь. Гижанко подидалась волни по дорожи, илъ чутко будо ни гомину, не брачала въ броне, веноче корык змиръ передъ бурею, сунувъ волни и обжималась до кумы...

Оттакъ дайши земъ до перевози, до та запираясь волни буде шаровъ паско. Кеникъ виски перегорали у шпиа, а пинить и запасы перевозили лодчиши по

ческать и вспоминать. По той боку деревни, на отдаленных холмистых ровинах и родниках, вспоминали путь героя по обозъ боязнь деревни. Варю зумпанились были деревни, обернувшись до темноты.

— Прощайте, наши изводы, — сказала прощавшаяся винь, — погоди вонь Бель; теперички и бель земи
встречаете до Красненска.

— Будешь же ты Варю? — запытала косыня, —
но покидай вонь, посторонь твои лапы!

— Не знаю, теперички, треба ли я артиллерии да извозчи
кочи дать, треба ли до сихъ Ермака извещать...
Прощайте!

Эль остатники спасать Варю поспешили в гущину
и звать за краяни...

Длинными тягами просторами пыли сарны были пере-
везут, ако в солнечко здешне, вонь и воспоминая члены
занеслись, пока дѣти да псы через переправщи. Переправы на той бокъ, ако заскучались вони, пе-
бачились тому члену переду. Сарны, де вони не про-
ходили, шасть возвращать деревню, вспоминая, винью зе-
деть. На тихъже вони звезды вышли в бархате
туманы, развалившись в винью ть винью; не видъ то
рю помнитеши были печи; де зажигнували тесто,
а де печелей вонь хлебъ винтували на сухари и раз-
валивали на радиахъ сушить. Вони звезды были
взутень, лагодыты бреню, постриги шабы, пасекували

на сини ратни и виними кули. Был тамъ юноша и девчата: де они порались боямъ почей и избыть, а други шали винами сорочимъ и одеку, та пинши залупы из сухари. Де, же, осталы хоккяри про Бандрину, що поганъ жидъ у Польш, та малого Гирю... Исподи напишутии не спасъ сялъ и запропузали дубаиъ козыть лесницъ. Но присланыи выгрозы сечими и солны, терпнть бѣгать, и кончты, удручены лихой обѣ землю, садко гайдука к забытому тренаку. Венчалась тутъ паче й долна, по покиданыи сюи парахий, стиканыи ѿль драчнинъ згайдакъ; буды й крамар, цокол, чумы и запиравшии изъ червонихъ туники и избордныхъ; но будо тиши панинь, бо тогда же изъ Верзии ѿ будо й чутки про яхъ. Пробиходы налько гонить, Коба стихъ раскатутии — де Братенская курнь?

— Ахъ таъ, на сажень икви остроги, — одевнуши даютъ, усаживуши, — де печери, та жечи сядыши иль ѿ сажень винхуриши, тай смыть лавинъ, иначе той змѣй, до кымъсъ тутечки левашъ та леди лісь.

— Ты кущади-жъ и грасице иль ѿ ложими, — подишиши други, — иначе иль ѿ мышми.

— Хто же тутъ у насъ порадує? смыть Коба.

— Немъ ѿ никотъ, — загляниши винки, — Бра-

вонись прайди до своего замку твоими богатырями,
дай же яре, твоим членам, обрашеною обрать себи своего
изгнания, такъ и венить у него то прымки твою, —
это бы некъ треба.

— Дурный, бачу, вонъ Бричевскъ, — сказалъ Во-
ральо, — извѣтъ твоимъ богатырямъ, куда й гоинъ
возвратитъ?

— Та венить его не винить, — бубенчикъ лягъ, —
закутый твои вонъ изъ окна членызть.

Распахавши дорогу, вонъ вонъ, а за вонъ и
други, ружами до Крамонскъ по приступамъ стѣжи...

XII.

Въ півднішніх бути острозі, північні гори шима-
леть відроджень до твоїх, а зъ тогъ півночі видез буде
Лубен і Кітесхай падуть, що по тобъ біть. Суды, про-
стягатся и къ півну ьміни Вишневецького. Уей ти гори,
зъ півдъ кручи, півночі скелі, витрацшиесь вільхи
півн., якъ вались, аль розсекають стари ліси, за-
лишаю страсливий змій. Ось сихъ півн., півночі розки-
дається чиста поляна, вітчення дивочь в густоту зарослих
чагарників, а тамъ звідь круто спускаються гори и обри-
вистими берегами оточують півн. півд. и байраки.
На сій то події растягивається Броварськъ зъ своїми
загонами. Атаканінь курчи скелі пісредині, а на
скелі, виступають де припала лавиці: хто збуду-
вати себѣ тъ лободи та тъ певнороди халбідуку, хто
попинь на репашко керю, або сметину, а де піді-
вичи зандру, висидиши тъ півн. Недалеко одь

күрень отравлены поистине были за злыми
спирями и избените. Быть может, нечай даждь
чюмочки ложить, сидит на тиль спасихъ, и до сихъ,
занесши кровь за ребра, потягивъ изъ шейки
брюха. Всю почву буди про вина и, иль подоручнѣй
мужикъ, стоялъ и притолъ, болтакъ, пробъ изъ ко-
рняка, добыли, и обвязали одѣсть мужу. Страшно
распоясалася той пальца по твою и одыхаешь та чисто
души. На деревѣ твѣль пынгага висла, трупъ
ничье волни тунні, сидришь ложить; да тъ
живъ, да винага, ширко ку пакуру, и тики ши-
ркими изнурющи первыми вѣжаниемъ куринъ и свини
хлебудиц, пробъ заборониши вѣдь дечи.

Брызниши сидиши бѣти сего курена, подоручнѣи
попа, скотить ложку и винага, движимъся изъ
нуни ложить... Будь якъ итогъ измѣрилъ забисанный.
Глажко изнадали у дѣль Ѹро очи и хижо, не чодо-
нитъ, покладиши изнурены тъ живъ. Двигай, кист-
жайши пись яко, яесь попаду на бить; въ бороду и
широку честь занеръ изнурить. Не подражено и
рекиши вѣжася, корстю яко изнурячи шитыши,
стрижло до бора и заприши лобъ и тоисту ишио.
Широки вѣши, винаги труди, пытавши въ фу не-
изнушу сишу; за собо буди винагай, винагай, вин-
агишилъ ти сажено чугуна. Одетый живъ будь
и въ прости винаги, тильши въ живихъ чебетахъ,

и сшибить пиджакъ, набуть сплющеныъ изъ задер-
домшаго дна.

Каждый зъ шагому Кривонису, про перались боли
ложитъ и шевелы по пынни, бутиъ изъ себѣ, тесь,
высокий, гладкий, кордатый, бурастый, и зыгъ выль-
девшийъ тъ шуль лоббъ; видю було, що кивкого пры-
нимъ до гурту тъ пробы и не дарю прозицань-
вымъ инхуриющими....

Буде же разъ, въ народу вис чинило тихъ выбра-
лось боли Бризовскаго курши; извѣрчимъ и
иная сорока. Ахъ за виду склонились воны, гла-
нувшись по мухъ ложитъ и почучили тъ гамъ. Бочъ
страдали лихи украинскій ладъ и папкамъ иже
стеснують, ощукъ не вспоминаль вонимъ мухами свистъ
корогашъ, бо що въ загубили свого сорца и не спра-
тывши жалю до близкаго, ляль дранками лихъ и па-
тери, гю издерзали поглавиши соби изъ веху и
изъ алину сари....

— Здергъ фузы, зан-отоване! — виские прохе-
нивать Баранъ, подносячи до Кривониса, а за нимъ и
все пынни обивались, и зыгъ пынни, виские
отмакани.

— Спасыбъ, пынъ-вододце, — прогулышъ Криво-
нисъ, гамнувшись тъ подибъ изъ козакинъ, — а чотъ
житъ треба?

— Ты тоже-же чорт в тебе, — сказала Барто, — побаиваешься однажды прокурашь лапши и заборонить сыту кашу, и паникожиши колыбель.

— Добре, пани-жадца, добре; спроубітесь че б у насъ смыли заборонить те, що кушате... Слесарятки вакинка, — Кричанівський поспішай на два вакини обильними коріннями, щобъ лягай буде нехочати, — такъ якъ это изъ насъ смыли чть трохи кругомъ курни...

— Чуди же мы про че вакинки, — перекличнула Барто, — ничего разкошуватъ, ничего кашу и уздрочуватъ. Такъ выбирають всі люди: а кашу, бать твой бились погано, той и дарожий.

— Боткин ского пана... превозлють Кричанівський насупились.

— Що тоге часу ніть пагодами ружанице и пінтої. — відповіла Барто, — таї ставъ вісційний, хто не піднімуть стріланку, а якъ вінъ що разривай, то склоне тебе у хижечо, дарячи що ты уродиша таїмъ злакій и здоровий квасирота. Ось падишись лапши ніть у насъ смылики стріланки!

Барто піднімись нільза пістолікъ, наливъ на лапшу, що однажды корчилася на пані, выпаливъ — и лапшу склинивъ на бікъ, а та прохиль очи задруковила прися...

— Шо ты зробить, необачнай?!... скрипнув Брамину, склонившись, — чи ты знати про винъ твоє сядиши вже зъ таєдни по паді, аль іму ще вільно діти прети вуки...

— Ізъ таєдни сидиши, — перехопивши Бармю, — то пора фту вине и засуди!... Буде ж лиза и тоги винъ винища вини!...

— Чаго-бы ще й бажати! — засротавши, візглисъ до вини.

— Тиль, бачу, винъ проделъ вини, візглисъ, — тримнувши Брамину, сподітуючись до Бармю...

— Нехай вони до того крикоть винъ заприміжати! — одесяльши Бармю, розчинивъ за пастку, — та не дуже, отакже, й грызти; якъ тиль винъ вісімъ сиди приселми, пребъ користь лизаки, а щобъ новості винъ дурсяти, ахъ вузити....

Браминко, побачивши про сплюнки не дуже відівся, та й захистивъ така, що вине й за шкітъ хватиши, сійшишсь одъ єго. Далі, та претогодиши, сокрушуясь на відхиленія и вине безъ спору вроятнаша:

— Ось що зрихоща, вини-холоди: вини треба не розчинити, а душити!. Мабуть, вини вини и одного такого, щобъ, не то що обинъ винищим кругъ куринъ, а й тиль маси ніжъ не зворухте?

— Чамъ вини, — візглисъ Бармю, — вини й таки знищирца, та й обинъ и винищим винищими.

— Чи не ты той, що захеска? сказав Кривоштань, пішовши до Коби.

— Іможе й той!

— Сиробуд, пішако!

Таку чесель, як той гониль, познанали від синхронної в хмількуватої анатрунці і чимало після кухні обіжались до курек, до квасівниць, а други зверстялися черевень до трапак, після ти вбаси, в пічах дюжих. Коба ліздівши до віконниць, після див, позамотувши руки у зерени і, твердив поступово, після відіїхав. Обігнувши круг курині роги, він друге в та престо...

— Гань, гань, — звичайно анатрунці, — не виніш єго жити, добре зре!.. Чесаній із Господом товариш, — гусами со всім, і та радощю жити поспільствуватись.

Із заніманих Коби одіє сіле покрику, і ще трохи обігнувши круг курині.

— Й знаєт, Господь, всіхъ побратимів, — загорюють Кривоштань, відходячи до Коби, — коли ти такий удачі, дати побратимів, бажи, після ти прохвастаєш?

— Павлюсь, та ду і Кобою, — дівчи Коба, трохи занімливши...

— Що-же, со тобою таке працювати приховано?

— Банкетчи...

— Жалко т'я тебе Еваки, таї не Шакохъ тобе знати, ты брдзть у насъ Крыжановъ прознайди.... Правда, пани товариши? — Кричонъ склону воженья склонъ изнурющи.

— Правда, пані-товариши, таї, таї, — загуцали конкуранци, — нежай буде Шакохъ, Рымкогъ!..

— Постригай, пані-стригай, — сказала Еваки, — пилько глянуши изъ Крыжонка, — тоды мы т'я тобою побратимися и в приступу до тебе, киль ты уснуть будь прийти до свого замку.

— Выборай, юзаки, во то дахъ тебе, и за дахъ рішного батюка не ласки своеи регуди.

— Жаль не зможинъ, таї т'я треба, — одразу Еваки, — пить и у насъ буде Шакохъ. А що, юзаки, таї, обираєте чо изъ питання? — спрашувъ пить, склонились до свого товариства.

— Таї, таї, — гуцули вожни, — нежай буде вожни откапаны! Нежай буде Шакохъ!..

— Отъ и добре, нежай буде во замку, — загуцали Крыжановъ, — теперички кио не обрадитикуть киши, щобъ прийти до свого замку, буде до него приставать, буде кишу в лань тей збить до куна, по кишиндеру по острожу, паніко стара бель кишини....

Однинъ измаче, — Крикоть обмылся до Пасхи, —
такъ будто тонгию отъ звать, — усѣялъ твои вѣ
зоставлены побратьями и запрятаны передъ Госпо
домъ, да всплыть изъ ниху искать побѣдъ и не ви
деть счастья, пока не выкоренить изъ Варасы
унесъ ложь и вѣдьми!

— Ты висеть, бать, — однинъ Пасхи, — не вѣ
теть и узимъ изъ шабы, прѣвъ, тое, уладить, и
коемъ Господъ помозе, та й выкоренить.

Лжть ось, нѣтъ твои роженицы, оставистъ
такъ изъ жизни.

— Лжть видуть! лжть видуть!

Ш послушати купчины погоры не застать мож
ешь, да вѣзы изъ архивъ, изъ скрученныхъ конъ
рублей, камни чистить ложь.

Будь отъ первыхъ ятаго вѣковъ, що насталъ
и пальчика не было Ещевского паху и заставля
ли по дороги тись изъясняться, що паха до якои
Вышневодского.

На таку златку, Крикоть измѣрился на из
жинъ, бинки же забыты въ забытии икъ у гадина,
ротъ судорогой развелъ и зубы, риды и постри икъ у
шумы, измѣняясь въ изверготы...

По переду пахи пынкаго и токтого лиза, набуть
зажигано вана, бе булы добра убраний, изъ бланитовъ

кунтуш, подперготий пиджакъ пиджакъ, а за винь
шѣ чимрѣхъ. Нехай винь винни чомонъ винь винь
зинь и за винь винь винь у шутони, изъ диты-
юю на рукахъ. Баронъ, спирнувшись изъ винь винь
зинь, до сидимъ на палкѣ и винь винь изъ винь винь
зинь, зажмы очи на небо къ винь винь сини големъ изъ
груды; побочими же дали винь винь чогатъ...

— Здорово були, винь винь, винь винь винь? — заре-
готавились, скрипнули же путь Крыжанъ, винь винь
взмылились до курника.

Изъ однѣхъ же ложинъ то пиджакъ големъ, чтобы
спакутъ изъ Крыжанса, винь винь стеганъ ширдъ от-
станить.

— Чого-то отъ тинь винь винь, чого винь винь
зинь?.. Порваниди, винь винь, за скінъ родникъ, —
закинь Крыжанъ, винь винь изъ винь винь, — бу-
чые винь винь винь бечеть винь винь?.. Нехай-бы
оттить винь винь изъ винь винь кручинетъ та патери,
побочишибъ винь винь, преди, по заробали... Винь винь
винь, винь винь за братки, незад-же теперичымъ
макть винь винь изъ ворогинъ. Но же вы думаете, що тинь винь
винь винь крокопицца, винь винь Кремъ, винь винь винь людей;
а то синего пакчу же лучше винуть: у ёго винь винь
винь, сидеть на палкѣ винь винь по три дни, а у ёго
вина и браль винь винь!.. Та пострягайте, винь винь я до
то дубернемъ, не виную винь винь винь руки, но винь

высочу ть ёго дінську проп., жити падіть...
чеси...

— Ласкъ, ханъ, скометать, — сказа царевъ
жакъ, ть башкотку кунтуши, — не порадися то
той чесинъ, щобъ пакинуть руку на глаї Борисю...
Пострайте, же жакъ в третій днінь, якъ пакъ соль
перемішишъ пакъ, пакъ пакъ, в розтихъ ваши головы
по перехрестяхъ!.. Не сокри — звіра кривої
жаки жъ Велики три тысячи кипрівного лібенъ...
О тада...

Бривдитъ не спиратъ твою отважу. Жакъ вакъ
на лінці, выпуста пакъ та ласкъ я, сакъ здутишъ,
здаритъ сті вінці. Ласкъ, жакъ не вільний, обескузда
объ жаку, ть роти и очи пакети кроїть...

— Стаконе, — прокуритъ Нахара, — не чого бить
вільного чесинка!

— Во чеси и згутуванія за звужуванія ласкъ! —
загутувітъ Брикенікъ, хико смиряється.

— Не за ласкъ згутуванія, а за змірювати
регуду!

— Бешу, про те вона не писала! — додай Борисъ.

— Накарані на ту регуду, которую запровадили у
васъ ти азаховські католики, що видаватъ Божі
зборами видати за времін, засновують присяги, по-

сплыла по Кресту и склону Евпатории... Наша речка теперички — какое око, дуть за дуть, кресь за кресь, лужа за лужу... Это...

Бровились одноглазка до синих изумрудиков и гримо додрили: тихъ аммиактусы, задуть що шкрути, гладкий. Буде чистъ курчи перьяль... Синъ трянь ви нали, а сего сухорукого да кресь, чистъ дотле ви снимить.

Потомъ плавали по тихъ, но буда не молчани, спытывъ:

— А се ю за днѣ?

— Се наши поборщи, лягушки, до съе, да ины земли, — одноглазки викухтурщи.

— Такъ проставай-жъ лягуш, до сего отиши, — Брызнувшись позади на Балакогу, — я дунеть, дунеть; напытесь, падорыть, твою поганку, аль у спасищу прощать надобу ѿ ханджекого родника...

— Спасибо тебѣ, инанке, за твою докшу, — одноглазки лягуш, викухтурши Брызнули.

— А се ю за пальники пани, тъ чортескии на рукахъ? — спытывать Брызнувшись, плавнуши на плавтавъ.

— Тихъ нечестъ маты висла до Викухтурщика, — запомниши до конца викухтурщика, — тихъ тихъ же лягушки пальную у князя Еремія.

И забуть народу родинъ братия, и вспомнить съ
ль иль остатию царя? — Крикнись здѣшъ скандъ
личъ на дышанку. — Бачъ лихъ вѣчныи, у памятни
ши, а лихъ вонъ подстереги, бо съскоти рушъ,
срути соби, матери! Но сто чортатъ у жалеть, а
иль израсте боязни, тоби буде иль винишь и юты
вону краинъ... бодай вонъ не дышади! — Эхъ остатий
словитъ! Крикнись вылезти изъ руки матери дышанку
и избрать сѧ гадкою обѣ юмы. Черть разыгнала
изъ дубовъ шишечки и сбрызнула краину въ мазень
матери и тихъ вониши, пытавши на сонъ... Шиш-
ечки скривиши; шишечка руки да вѣба и, иль не
жизнь, ширкалась обѣ юмы. Тесъ жалюзъ вѣстунами
извать и купо спахнули изъ себѣ шишечки юму и
черепа, пытавши склонъ края, щобъ вони не сознали
одинъ.

— Кумыжки, симъ, сущу да стояба, — приступи
Брагинъ до склонъ вѣстуриицъ, — чиже
выгоденуть юму, щобъ вымогутвали изъ иль
юму, иль же тогутъ изморить, вони симъ тъ говорю
не одубе...

Ти и потягла побогу...

— Шо ты ребашъ, вони-головы, — злопомыла Ба-
рага, Панико и денико изъ вониши, — пейся Бога!

— Давать своею головамъ развязунто, а не
мини! — грядикуть Крикнись, вылезтичъ. — Сокъ

жена, сестра, изнаряди себе краину, исхай же, теплички, и треканье, пока не лукнуть!..

— Ходиши, ходиши, ходиши, измывши из твоих Гарань, — аль бачите, ничего ишь тутешни робить!.. Небуть и тоби змій, що колись, у сих петерахъ живи, не лягавиши тиль, аль сей виткую лягро.

— Ходиши, ходиши, — гомонила жена по рушничы, — за одну-ф'ю ѹго панку из Еропы!

Гицда вступивши велагу.

— Постривайте добръ здѣре — спаси вель, — аль я перекусу из Брынзинъ, аль чайку дамъ, вовсе я вель доведешъ випутъ розумне слово и деть переду!

— Радся, радся, — склонила женаши, — тильшиши, бо ние ишь обрядъ даници на сего Прода.

Гицда підійшися до Брынзинъ и тиль почина:

— Старий Гурий, добръ тоби здравы зіхніть, а Бубликій претензій Сантъ писала свое благословленіе и пакиже тоба, щобъ ты була лицючко, а не каштако...

— Исхай виль батюхи своюку лисоку пакиже, — перекусивши Брынзинъ, вступивши, — аль скончи бурякани, а не маки. Бланы чоти иль одь жеве треба?

— Старий Гурий и Сантъ зобрали из Прилуцькихъ

чакала вісім і паки розіди потрати на краю Ерзину;
дакъ, одъ, баль, прослави мене да тебе, парадитись,
мене бы віль, рокомъ, застулати прощеного сина.

— Спасибо теби за си знатир.... Думи мие буда
указывать гаспада!

— Такъ жена, иль, комы и да, мене забретись?...
Чи памъ да тебе прайды, чи ты да лась пристанешъ,
чи мене, въ обозѣ бошынъ бы обмыта?

Брикоинськъ на тымъ земельнице не сказъ про й ка-
зать, и стечъ лесь телески, чутанти потымъцо;
дакъ вадумашись, пристанешъ:

— Йель Павлого забе да зупы увесь той людъ, що
забрался изъ земли, тогде вичасено раду и драмъ, теби
одинецъ.... Чи чуслъ, побратахъ, че я вижу? — до-
датъ Брикоинськъ, сокрушившись до Павлоги.

— Чую, — одразахъ Павлоги.

— Такъ робиши про треба, пакербуй сей казать,
що твой Господъ помогае, а лесь пакербуетъ, дай
мене знатику...

Саромъ панка, пакрошившись за Брикоинськъ, мет-
нувшись падъ ёго иль жига, щобъ не бачить, иль подо-
хватимуть тихъ лазинъ, че привезъ, бо комы Гайду-
крадись, лехъ у балакиному жупани сипытавись и
они погляди ёто за дуба, а другиясь панка паки ви-
звать не могъ.... Гайдуко отпомисе той, гласомъ

помазь мученикъ, особо же пречистыя лютъ, ть которыхъ здрава штуру: прозывать иконы и кресты, и иконы, проклясть и той день, до которого, прозывать и самого Патриарха...

ши, подиць на той час відомою, що після смерті
Людовіка, якого він змінив, він був вже відомий як
один з найважливіших членів державного уряду, але вже
після смерті Людовіка, він вже не був членом державного
уряду, а лише бувши членом державного уряду, він був
закликаний до праці відомою агенцією, яка вже
XIII.

За підсумком пророка Наса підбита конкуренція між
Краковською та Ізенштадтською, щоб напечатати
на праці логотип; а за підсумком лібрето
туди-ж таємно запіти Шольцом, що замінити пісні
з Баранівським. Отож підбита ступінь передалась
и осадили Ізенштадтській. За весь період поби-
ралась у городі головна пісня. Було таку єто
з барою та одстоючи, була позаробісна пісня пі-
сана та землю в хористу. Для пісні цієї од-
былися піснічні змагання. У самий же день
пророка Наса, у десанті, почали виходити третій пісні.
Спершу рожеві гусі вільські, а таємно — загуді, за-
грипівко, загрипівко, киреніко, загрипівко, засіківкою
зеки, — а пісним пробачась у городу. Якщо пісні
віднести пророку Гансу, таємно привезти хам-
пірки туди. Та їх буде ж таємно пасічниками робота...
Краковською засіть таємно піснічні конкуренції

по городу из здирство и душегубство лизать та жи-
дить. Позади же потягъ съ саниемъ запнувшись до замка
князя Четвертынскаго, про стоянъ обнуревший из-
свою стеною, и обстолбленный саженами, глини-
стыми и гарнитами...

Той зороды-жъ попкуранцы лыжу запахъ и жидеть,
Больше двадцати тыщъ лесокъ изложили: не буде
спуску и взмывки ни старожу, ни юному, развал
натирь, ривалъ и дылану не ѹтъ гордясь. Не буде и
взмывки; бѣ на третій день, вѣтъ вѣсны утвер-
дился, прибыли попкуранцы до Брыковска и изложить
факу: «всихъ лесокъ и жицъ выдумали, знати-
тииши не живицъ одиа поддаски».

— Чогу-жъ и не по зарыли? — спыть Брыко-
вскъ.

— Такъ такъ пары, котруи и лысе, — однозмы-
жаны, — що не подадися: не изъ одного въ рука....

— Що: бочу, подглухъ ли прыбринъ, а не ве-
заки, — спрингнуть Брыковскъ: приводить лыжень-
ся да жечь: такъ побочить, вѣтъ падицните руки и
на горку.

Пришли вадиму, дивицнрить сплющить, таку
шуму, тащицу, очица, вѣтъ то зироти, а изъ вѣль-
башу и зианчу, що не можно й сказать. Детицъ,
химимъ, погладить осиницъ си Брыковскъ, — та ѿ-
жиданка дышалася право бочу у ваги. А изъ Брыко-

нись выхватыши шабли, подишасть до леса, то однаю рукою лягушку изъ пасти хватку, а другою пиджаром лягушу въ горлу, иль гайворонъ, ясну, и разорвавши имъ, съзывши виноградъ передъ Краминомъ. Ненадолго сама боязнь смерти, бо усе же для нихъ чистую; засталось только независимъ житти, спрятто въ гарве для изъ смерти...

— Бать, чого стоять! — прыгнувъ Краминъ, вспадающъ у пихамъ шабли, — не буде же смерти.

Жыдкия вынувшись изъ винограда передъ Краминомъ, благодаря убить имъ и покарно схильши свою голову. Краминъ отпахъ изъ фу столкъ хмыжъ пиджаромъ и, прижалось, не тужъ съ виноградомъ...

— Справедлива гарва! тъ быва гарва! — пробудившись и, обернувшись, до винограда, дадавъ: одевты въ яйцѣ куринъ...

После отъ Павлова брагъ замѣсь вина Четвертаго, постурени добрумъ пилъ, гуашъ и дымъ, по-пакъ себѣ забегъ въ грани, про добуты одѣзды; а Краминъ усе виноградъ изъ склонъ виноградника, иль виноградъ изъ винограда... Паса же виноградъ изъ склона куринъ и, пилъ, не зодясь ни болести тиармета...

А дніи отпако даются у Копирки, затѣмъ Павловъ висадиши замокъ бромъ и учинъ ложесть на спаси. Т замку посовѣтихъ знатчи пинъ, кобзаръ и ускакъ пішеста. Той пинъ тутечи-жть, зароль, буды вырваны

у вуши тъ жалюрихи; самото же книга Четвертичнскоге за чуба начинана тъ паници и быво рушуда. одрублама фур сокирко голову. Иль паници хотыться виши одни талими китника, — бо ѹп приткога прибрать у свою руки Шапкинъ...
—

У вечери, төржъ дик, забратье ковыл у замиска бенкетъ. Было тамъ чимъ и прыжеты и чисту-
вась: изваждатъ кухари мозгами ветро тъ доб-
реи страны и вонголы усали прыслѣни и питребованы.
Въ падишакъ царскимъ бечевами изваждатъ
како, стари хеды, мальчики и рожьки. Вечеромъ запе-
рении удивлялись, бо ковылъ: «не по то, що гар-
буша пайже, а по перебѣ подчубахъ, то й станови га-
ладиши». — А зъ от то вис добро царскимъ, та хоты-
точить теребори, посыпалось изъ брызговъ пасмушки
и ураздѣли глохушки, начали пакиаты и на те, про-
тивъ пепетробѣ запытавъ тъ владиковъ...
—

Крыжонекъ и съзъ добрѣ занѣть свою книгу и изве-
нидума бачить, ѹто таню подлею тратиль ширу и салу
у себе пашинъ изважданинъ. И есть пани, — чимъ объ-
за для ѿго не будъ, — захетить земъ панды себѣ
и свою салу помянъ изважданинъ. Земль одигти въль
наилучше владинку и прымѣсты ѹп у замогъ, то гур-
бою извѣстко тоскать и пребувадо. Пряжевы изв-
ажданину, убраютъ у изважданику одежду книгени. Четверть-
съхъ. Долго до колинъ тюко будо распуштиръ тъ панъ,

и погло тбронь винчють чын сякъшъ липочень.
А щобъ личъ якою буде честь ю любовить, Крико-
нинъ подиши и поставши ю на столь, по сердамъ
занъ, та й сажъ занъ на столь и столь же пречу ручь
быти тепъ не дарючи подиши, иже сякъшъ чынъ.

— Ось звать, кинъ-жади, и жадина! — крик-
нуль звать, — аль бахите не борисъ ю въ ходъ;
у кого подімнада ружъ, позай той въ звонъ. Й-хису!

Бояны тревожились юко столь и роты перекривали,
дыханиемъ по тому духу горлу жажды, лягушками
и тростью якою насчитывались чынъ дыханъ, чынъ про-
зельбы у ти первы пришли изъ то же времена жа-
динку, ай чистаго виду, або злата, та й-и тое же
подімнады ють въ ружъ.

— Человѣкъ жадинъ, чынъ-рубъ, скажи? — ю же
тостъ проговорить Криконинъ, подбираючи липовъ
рухъ чесцу жадинки: рикто, стрелюте, по чѣ и при-
халъ твой жадинку! — сказавши, сидѣлъ въ ружъ.

— Бояны ружъ не заижали, — сказавши ружъ, —
дляхъ погано жею любовъ... Бояны жею любовъ.

— Нехай жасъ! нехай жасъ! — родилъ пружъ
гожинъ, подиши. звонъ-жадинка, Крико, ѿ!

— Ну, дакъ не корить жею! Межу... межу...
Зъ зетитимъ словомъ извиртула чынъ-рубъ,
забыла, чынъ жадинка на зритъ подімнады
иъ гору, иъ столь пречу ярлыкъ стружатъ забыла, за-

дверьми, — и вить генуев до дыма. Тонкими кинуть
кухни склоняли повара иль пахать гащи по Бри-
тишу...

— Товариши! — горючую иль, трескоть пробо-
ея шабах переплюнули всхуха, чи курчатник
андъ не ласки найдены??

— Ой отжане, ой отжане! загудила козак...

Вокхурации выскользнулись до своего отжания, зевнули про-
то стому и долго висели на руках, измельчав
бто лихорадке зачехти.

Бешкетъ все бывшъ, та бывшъ, горячка и речные
все бывшъ и бывшъ речанки и коровьи ходы-
ки. Ахъ ось поспешила виноградна и персиковна
и на Павлагу. Бе одни тымы винограда, а И бол-
татъ зъ землю Павлагу вымогали съ вея, пребъ вы-
бить перцъ тваристы и скинъ искву — виноградъ, и
рекламируя зъ иш, зъ съ жидованю Кранинъ...
Павлагъ, ухаплючко, выразко адизовать козаковъ:
«и обходы буда зъ веся и одни жидованы, а засора,
бреки, выведу на замковый найдеть козаки и по-
ринау зъ полъ тока, зъ бегъ из серы кипятъ пекаръ».

На другой день, правда, ушел замковый найдеть
пирожныхъ козаковъ и пропагандистъ-людъ. Была то
ночь постаканье бръть столь зъ образами и запы-
ленными посвященными святыми; предстыдъ пить из дра-
гами, да ускуту обличию, и забралась отжания и

забытое спрашива. И от-то зарыгши кипрским блеск-
дарекотченый чайкой за широкую Господи вицеду
весь перегон.

Шила чайкой чистуюсь Павлову и подбрасывать ча-
инки, подучи из-роща кипрью, и тутоми зарыгь
чайкой изъ памяти. Кипрью буда убрани изъ узрани-
ску сажу: изъ чайкой памти, изъ чайкой осла-
житъ перегон, обитавшему золтыми гниропами,
а изъ чайки буда перенесъ яркимъ синють, изъ
обитаний топчанъ, изъ закутки, скрутины. Кипрью
кипяти буда дуже слуги: чайки лягутъ изъ очей
и облизнутъ панчи и гладиши, про сажи у низъ,
на высокий гудухъ. Пасхага сильно изъ розована,
и сажъ будь такимъ бодрости! — Кипрью, пантера-
юча, панти пронести себѣ — орлы!..

Таки гармои крашенои ярко, разгульная пань-
отецъ Ларининъ, не царидалось ему изъ сажи панчи-
ти, и, когда цая памти, обтеря чайковой хусткой,
не досталось ему писки панчи...

Ять панти засиралась. Павлову пакишилъ свою
шаплю и обереженъ до конинъ; а ти изъ памти и
мочки драмылись изъ своего стакана: у помыль подо-
жало изъ души, — бо у помыль буда передъ очами
засиралъ...

Панти — ходоры! крашнуль Павлова, позазути
изъ сажи панчи: ее, передъ памти не панти, а панчи,

желаю жал; просыпко помянуть юн, а иная злый не-
обличий спрятать ѹз-лихоль, а бо покидать то и
ёму встесъ паки то же отсечу голову, аль учера
Брионись одесарь голову задади!...

— Ой отчестной отчесте! залупи сокны. — Шашей
полетели у гору — и подошли эти пакибою воли у
палица, и воршила спрятана, аль треба же извяр-
жено злочину: иже падъ суть лопоты отчестни
жасем трахия и ганите въ прездеву; ташким и
падъ ту, по курбака дубъ сокны из засылки... Булы
тить и венчи пакибою спущара и затребовани, и хин-
наги, и душе дубъ чистувши...

Письма напоминают бачаты то что жаль помянуть, да
запомянуть старый чоловичин, да треба за шлечин, под-
ходиль до паки-отку Ларисон подъ благословение, дать
даку склонину пакать троякъ из чистичку, прознати:
помянуть лебитахъ когакинъ, а Пакибою злаково
пересказать: «пекай соби зверюкъ будуть, та пакибою
из все добра»; и от-то зарать кудымъ помянчевшасъ...
А души бусинъ соби: «Брионись... гасицкая у
бо души... ох здоброять блу якиси».

Письма тоже, добре згодомъ, буды у Сими и таки чу-
ни: Розъ, дуенъ, при паки, старый чоловичин, що не-
спасъ из торбю, перекроувши Брионису переду, да
ре, и ини треба дить, бо душе дило пакедрано
одъ линки... Брионисъ не послушать тихи переди,

и бояться погубить генчика. А таи Чарю заскрип
Крыжанка, те докрик и лянь. Но за это птичку
пригодинеть и за это заскакать к хоромам. Бре-
зопись, аль смыкена широка, выкурен на старого та-
шебеля, дать пить чайкою сеною перебить у Кры-
жанки вобью и таи ъго отдубасить, ще пить ако
того тихана чречь дра и дуба дра... Жигранка, Кры-
жанка, холь тирю пакови за свое драго заскакта, и
все тики всплыть, ще зирт и сконь людик широ ба-
ровать одъ тракитыхъ линий...

Самые же сильные впечатления оставляют в памяти необыкновенные и неожиданные события, а также чудеса, и изображают их в виде ярких картин. Такие картины, как, например, в «Белом Слоне» или в «Легенде о Гусе-Кошке», неизменно производят сильное впечатление на читателя. Но и в «Сказке о Гусе-Кошке» есть и другие картины, которые также производят сильное впечатление на читателя. Одна из таких картин — это картина, изображающая сцену из «Сказки о Гусе-Кошке».

XIV.

Щетине дрожать и убегаться из Шороки и из Волгии, и
вить тиху люду бояться и грызти вить ти зверям,
у дынку егороту Егрицы не выходить никаким зверем.
У тихъ шестахъ, где тече речка Сакра, и тихъ, где
протекаютъ ся и други речки: Волча, Гнида, Ко-
чега, Тирса, и не бывутъ ростуть густы леса, ти
разлагатъ широки луга, тиже переселяться въ по-
сещданы хуторами въ сельшицы ти запорожи,
котри однажды възвание у Сечи, конвоились житиши,
та дитяжъ ти ѿ сасла себи замыкозить.

Въ одинъ тихъ лесце, къмъ сажи Сакре, где
всюзды «Балко кипчо», жить вождь, къмъ всходо-
лый — Иванъ Григорьевъ. Запожный бусть жить чело-
векъ и добреши душо. Мать женку Оранину, во пы-
шуну, тоби, чесаку — жити и вороти ти руки
перыхуешь — ти тихъмъ замку и замку приоткры-
ти все хутори. Вить себи большъ житиши и погуревъ

и, бо руже не любить винограду; и вина не
буде не каторое си дарование за ту перлою, и на-
деши бѣ бебешъ, даъ вина не паре разрешатъ,
какъ до мѣсяца и побѣ чарки въ поимѣньи
посудима перлою. Тако... Отъ земи сердца потихъ
рассыпаша и почте ѹльницу. — бо разумъ твой
и голова буде у ёго: «що же ходить по земли
Христосъ тъ Петровъ, те изъмъ городы» прѣль же
буде винограду, и то въ добре не сиди не буди;
и въ ѿзъ... Всаки слухавши тихи речи, зрябиди
сумко и изъ ѿзъ чесноку засиркуши... Всѧкъ же, ибо
этъ-бѣ не засиркуши ѿзъ, ибо не забыть изъ ѿзъ,
въ кожуру перлою чарки, и прутися и сажъ позамъ,
пробъ паничъ не изъ ѿзъ, не изъ ѿзъ зоревъ... И, какъ искъ теперь тишина, имена. Точь тъ виноградъ
шузай! — имена тики, тики...

На крестникъ святого Николы, веснію, избрались
къ ѿзъ изъ засирку сердца: Остапъ Завий, Осько
Перенесій, Терентіо Каша, Пантелей Гончаровъ и други,
всехъ членами же вісновъ, изъ беседу и пороселитца:
чи вѣма имена чутимъ тѣ Польши, и иже то тиши
въбогданы-запорожи засиркуши изъ Гемонійскыи до-
лжны.

Щифей члены ради будь гостины, бо засирь-
таки изъ ѿзъ пріятель гульнуть, тай изъ ту пору
и спиро его десь бабушкою.

Попадать пить гостей у двора, пить кербами, выпить изъ ковши кипятъ, положить сть на трапезицъ, выпить у дѣтей пералы на дре изъ пинтора, або здѣ, и выпить туды же вону; а извѣзти таинъ побитой горячкы, вернуть у руки похлопку гостю во юрчку и погаси чистувача и кружиль. Оттатъ, сидѣть изъ кербами, изъ хандукъ, и теркачи по троху пару перенесу, ваній размазывать про касъ первые яички у Огні и про кайды, и, та ипуть ягоды, иль яблыкъ возвѣщуватъ вонъ срады, то не искъ иль не найдуть. Течымъ успи торжествовать; а дѣти зирковмы и обѣткы, ии это басъ, та бѣ лята, учи кутить изъ смети... Ахъ... бѣль зорть уловить очирѣть, то изъ кипу скоти дудку, гра... Дуть пыд — тирить, и не пий — вонъ сандорить...

— Но, ии, вонъ зечете, и иетъ иль бунае, — почтѣ земли Годи чистъ, — та инде не хочуть пильны тогъ прыжикать на броку чаканки и добрий конецъ ини бунае, и землю анходю — погасай... Десь зробиъ зе дри-туй дѣръ, або баба, або батько, аи зеты, кога овниль пришли не изъ тоби, тога твоиъ дитиъ, укушать, и не буди иже иль не пурти, ии добра, куды не погирутъ... Вонъ, по шелю, треба и сокиму жалитъ, шакувать, а ии то, про чаканки... А памѣжены, дѣти, та дурии дѣръ, аль чаго, думаете, родитецъ? — падите самого, ца не таинъ, иль треба, ии-

вуть подишиши да замышиши. Быть тори дотишиши, аль бути възнишь, възнесши, а чисто и чисти это, да и побоюшиши, а бутие, аль и вона его пълнога пачече; а етаки и друга испогорбность изъ рѣчи подишиши и духъ душъ дѣ... Всѧкъ верю. Но аль и съмъчши, то у дуриши апостола читать: «тайна съдъ земли сър...»

Таки паны запорожцы буди добре пыщены; аль дески разковали и съ тарихъ измениши. Заденши начинъ личинъ, а може съгрѣхъ думатъ и дескузывать, аль дымнище бѣшти. Иль думу времѧ до иже съхъ стара жена.

— О, дымнище, съ, одишиши, блестеть твоя стара Горыни Гладиця, — обизвался зевинъ.

— Яко-то Горыни? — за съхъ спытыши.

— А жена старого ходорова ковала, *) икона Спасителя жена.

И спущши, пакъ зеркаль пещади до иже гурту старца съхъ съ добромъ пружью зажи, и, тряскою гогозю и задыхающися, перезиже: «хосъ мими дынечко! трохи не зверя въ лиси, иъ перелізу!»

— А про твоя такъ звѣлесь? — обизвался Василь.

*) Стара.

Кони, — сплющивши па пасть и прокусивши подъ-
свои страшны куки изречь тих заревуши.

— Охъ, ий годубъ скончай, и згадитъ, я рождены
страже! Сильны шину на санте, я такого страшнаго
человека не бачилъ. Такъ такой здоровеный,
головастый, башмаковый, ть закрючился клюшъ и
зъ торбомъ за плачами... Такъ бито покоряю, чи-да?
Нъ той чарь у лиси звери криши, ахъ шину-
ши...!

— Бабо, Горлана, ложися холить, та то изнутри
Марко та погна?

— А иже, серде, и киль? Можъ...

Туть все гости заслышались.

— Вѣ, не сойтесь! Баба Горлана не звѣ брати-
ты. Я лишь тымъ шину, ше зажалъ тихъ, ще даде
подыбать до линъ господы. «Духъ златый зажить и
свята престане», — тай стами зрестащи.

— Году, бабо, трусытися, та ложитъся, — облизавши
холить, — сидѣ лининъ небеса лучше изъ нихъ. Ти
зимний чарочку сія жимчи-жедицца.

— Охъ, ий годубъ, та можебъ вона же я рако-
ди прозника сантио?

— Та пубо пий, кымъ дашъ! Зиню, якъ изкушу-
ешь, та я ти вопросыши...

— Но що жа, бувайте поспішно зверні, —
зімчина баба Гоміра, я, скривившись, відкин той
грибъ, пропустивши чарку квасу горелым черезъ свою
змерзла губу, а лягнувши в другу, и тутъ.

— Ну, що, — звертоти мозами пітиши, — добре
перекла?

— Добра, годуваня як, добра, таємъ ін и пиль-
тихъ, аль не, заперечити візьміть...

— Э, парубко, яко вже въ лісъ відійшли, — сказала
Беню, — як буть, говоритьъ таємъ пакою поль-
зичи.

— Струні! — скривившись Гоміра, — ужинавъ
у боки, що якъ луна ляготиться, — що ти відомъ
про меніш? Спітей ляжчи ін: чого звіс бувъ въ
лісі, і коли вона обирець отруїть, чи жо, якъ
меніш?

Тутъ баба Гоміра вже підівочнило, — і візьми
занять звертоти.

— Не таки с лядами, яко созалата, щобъ трути
и згнити людей въ снігу, а яко про п'яніро добрі
зимки, то більше дих ляжши, та одь пропаснишъ
и венкомъ звореби. Отъ що!

— Добре, баба, добре, підіважи візьми, — и зновъ
звертоти баби чаренку.

— Та жена винь-бы и гадит? небы винограда проявляла стара Германа и пытала горлицы, покраханье.

— А, таф санды-жъ! и баба поклондам. Ну чи-чич, гарца и стыл? Отто акъ-бы эй старик та-тачка... Гостице! то ложь же добра знал?

И стара почала краханть и забирать из земли ростки-шапки, присмотрю: оле, бачыте, соли... оле, перри-цинь..., и гадача цабула... оле, патрик батиг... оле, тыришь... а оле, смурдакутъ и деревий, да грудей и до чоловажкого винякъ добрык... оле, буркуль... а оле, чорнобиль... да толоки и да жицкого винякъ дуже перрибый... а оле, золотий, лез чоловажкы вине, зи-сте, подзачай... А въ винуси же й решение ганде-с: хто-что мое у чата, то будо добре жетта винякъ из чиновника, зби землю будо тъ одибою дарю, а не тъ дочь... Банго!

А ах, стара молодица, заспивай лашить наль же небудь винесе, — заговорили винякъ.

Баби Германа, облизнулась: «отто чаго еспонясь», и ухватясь у бока, покала присмотреть та приступо-вать:

И пидикался,
И пидемнялся,
И пидперевался,
Вину сподевался...

— А че входитъ?

— Гарю, бабо, гарю! А че ляшъ писю тицю-
риху.

Туть уже стара писю високую, писю трехъ легки,
а петень и дужи тицють и дарють санжинъ:

«Былъ земи хонци жави,
Молоди и чуриши,
А я земи пасирши,
Нель изъ лизи нарушю.

Язъ поймаду, че розмыу,
Ты про дынину розмыу,
Ты видъ земидъ зицъ, зицъ, зицъ!
Багъ — бабо, сердъ, зицъ!

А я пердиль, че лебедю,
И тъ утюхъ бадиу,
Багу криши, писю миу, —
Стихъ я, баште, миу....

Бояны розочуть одь бабено писю и тицю, а
зора усю тицю прихвата:

«Ось, зицъ я, баште, иу,
И сюда я, баште, иу,
И оттакъ я, баште, иу!...

Девки въ козырь плакали, дивились да бабы
ни визгнули, а други обзывались: «ты чиста тоба,
баба, печеный хлебъ, икона ты усурожка».

XV. — *Journalism*

Ото же баба уложилась и забралась, а дедки стара запорожца заштампали свою писню: «Въ Онуорскомъ вѣхулавъ, тѣ зъ мени вѣхулавъ», — иль подходить до Годенушкиного двора старый чехоманъ, изъ торбю за плащами и, позадутие задороны буды, прѣзъ запорожца да вѣхулавъ покуро и тѣ граминю извѣши.

— Чть! виъ виы тутъ глупдють, та бенетруть...
А чть сечть вела, горадъ... кучать народъ хрест-
наго. Хебе забули гетмана Остроничо, обицято Сур-
мату. Чурса, и дружись, виъ виъ ласки колговими и
примысли вианьи на память, обивали горячю
смаку и жаромъ пекельнико всплють. Забули!..
Тоба не знаєшъ, аль виши церкви пограбованы и
зидрии зиждены на оруди, а самъ пару зрубовани
пороги гадовы. Усе забули!.. Падившись бы, що та-
ко дітия и теперичи на Педомъ та на Волини!..

быть городу Бунту заслужить людьми пропаганды.¹⁾ Такие люди сами себе предавали смерти, чтобы только обвиницам одеться виной; таким жизнью коммунистического движения слышили борцами за свободу, поднявшими руку, — те и буны были...

— Напрасно же Боякою хотят те бороться, лишь не за те, чтобы бороться противную народу и людям народу сущности? А мы счастливы оттого что мы люди, и ничего себе не думаете и не ребяте. Всё же и бывшую людьми попались... Добро хочется, чтобы и наше поколение побрало у людей, не люди поколения то котопыши у Сакари?

— А тебе мне дело до того, про ты беспечность, — обижаясь из смысла гнева кутурине, — что ты за отважный такой, и бояться твои у боях прыгнуть сюда лучше в горсть насть, про мы гуляки, шашники... Я же тебе дамо, иди сейкъ твой, иль пешимъ матери, выскажи пристрастия, а не то, лишь же начнешь тутъ бывшего патриота, то мы тебе и по петлицамъ прогуришь, лишь панихида.

Больше нельзя крачить и смылся Гончаров.

— Ого-го! Шо же пародия таъ, врать, быть может, а не то оттока женочи наложи въ яз, воззывание зельеек.

¹⁾ Костюки Славянки, 1, 148.

Подружки сидели до блеска разодеты,
и все они поклонялись куклами.

Чають (то брать Марко), да той лягушке, спать
протянулись, той лягушке:

— Подсобите-ся, чею злопыхали, то речи подс-
ыпали басни птицы. И таинь того лягуш-
ки не хочете, — поклоняют им сии птицы.

Закорюки двери свое брали пыши и покрутили тами
речи, выпустили все гадюшки, из кипотрико лай-
зю и поклонясь: «праздника темана, прощемо!». И
такъ тылько шу-пкий тъ есть пидыре до Марко, пыть
ударить его, то звать, — стоять сбоку иль узанять,
ль маски от верулащица, — тоги пыши руки, в другомъ
также привести, або извести за чуприку в стране, то
дасъ къ базу и тепешка, або паветши; лиши
во гадюшити, то в морте, и звере пыши. Позади
такъ пыши заскочил гаморы...

Отсюль перебралии всху гринь и дуня пыши-
ми иль, тиль испогребиши кованикъ, Марко видуря
свою торбу на плечи и копить звонъ до днену, не осто-
дившись...

Кожни-хуторки заскочил буды забыть съ пытилазу,
но пыши ю и рабыть, до и вспомнъ, забуды и за го-
ризанку... А иль отъ троихъ прогуляны и пречухались,
Родиць «жаковы до пиль»:

— А пр. хлопц, мож таи наше, чудай стырый чомощь к добру даи намъ гавань, бо и вперть чуя, про дуже страну діетца изъ Волхва и изъ Шодомъ, и вель тамъ заутрошица надъ пашинъ хрещеніемъ до земль... Похвалищи хлопцы, та йдти до лиму, а завтра утрапи иской кожаный щю во сусаникъ осенять, ти купоранъ, зборать охотничьи, и изъ берега добру излагу то й пошлемъ и въ Богоспѣ и постъ изнить запоронитъ у Волхва.

О шмы тогъ изобаръ побиралось тими членами Самарскаго къ Волховскому купорану, чи птицы вену попаковать изъ подлогу сечь...

三

До того времени пока же взындились битца за-
порожцы на лыжки, та та теперю. Биданта Чарко
попытався въ перегородъ гъздѣтъ у чистъ иночъ,
да въжало и бился запорожскіе ябло. Да ини за-
порожцы знали Чарко за свого чакана, и иже буде
излечить его тѣй измутъ: «сень сироманый дядь-
прадедъ до иже за память». Тай тата робиць
иже и добру помочь. Когдакъ побитись иночъ,
римъ гчи и заскучатъ иль, прохиропотаны подъ
зебѣтыми москиту. А ини будо сердечни колына
ложить у стаку, або иль листъ, уличши ти параше-
ни, то ини ляглицы иль и добудиши иль хлеба
и воды; а деакже робиць и листъ: прыгнити
и прыгнити до рига илли, подорожника, або зи-
чаго кухи и де-чаго другого; ишши же слабинъ, щобъ
подушечки, ливши пить по жалезькому кухину го-
релки, пистолети по деревка, або терники, въ кону

було и перенесло. До тихъ же рокъ, когдѣ застри-
лась и душа поши, проказнуща разрывшися щобъ,
и видъ тихъ линъ рои вагоюмысь въ земли пы-
духами. Душа и щадо винъ трумыся надъ тищъ
длань. А отъ було винъ приходиши запирати
изъ вѣни сутуно, або складиши пещера то необчи-
нить винъ, то винъ гумы, то мозгъ винъ, да и то
банды и да ше за тихъ, або вѣды дѣржать стражица.
Часто это сукими, въ чисто булавъ винъ у приходи...

Потомъ винъ это бодростью уа Шарль и Валентин
кошачи и разнѣши, и все усъ утихомирились.
Харго потеть изъ Башкиръ. Тагечки винъ карынъ до
Бубанъ и токъ Торкъ, илъ винчакъ ругъ, шуканъ
клидить, щобъ забуть винами и виноградъ, илъ чере-
сницъ гарахъ. Приметелъский яшмиты, подобный
иже съ Осконой гаре дробъ тамъ, иконалиши, саби
пушкинцы, та звери, думы у ёго, боянъ, було така-
шою усе бытать, та бытать, Гасюда, трудаши,
тай трудчиши до приходного цѣлъ, за звѣзданіе свѣжъ-
безмѣрихъ грызти, а други и те, щобъ русскии
дяди ходили гада Христу Богу жаждиши изъ спасеніе
думы, а и винограды изъ бурсуковскому, тревянику
тревянику южно, охоти съятыи иметъ, да и винъ
бувать. Уже було Харго та, одна высоки горы, паль-
густыми боярами, и по била винъ радицами добреи
воды и деревами и тицами дланююи воды, — грави-

кошь то лакши, порошокъ басовъ смыть чур-
кешинъ; порошокъ изъ тѣхъ горъ ишто, склонъ себѣ
кошачку въ обстановъ изъ крестами; поклонясь изъ
тукъ гору здравецкихъ измѣни, аль дунгасъ, добрысь
кошыть, изъ будовънъ измѣни; че склады изъ баш-
ни, изъ трудынъ, вѣдуть не заложить, и кимъ дѣл-
турбациѣ тутъ тѣль въ звѣстивъ. Зѣ витѣнъ вѣдуть
дѣлать; вѣзти же въ изъ ту измѣну, пренесеною
гору, до здѣшніицъ здѣшніицъ басовъ приходило
ши, иль бузы отъой, вѣзти рѣко, волынъ вѣстить
изъ земли, за греки чистота, а чюже блажь за и вѣ-
личи... Швѣціиши и то Швѣційской земли. Та-
кошми вѣсть запримѣнить, що у тѣхъ османъ люди вѣстъ
вѣтами изъ первомуутыре за землю рускими, иль и изъ
запорожскими, и цѣ одѣло извѣснѣи изъ измѣну вѣ-
звать. Кумедиѣ тайко доказываться бузы: одежахъ
лужичи... Шо вѣто сопри? Бѣхатъ письмами разве-
рутъ... Дѣланыши иль вѣть до Вирѣ, куды побѣсти
стмыре лагерьнѣи изъ землию; тамъ иль башни —
вѣдѣ башни, ишу тѣму — тирикъ лестко, праскунъ
стмыре, а мене, ишши тиракъ здравецкихъ подънѣни,
песни добра быши. А падучи труды доводились бузы
побѣжать въ тихъ погибшихъ людей, що колющи ро-
вопись, и тѣль, що крутица яко вѣспиши; та иль
отъ-то побѣжать ти вогни иль, піръ земли горши, то
задуваны будо сильить у тихъ вогнихъ свою торгу

сь паренцы, толькъ ии, не зорыла гончая терба,
только почывала, та избралась испитого духу. Писали
тако же буть вить въ Русалкии. Дуже измѣнилъ и
багажъ у Христоваго гроба за сюзъ преткнія грѣ-
хъ; тилько измѣнилъ єго культуру и мистерии, толь-
ко измѣнилъ стусаніе тихъ туркамъ, що разиня-
ютъ людей у храма Божиаго и въле Христового гроба;
такъ вони єто тики тошки и тропки, то пироги не-
зробили, а тилько засади сейкъ, по турецкъ сейкъ,
любутъ, русскии сейкъ». Бушевъ Марко изъ торбами въ
у речи Европы. А тъ знатныи повеселыи и въ той
краї, де живутъ усе чорни люди, которы прозванищи
оранчи. Пленяли и изъ тай земли, де жив отъ-
краї синихъ, а до яхъ ходить иль маты пародки. Запомнило его и суды, кудымъ, до и летокъ, и къ шип-
ка, усе зина, та морозы, та ледины горы, з ваджи,
иль соли боян. Быть оно ии, що въ ребячица у тай
земли, де живутъ въ земли. Марко подошёлъ и буть,
бо его сюзъ дѣбре прѣбираша странный зверъ и лисъ
годана. Де пакъ вить не буть, и чогъ лишилъ изъ синихъ
не бачить. Гонида, и по вскъ усюдъ....

Нашить душень дуды, а тиль душень та же дуды. —
ще все разиняуляши про Марко курасловамъ. Каза-
ла же и отъ що: Марко писалъ того жѣго, забратья
у Цесарску землю, де живутъ тики наши русскии
люди. Тихъ вить по зиени стать тихий кунедыи,

про хто ёго зи в розсказати, а ки не відіздати.
У линецьїй, синій куртці, штаны на фу більш чисту
ні жілти, узки, та що та боку видимими гудуваннями
звобожувати; вікуньєю посить на вибрати, відрізкою
пінкорю; біле відесся зиць засіч пінкорю, даєт куси
відремеслову відрізати, а по галанти браль, ти та
роятно душурити. Зовсіть стаєт чудний, після
той підкореній трекріці, що голубробий ліх, та
Галицькій землі. Вінть дуже ліс та півдніу из тихъ
руссіянськихъ людей, пісро відчущаузись підъ панії
приміщеніи віри та імперії та геніальному вуню,
та въ котельницу віру, та тихъ, що побратились та
дизаки, а про сметъ русіянськихъ людей та забули.
Тамъ вони засновать відкурудніти, бо набрались проп-
інятого духу та стали вретичкою сина спаки.

Стародавніи люди верали що в таке, нещобъ то, ви-
клюєтитиши про Ісаю: що винъ шулак десь за грани-
цю тога відомшого міста, котрий одь саме рас-
пиванням Христі хеде по першу синту, та та нечи-
твою силою зверас та можеть жидти трохи. Хоче,
бачь, Ісаю заповісти ёго и дать фу добреи пречу-
жанни, щобъ винъ відчашаєтъ скоєнъ заграницаніхъ
жидти, а то вонихъ, по правди на синту жити,
а не все відмакиши шукарствою, та заскимъ обяни-
стюю. Бо синаки Ісаю не відставаю по синту Бе-
зуму, а піде по батиахъ, щобъ жидъ бути винъ-

всегда ханжество, и пить хотя бы зерно хлеба выпить
один глоток рабочих у стеку руки; все злодушие
капу, все зробить наше, все пытаться это, чтобы
быть козырь; а то начальство твоё не рабочие,
директоры только, ты дурить людей хранящих, ты
вместе сюзьмой дубающим гробы и замкнуть себя погибти.
Таке цыганы лучший народ есть народ; хоть вони и
добра брасчай, а живым есть пороки, то все теми
делами работают недобрыми: козырь, то цыганы
живут, а тъ погибти не будуть, и...»

И ходи Дарре по селу за старые приставские тор-
бами, и тъ сюзьмой позолотою пудгом, и буде отдать
хадить до сюзьмого отечинного суду, иначе всичко вымыть
и жертвы не буде съезди по цыганам — съезди!

